

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

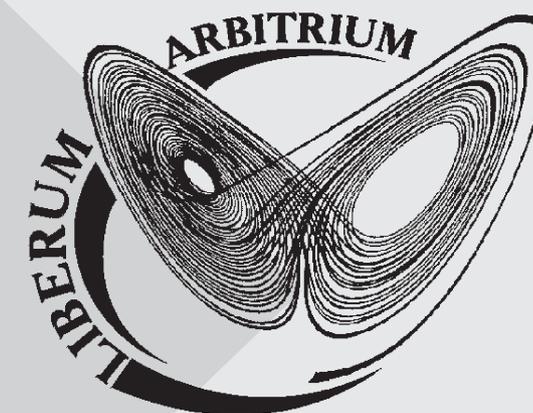
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ АПРЕЛЬ–ИЮНЬ / 2021

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 19. Номер 2 (65). АПРЕЛЬ–ИЮНЬ / 2021
Volume 19. No. 2 (65). APRIL–JUNE / 2021

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ**

МЕГАТРЕНДЫ

- Андрей
Виноградов** ► Китай в Евразии
- Элина
Сидоренко** ► Перспективы национальных
цифровых валют
- Филипп
Трунов** ► Военная мощь ФРГ

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

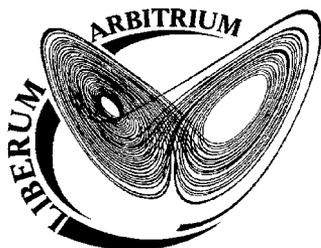
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 19. Номер 2 (65)
АПРЕЛЬ–ИЮНЬ **2021**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Mikhail Troitskiy, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

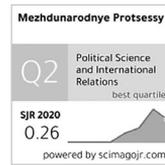
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«*International Trends*» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский, Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский, Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США), Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков, Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич, Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина, Евгения Захарова, Наталия Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)
ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2021
© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2021

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

GLOBAL CHALLENGES AND NATIONAL PRIORITIES

Volume 19. No 2 (65). April–June 2021

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Andrey Vinogradov	China's Project for Greater Eurasia.	6
Nikita Khokhlov	Echo of Arab Spring in Western Europe	21
Alexey Vasiliev		
Angelina Belichenko		
Polina Kirdyankina		
Andrey Korotayev		
Philipp Trunov	German Strategy and Tactics in Military-Political Sphere by 2020s	50

PERSONA GRATA

Faces and Personalities

John J. Mearsheimer	"You can only have so many dedicated theorists in any particular field..."	74
---------------------	---	----

CATCHING A TREND

Andrey Vavilov	Current Political Manifestations of Regionalism in the Context of the Power Crisis in Ukraine	85
Dmitry Lanko	International Politics of Russia's Water Strategy	105
Dmitry Nechiporuk		
Sergey Lunev	Prospects for Establishing Partnership Relations between India and Iran (Significance for Russia)	121
Vladimir Yurtaev	Taxing Digital Economy: the End of Optimism	138
Sergey Shokhin		
Ekaterina Kudryashova		
Anna Shashkova		

WORLD POLITICS AND TRANSNATIONAL BUSINESS

Elina Sidorenko	Digital Currency of Central Banks	151
	<i>Our authors</i>	167

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Андрей Виноградов	Китайский проект для Большой Евразии	6
Никита Хохлов	Эхо Арабской весны в Западной Европе:	
Алексей Васильев	опыт количественного анализа	21
Ангелина Беличенко		
Полина Кирдянкина		
Андрей Коротаев		
Филипп Трунов	Стратегия и тактика ФРГ в военно–политической области	50

PERSONA GRATA

Лики и личности

John J. Mearsheimer	“You can only have so many dedicated theorists in any particular field...”	74
---------------------	---	----

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Андрей Вавилов	Актуальные политические проявления регионализма в условиях кризиса власти на Украине	85
Дмитрий Ланко	Международно–политические аспекты водной	
Дмитрий Нечипорук	стратегии России	105
Сергей Лунёв	Перспективы установления партнёрских	
Владимир Юртаев	отношений между Индией и Ираном	121
Сергей Шохин	Налогообложение цифровой экономики.	
Екатерина Кудряшова	Конец оптимизма	138
Анна Шашкова		

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС

Элина Сидоренко	Цифровая валюта центральных банков: экономические сценарии и прогнозы	151
-----------------	--	-----

Наши авторы

Our authors

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

РУДН, Москва, Россия

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Резюме

«Великая китайская мечта о возрождении» неотделима от восстановления позиций Китая на международной арене, в Восточной Азии в первую очередь, но и на Евразийском континенте в целом. С начала реформ в 1978 г. Пекин постоянно расширял свои контакты с внешним миром, первоначально в качестве перспективного и ёмкого рынка для промышленного оборудования, технологий и инвестиций, а с начала XXI века – в качестве активного участника институтов глобального управления. Деятельность в многосторонних форматах позволила Китаю накопить значительный опыт участия в международных делах, особенно на региональном уровне. На глобальном уровне активность Китая сдерживали не только противодействие Соединённых Штатов, но и специфические особенности китайской цивилизации и его модели развития. В этом контексте концепция «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутая Си Цзиньпином, означала не универсализацию и унификацию, а, наоборот, право стран и регионов на многообразие путей развития и форм международного взаимодействия между малыми, средними и крупными державами. Развернувшееся в последние годы соперничество между Китаем и США в Азии означает не только борьбу за лидерство в регионе, но и столкновение двух концепций международного порядка, построенных на разных подходах и ценностях. Проект «Пояс и путь», первоначально предложенный в качестве двух региональных и не связанных друг с другом инициатив для Центральной и Юго-Восточной Азии, превратился после их объединения в первую китайскую внешнеполитическую стратегию глобального масштаба. Её реализация бросает вызов интеграционным усилиям России на постсоветском пространстве и требует от обеих стран поиска новых инструментов и форм взаимодействия.

Ключевые слова:

Пояс и путь; Китай; Евразия; регионостроительство; сообщество единой судьбы; Россия; сопряжение.

На протяжении большей части истории Китай считал себя центром мира, выполняющим мироустроительные функции. Начавшееся в 1842 г. «столетие национального унижения» в первую очередь означало утрату этого места и превращение его в мировую периферию. Тем не менее уже вско-

ре после образования Китайской Народной Республики (КНР), в конце 1950-х годов, Пекин громко заявил о возрождении своих амбиций, оспорив лидерство Советского Союза в мировом коммунистическом движении. В 1974 г. Мао Цзэдун представил международному сообществу концепцию

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.12.2020

Дата принятия к публикации: 07.04.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: vinogradov-a.v@mail.ru

«трёх миров»¹, которая отводила развивающимся странам во главе с Китаем ведущую роль в мировом революционном процессе и одновременно в архитектуре будущего мира. Этот проект так и не был реализован, прежде всего по причине экономической и технической отсталости КНР.

В начале 1980-х годов идея создания собственного международно-политического пространства исчезла из списка приоритетов китайской политики, страна сосредоточилась на решении внутренних проблем. Эпоха войн и революций сменилась эпохой мира и развития². Продолжением этого курса стали наказания Дэн Сяопина своим преемникам: не конфликтовать со сверхдержавами, не брать на себя инициативу, не ломать международный порядок, «не высовываться» [Портяков 2015: 15]. Завершающим штрихом новой внешнеполитической доктрины стал отказ от принципа пролетарского интернационализма на XIV съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 1992 году. Пекин освободился от бремени международных обязательств по переустройству мира и перевернул страницу.

Постбиполярный мир привёл внешнеполитические амбиции Пекина в соответствие с его реальным потенциалом, заставив отказаться от роли глобального действующего лица, игравшего на противоречиях сверхдержав. Понижение международного статуса было компенсировано благоприятной внешней конъюнктурой, которая способствовала успеху экономических реформ и открыла перед Китаем перспективы обретения глобального экономического статуса. Реализация главного конкурентного преимущества — дешёвой рабочей силы — зависела не только от соединения с передовыми зарубежными технологиями и инвестициями, но и в ещё большей степени от выхода на внешние

рынки. Курс на открытость, непосредственно предшествовавший экономическим реформам, непрерывно углублялся. Стратегия «выхода вовне» (*цзоучуцуй*, 1999) [Островский 2007: 199] и присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 г. придали формуле китайского «экономического чуда» завершённый вид — дешёвая рабочая сила, зарубежные инвестиции, технологии, природные ресурсы и рынки. В отношениях Китая с окружающим миром произошли фундаментальные изменения: внешняя среда перестала быть объектом переустройства и превратилась в важный фактор внутреннего развития.

Между тем последовавшие за этим двадцать лет демонстрируют обратный процесс — возвращение Китая на мировую арену в качестве глобального игрока, обладающего не только политическими амбициями, но и широким арсеналом экономических, военно-политических, культурных и идеологических средств для их реализации, то есть всем необходимым для полноценного участия в строительстве нового порядка, который идёт на смену существующему³.

1

На начальном этапе реформ главными для Китая были отношения с развитыми капиталистическими странами — основным источником технического перевооружения и потенциальным рынком для китайского экспорта. Другие страны, прежде всего соседи по Юго-Восточной Азии (ЮВА), выступали в роли естественных конкурентов и не представляли особого интереса. В конце 1980-х — начале 1990-х годов в обстановке сначала наложенных на Китай санкций после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, а затем и ликвидации глобального противостояния сверх-

¹ Дэн Сяопин цзай льянь да ди лю цзие тэбие хуэйи шан фаянь. (Выступление Дэн Сяопина на 6-й специальной сессии ГА ООН). Жэньминь жибао. 11 апреля 1974 г.

² Об этом в первой половине 1980-х неоднократно говорил Дэн Сяопин, а в 1984 г. её окончательно сформулировал. См.: [Дэн Сяопин 1988: 58, 59, 125; 2004: 151, 153].

³ О неизбежности и возможных вариантах нового порядка написано, например, в работе А. Ачарии. [Acharya 2014: 106–113].

держав стала формироваться концепция «пояса добрососедства» [Мамонов 2010: 41]. Она в равной степени относилась и к соседям по Восточной Азии, и к ставшим независимыми государствам Центральной Азии (ЦА). Возникли два главных региональных направления «сопредельной» дипломатии Китая, отношения с которыми принципиальным образом отличались.

С большинством стран ЮВА у Китая складывались непростые отношения, но одновременно существовали обширные культурные связи и большой потенциал экономического сотрудничества. Со странами ЦА отношения нужно было выстраивать практически с «чистого листа». В них не было ни острых противоречий, ни особых достижений и развитых торгово-экономических контактов. Общим было то, что у обоих регионов главными партнёрами во второй половине XX века традиционно выступали другие великие державы — Россия и США. Политика КНР предполагала в качестве первичной задачи создание с этими государствами особой системы взаимодействия.

С Россией этот процесс проходил достаточно быстро и успешно. Визит Б. Ельцина в Пекин в 1992 г. стал основой для установления «нового типа отношений» между Россией и Китаем (долгосрочные и стабильные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества нового типа). В российско-китайской Декларации от 25 апреля 1996 г. констатировалась решимость двух стран «развивать отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁴. Принципиальная позиция двух стран по развитию постбиполярного мира была сформулирована в следующем году в «Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового

международного порядка»⁵, которая была подтверждена в концепции национальной безопасности КНР (1998), зафиксировавшей идеи многополярности, взаимной безопасности и экономического сотрудничества. Таким образом, Китай, *во-первых*, заявил о готовности к деятельному участию в международных делах самого высокого уровня, хотя и не вернулся к активной борьбе с гегемонизмом. *Во-вторых*, он определился со своим главным союзником и единомышленником по ключевым для международной повестки вопросам — Россией. Это создало предпосылки для проведения новой региональной политики в Центральной Азии.

Несмотря на то что из всех соседних регионов ЦА была наименее привлекательна в качестве экономического партнёра, у неё были другие достоинства. Со странами региона у Китая отсутствовали конфликты, территориальный вопрос был решён. В то же время образовавшиеся независимые государства были открыты для внешнего проникновения и испытывали потребность в установлении разносторонних контактов, что предопределило появление особого формата взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году, стала одним из первых практических воплощений доктрины партнёрств, «первой региональной организацией сотрудничества, инициированной Китаем в качестве основного учредителя» [Ю Хунбо 2009: 41].

Главным движущим мотивом деятельности в рамках ШОС было обеспечение региональной безопасности, ставшее особенно актуальным в свете исходивших из Афганистана угроз. Начавшееся ещё в советский период решение пограничного вопроса на условиях равноправия двух великих держав устранило потенциальные очаги напряжённости, которые омрачали

⁴ Совместная китайско-российская декларация (1996 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/273010.htm> (дата обращения: 15.10.2020).

⁵ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 15.10.2020).

отношения Китая с соседями по ЮВА, и заложило фундамент для сотрудничества в политической области. В атмосфере стратегического взаимодействия с Россией у КНР впервые появилась возможность претендовать на роль одного из центров консолидации соседнего региона. Этим было продиктовано желание Китая придать ШОС характер всеобъемлющего регионального объединения, занимающегося не только вопросами безопасности, но и всестороннего экономического сотрудничества.

Решению этой задачи способствовало проникновение США в ЦА после событий 11 сентября 2001 года. Появление в регионе единственной сверхдержавы наделило организацию новой ролью, существенно повысив её международное значение. Опасения России и Китая относительно усиления Вашингтона способствовали их объединению для противодействия Соединённым Штатам, военное присутствие которых в постсоветских республиках ЦА было устранено к середине 2010-х годов. Вместе с тем, понимая свои слабости, Россия остерегалась появления в регионе любой третьей стороны и усиления соперничества за влияние в нём. Несмотря на усилия Китая, ШОС так и не превратилась в полноценную организацию экономического взаимодействия. Желание сохранить за объединением функции по обеспечению безопасности, в котором позиции России были непоколебимы, и не допустить укрепления Китая в экономической сфере обусловили поддержку Москвой высказанному в 2005 г. желанию Индии вступить в ШОС, где она стала бы мощным противовесом Китаю.

Позиция России была открыто изложена в Концепции внешней политики 2016 года: «Россия считает важным дальнейшее укрепление позиций ШОС в региональных и глобальных делах и расширение

её состава, выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС»⁶. Отдав предпочтение расширению, а не углублению сотрудничества, Россия ясно расставила приоритеты. Для Китая, вышедшего на рубеже 2010-х годов на глобальный уровень, экономическое значение организации также существенно понизилось. Региональная дуополия с Россией, которую Китай рассчитывал создать в ЦА в начале 2000-х, для ставшей глобальной экономической державы теряла привлекательность. Дальнейшее сопротивление принятию Индии становилось бессмысленным. В 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС.

Несмотря на неоправдавшиеся ожидания Китая, учреждение ШОС сыграло важную роль в его внешней политике и означало выход китайской дипломатии на новый уровень. Используя рамки многостороннего сотрудничества для проникновения в регион, КНР не только получила опыт взаимодействия в рамках региональных международных организаций, но и заложила основу для дальнейших самостоятельных действий.

Отношения с соседями по ЮВА развивались иначе. С 1997 г. КНР стала участницей «АСЕАН+3». В 1998 г. подписал соглашение «АСЕАН+1», в основе которого лежало взаимовыгодное сотрудничество быстрорастущих экономик с перспективой создания КНР и странами АСЕАН зоны свободной торговли (ЗСТ создана в 2010 году). Все эти шаги способствовали консолидации региона и формированию восточноазиатского регионализма, ставшего особенно популярным у некоторых политических деятелей после азиатского финансового кризиса 1998 года⁷.

Постепенно у Пекина накапливались экономические предпосылки для того, чтобы закрепить за собой статус неформального лидера Восточной Азии. Идея

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 15.12.2020).

⁷ Хотя идея восточноазиатского регионализма стала формироваться задолго до этого [Сумский 2011: 68].

«мирного возвышения» (2003) отражала новые представления Китая о своём месте в регионе и мире и не противоречила идее восточноазиатского регионализма. Тем не менее она не учитывала опасения соседей. В отличие от великих держав, государства ЮВА первыми проявили беспокойство относительно возможного возрождения китайской угрозы [Мосяков 2012: 83–87], что заставило Китай внести коррективы в свой внешнеполитический курс. Пришедшая на смену идее «мирного возвышения» концепция «строительства гармоничного мира» Ху Цзиньтао предлагала Китаю выстраивание отношений как с великими, так и с малыми державами с опорой на растущее экономическое могущество и расширяющуюся внешнюю торговлю.

Мировой экономический кризис 2008 года, сократив присутствие США в регионе, ещё больше укрепил позиции Китая. В 2010 г. КНР стала главным торговым партнёром АСЕАН, а сохранявшиеся финансовые трудности в Соединённых Штатах заставили соседей ещё больше дорожить экономическими связями с Пекином. Приверженность эволюционному характеру возвышения привела к существенному росту внешнеторгового оборота, но не внесла принципиальных коррективов в китайскую внешнеполитическую стратегию, которая оставалась сдержанной и предполагала реагирование на возникающие вызовы, а не их создание.

2008 год внёс изменения в стратегию США, открывших для себя новую реальность. В мире нарождался динамичный регион, острая необходимость укрепить лидерство в котором осложнялась крайне неблагоприятной атмосферой экономического кризиса и усилением Китая. Соединённые Штаты предприняли ряд шагов по возвращению в Азию. В то же время эти планы не были объединены всеобъемлющим смыслом, не были тщательно проработаны. Они состояли из нескольких поисковых инициатив. С 2008 г. Вашингтон присоединился к планам строительства Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТТП) и стали активно его продвигать. В том же

году предложили проложить Новый Шёлковый путь, объединяющий Центральную Азию, Афганистан и Пакистан, а в 2010 г. провозгласили передислокацию в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) большей части военно-морских сил. Статья государственного секретаря Х. Клинтон, призывавшая США вернуться к АТР как «региону будущего» [Clinton 2011], выглядела декларацией новых внешнеполитических ориентиров. Всё это напоминало не столько усилия по полноформатному возвращению в Азию, сколько понимание потенциальной угрозы со стороны Китая и необходимости комплексных мер по его сдерживанию.

США не хотели уступать первенство в отношениях со странами региона, но и последние, чувствуя смену архитектуры международных отношений, старались поддерживать баланс между соперничающими экономическими и военно-политическими весами – Китаем и США. Именно на этот момент в 2010 г. пришлось приглашение России и США в Восточноазиатский саммит [Сумский 2011: 72]. Наступал период стратегической неопределённости.

Неспособность Вашингтона поддерживать глобальный порядок ни в военнополитическом, ни в экономическом отношении и выполнять лидерские функции на глобальной арене привлекли внимание стран региона к возможным альтернативам. Именно в таком качестве ощутил себя Китай, обогнавший в 2010 г. Японию по объёму валового внутреннего продукта (ВВП) и вернувший себе место первой экономической державы Азии. Так, помимо экономических, у Китая появились дополнительные, символические основания для выработки большой стратегии, отсутствие которой длительное время не позволяло причислять его к глобальным державам.

Лидерство в регионе позволяло выстраивать новые отношения с США, разграничивая зоны влияния и ответственности. По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «АТР является достаточно большим для осуществления совместного развития» [Си Цзиньпин 2014: 403]. Китай избегал

открытой конкуренции с Соединёнными Штатами. Формулу взаимодействия он пытался найти в установлении нового типа отношений между великими державами, более справедливого, на его взгляд, чем американская G2 мягкого подчинения, от которой он в своё время отказался. Вместе с тем китайская формула мягкого выдавливания ожидаемо не устраивала США, провоцируя их на всё более энергичные действия⁸.

«Возвращение» США в Азию фактически положило начало открытой конфронтации с Китаем, но не на глобальном, к чему привыкли Соединённые Штаты, а на региональном уровне. При этом сохранение мирового лидерства могла означать только победа в региональном соперничестве. Вашингтон начал демонстрировать обязательную для единственной глобальной державы активность, которая не вызвала ответную реакцию до тех пор, пока сам Китай не ощутил себя полюсом, обладающим сферой влияния и готовностью выстраивать порядок в регионе. После 2010 г. этот момент стал стремительно приближаться.

Создание ШОС и участие Китая в форматах АСЕАН+ заложили институциональную основу для регионального сотрудничества по периметру границ. Каждый из форматов с успехом выполнял свои функции: в ЦА постепенно была поставлена под контроль угроза исламского фундаментализма, со странами ЮВА стабильно росло торгово-экономическое сотрудничество, углублялось взаимодействие в других областях (экология, транспорт и т.д.).

Как и формат взаимодействия со странами АСЕАН, институционализация сотрудничества с центральноазиатскими государствами СНГ пришлась на начало XXI века с быстро меняющейся политической обстановкой и ускорившейся глобализацией, требовавшей углублённых форматов многостороннего сотрудничества. На этом фоне Китай и перспективный

китайский рынок обретали новое место в регионе. И если сотрудничество с АСЕАН было существенным для развития экономических отношений со странами Восточной Азии в целом, то ситуация на западных границах подталкивала Китай к усилению внимания к вопросам внутренней и региональной стабильности и формированию новой внешнеполитической стратегии.

В каждом из регионов Китай развивал ту сферу, на которую была согласна ведущая держава, занимавшая до этого центральное положение в сотрудничестве с регионом — США и Россия. Однако объединить безопасность и экономическое сотрудничество ни в одном из них не удавалось. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС развивалось медленно и противоречиво, не встречая поддержки со стороны России, и сдерживалось небольшим объёмом рынка центральноазиатских государств. С АСЕАН экономическое сотрудничество развивалось вполне успешно, но параллельно, не без вмешательства третьей стороны, стали обостряться территориальные споры в Южно-Китайском море, считающемся Китаем зоной своих коренных интересов. Переломить ситуацию ни в одном из регионов не удавалось. Скрывать свои намерения в этих условиях уже не представлялось возможным.

3

Обострившаяся борьба за лидерство поставила Китай перед сложным выбором. С одной стороны, он был одним из главных бенефициаров глобализации, которая позволила ему реализовать своё конкурентное преимущество, и, следовательно, был заинтересован в сохранении режима свободы международной торговли и экономического взаимодействия. С другой стороны, в условиях обострения соперничества с Соединёнными Штатами Китай не видел смысла вовлекаться в борьбу за преодоление кризиса постбиполярного порядка с американской сверхдержавой во главе.

⁸ Характерно, что оба варианта вписывались в мягкую двухполюсность [Караганов 2017: 18], что, вероятно, отражает доминирующую тенденцию к размягчению иерархии международных отношений.

С начала реформ главной задачей для КНР было расширение экономического сотрудничества, в первую очередь с развитыми странами. К началу XXI века, когда технико-технологические задачи были в основном решены, Китай всё больше внимания стал уделять странам Юго-Восточной и Центральной Азии, а также другим регионам. Это отражало смещение приоритетов китайского руководства с глобального, наполненного конфликтами и соперничеством, уровня на региональный, где он чувствовал себя более уверенно и обладал достаточным потенциалом для формирования своего порядка. Изменение внешнеполитических ориентиров Китая хорошо заметно по материалам международных разделов съездов КПК. На XVI съезде партии в 2002 г. появилось разделение на отношения с крупными державами, соседними державами и остальным миром. На XVII съезде КПК (2007) стратегические приоритеты Китая были уточнены: развитые страны, приграничные страны и регион Восточной Азии, развивающиеся страны, многосторонние международные организации [Мокрецкий 2019: 30–48]. Турбулентность, затронувшая в первую очередь страны Запада, создала благоприятные условия для китайских инициатив на региональном уровне. На XVIII съезде КПК (2012) была поставлена задача строительства мировой державы, зона ответственности которой не выходила за пределы региона [Виноградов 2021: 29].

Значение соседних стран традиционно было важно для Китая, но в XX веке с ними не связывалась большая стратегия. На фоне начавшегося после 2008 г. упадка возглавляемой США глобализации внимание, которое Китай стал уделять сопредельным государствам, совпало с усилением в них тенденции к регионализму. Си Цзиньпин продолжил сопредельную дипломатию Ху Цзиньтао, ещё в начале своего правле-

ния заявлявшего, что в общей конфигурации китайской дипломатии государства-соседи занимают главенствующее место и имеют стратегическое значение⁹. На внешнеполитическом совещании в 2013 г. Си Цзиньпин подтвердил, что «сопредельные страны имеют весьма важное стратегическое значение» [Си Цзиньпин 2014: 401]. Повышение внимания к региону было вызвано и другими обстоятельствами.

В первой половине 2013 г. в Пекине стали отмечать, что экспорт в США и Европу достиг точки насыщения, а задача формирования сопоставимого, способного компенсировать международный рынок внутреннего потребления, впервые поставленная после кризиса 1998 года, все ещё выглядела труднореализуемой. Китай не собирался отказываться от модели экспортоориентированной экономики, тем более что к 2010 г. для большинства стран он стал главным торговым партнёром. Снижение темпов роста внешнеторгового оборота требовало сохранения существующей системы мировой торговли и поиска новых направлений сотрудничества и рынков. Китай созрел для того, чтобы институционализировать свой новый статус. Существующие форматы ШОС и АСЕАН+, построенные на взаимных обязательствах и ограничениях с неравными по весу игроками, уже не подходили. В то же время было ясно, что стратегическая инициатива для него пока ещё была возможна только на региональном, а не глобальном уровне.

Если пробуксовка сотрудничества в ШОС и американский «разворот» в Азию предполагали поиск симметричного, свойственного реактивной политике Китая ответа, то кризис 2008 г. открыл совершенно новые перспективы. Пришедшее в 2012 г. новое руководство во главе с Си Цзиньпином смогло заново оценить ситуацию на международной арене и реальный вес Китая в мировой экономике. Оно приняло реше-

⁹ Ху Цзинь цза ди ши цы чжу вайши цзие хуйи шан дэ цзянхуа. (Выступление Ху Цзиньтао на X совещании дипломатических посланников) [胡锦涛在第十次驻外使节会议上的讲话] // People.com.cn. 2004. 30 Aug. [Электронный ресурс] <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2748201.html> (дата обращения: 14.12.2020).

ние дополнить региональную повестку, последовательно провозгласив планы строительства Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Морского Шёлкового пути XXI века (МШП), ориентированные на два ближайших региона. Первоначально эти проекты, продолжавшие и углублявшие курс в отношении ЮВА и ЦА, не были связаны друг с другом. Перед каждым из них Си Цзиньпин поставил конкретные цели.

Для ЮВА главным было то, чего не хватало в существовавших отношениях – «политическое доверие» и «стратегическое сотрудничество», «единая инфраструктура», «совместное обеспечение регионального мира и стабильности», чтобы решать разногласия мирным путём [Си Цзиньпин 2014: 395–397]. Для Центральной Азии – развитие и использование транспортно-логистического потенциала, «крупное региональное сотрудничество», «региональная экономическая интеграция» [Си Цзиньпин 2014: 391]. Эти проекты соответствовали внешнеполитической стратегии развития, главной целью которой было постепенное достижение фактического равноправия с великими державами и учёт интересов Китая. Китайская инициатива по созданию новых региональных механизмов заключалась не в том, чтобы полностью заменить существующие, а в том, чтобы их дополнить, адаптировать к текущим задачам Пекина. Вместе с тем мысль о том, что улучшать мир, в котором доминировали США, на фоне растущего противостояния нерациональна, укреплялась в сознании китайского руководства.

Выход США из многосторонних форматов, введение ими протекционистских мер и другие проявления изоляционизма до времени воспринимались как угроза экономически крайне выгодному процессу глобализации. Смириться с этим Китай не мог, но и согласиться после 2008 и 2012 годов инвестировать в американские финансовые институты и производственные цепочки не хотел и готов был пойти на создание собственного проекта транспортной и финансово-инвестиционной инфраструктуры, которая была бы широ-

кой по числу участников и закрепляла за Китаем уже обретенные им преимущества. От активного участия в глобальном управлении в качестве ответственного участника постбиполярного мира он перешёл к стратегическим инициативам на региональном и мегарегиональном уровне – *регионостроительству*.

Отдавая отчёт в возросшей экономической мощи, но ещё не ощущая себя глобальной державой, Китай рассматривал свою международную деятельность как совокупность разновекторных усилий. Именно в русле этой политики были выдвинуты инициативы ЭПШП и МШП XXI века. Китайский алгоритм не отличался, во всяком случае на начальном этапе, от тех, которые использовали развитые промышленные державы в XIX столетии. Начальной точкой было создание транспортной инфраструктуры, необходимой для встречных поставок сырья и готовой продукции.

Для многих развивающихся стран ослабление экономического лидерства США, выступавших на протяжении десятилетий главным внешним рынком и давших шанс некоторым из них превратиться в азиатских «драконов» и «тигров», заставляло искать нового лидера, который мог бы сыграть такую же роль в их развитии. Потенциал внутреннего рынка и ведущая роль в мировой торговле делали Китай естественным центром притяжения. Нарождавшийся экономический полюс был обречён найти свою периферию, как старую – слаборазвитые страны Азии и Африки, так и новую – отколовшиеся от бывшего полюса Центральную Азию, часть Восточной и Южной Европы, по которой после поражения социализма пролегли новые линии разделения. Позднее по собственной инициативе к «Поясу и пути» присоединились некоторые страны Латинской Америки, что сделало проект глобальным. Его привлекательность заключалась не в общих ценностях и идеологическом единстве, а в общих интересах – взаимном выигрыше, распоряжаться которым каждый мог по своему разумению. В отличие от биполярности, которая обеспечивала порядок,

но за счёт идеальной для противоречия внутренней структуры таила высокий потенциал конфронтации и конфликтов, многополярность, складывающаяся из множества разнообразных и равновесных отношений, была более гибка и склонна к компромиссам. КНР нашла ей формулу – «Сообщество единой судьбы человечества», предполагающую самый широкий круг участников и разнообразие связей. В Пекине стали говорить о единой судьбе Китая и России, Китая и Пакистана, Китая и Африки, Китая и Латинской Америки, Китая и АСЕАН и т.д.

Интерес, проявленный различными странами к китайским инициативам, стал важным стимулом для их дальнейшего развития. Уже в 2015 г. два проекта были объединены, а их географические рамки по умолчанию расширены¹⁰. Планы по созданию транспортной инфраструктуры были дополнены созданием финансовых институтов. В 2015 г. по инициативе КНР были созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути, Новый банк БРИКС, предназначенные для финансирования в первую очередь производственных и логистических проектов на пространстве Большой Евразии¹¹.

Два региональных проекта, выдвинутых одновременно, свидетельствовали об активизации внешней политики, а их объединение в один выводило её на качественно новый уровень. В результате инициатива приобрела трансрегиональный характер и стала первой глобальной стратегией Китая после начала реформ. Переход от региональной

политики к глобальной, произошедший естественным путём, восполнял недостающее звено для превращения Китая в мировую державу¹².

Инициатива Си означала возвращение к традиционной китайской концепции внешней политики, характерной чертой которой является собственное геополитическое и геоэкономическое пространство¹³. В то же время она учитывала всё, что было создано в эпоху постбиополярной глобализации и борьбы за многополярный мир. Например, деятельность БРИКС показала принципиальную возможность межрегионального взаимодействия и создания объединения нового типа – не по географическому или идеологическому принципу, а по совпадению текущих проблем и интересов. Этим, в частности, можно объяснить, что в Китае часто объединяют «Пояс и путь» и БРИКС как новые концептуальные подходы к формированию системы международных отношений XXI века.

Создающаяся Китаем структура должна была сочетать несколько черт. *Во-первых*, сохранение преемственности предыдущему курсу. Открытость стала главным условием быстрого экономического развития Китая. Её возможности ещё не были исчерпаны, наоборот, они росли пропорционально его хозяйственному потенциалу. Как крупнейшая торговая держава он стал главным защитником открытой мировой экономики, что ярко продемонстрировало выступление Си Цзиньпина в Давосе в январе 2017 года¹⁴, особенно на фоне выхода США из Транстихоокеанского партнёрства.

¹⁰ В октябре 2013 г. уже после провозглашения ЭПШП и МШП эти проекты перечислялись Си Цзиньпином через запятую «для скорейшего создания единой инфраструктуры» и «для построения экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» [Си Цзиньпин 2014: 404]. Их объединение произошло позже [Островский 2020: 382].

¹¹ «Пояс и путь» претендует на китайский вариант новой Евразии, которая не включает Западную Европу, но включает Африку. О Большой Евразии говорит и российское руководство, очевидно подразумеваемая другой географический ареал, который больше соответствует интересам России.

¹² С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. в Китае связывают формирование идентичности глобальной державы: попытки структурирования собственного, без США и Европы, политического и экономического пространства [Цыганков, Грачиков 2015: 22–39.]

¹³ О её характерных чертах см. [Чжао Тинян 2015: 22–23, 28, 32].

¹⁴ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. Davos, 17 January 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed: 15.12.2020).

Во-вторых, многосторонний характер. В силу масштабов экономики для Китая практический интерес представляют только крупные объединения с большим числом участников. Экономическая интеграция Китая во внешний мир помимо развития двусторонних отношений сопровождалась интенсивным развитием многостороннего сотрудничества, усилившегося в период глобализации. Присоединение к существовавшим международным организациям (Всемирный банк, МВФ, ВТО) стало одним из приоритетных направлений китайской внешней политики и было закреплено в документах КПК. В 2000-х годах Китай пошёл дальше и принял участие в создании двух новых институтов глобального управления – ШОС и БРИКС, роль которых также была зафиксирована во внешнеполитическом разделе XVIII съезда КПК. В то же время, продемонстрировав альтернативу западным институтам и позволив Китаю накопить опыт многостороннего взаимодействия, они оказались недостаточно эффективными в защите его интересов и не вполне соответствовали его новому весу. Снижение темпов роста подталкивало Китай к более активной внешнеэкономической политике, заключавшейся в том, чтобы не просто искать, но и активно создавать рынки, способные поддерживать экономический рост внутри страны, а в перспективе стать надёжной основой его ведущего места в мировой экономике.

В-третьих, провозгласив строительство «Пояса и пути», Китай продемонстрировал качественно иной уровень и в плане субъектности. С самого начала это была не коллективная, а полностью китайская инициатива, и не узкого, регионального, а кон-

тинентального масштаба. Опыт участия в многосторонних форматах (АСЕАН+, ШОС, БРИКС) был в этом смысле обязательным этапом для понимания процессов формирования собственного международного порядка на периферии западного мира, глобальном Юге. Показательно, что в этот проект, несмотря на тесные экономические связи, не вошла соседняя Япония¹⁵. Основными участниками инициативы, таким образом, стали развивающиеся государства, бывший «третий мир», от представительства интересов которого Китай официально не отказывался¹⁶, а теперь смог возглавить его возвышение.

В-четвёртых, в отличие от международных организаций, являвшихся главными инструментами либеральной модели глобализации, отношения между государствами в китайской модели носят более гибкий характер и по-прежнему выстраиваются индивидуально. Статус инициативы предполагает минимальную императивность для участников, которые сами определяют меру вовлечения и границы своего суверенитета, и, самое главное, означает не конфронтацию с существующим мировым порядком, а его дополнение.

Преодолев, таким образом, в начале XXI века свою отсталость, Китай стал возрождать и собственный мироустроительный проект, положив в его основу не экономическую зависимость и борьбу с Западом, как в 1960-х – 1970-х годах, а незападную идентичность [Ло Цзяньбо 2018: 30–32], которая не помешала ему овладеть современными технологиями и преодолеть разрыв с развитыми странами. Этой мудростью Китай готов делиться с разви-

¹⁵ Республика Корея, как и некоторые другие страны, подписала Меморандум о сопряжении своего проекта, то есть просто признала существование китайского проекта и выразила готовность к сотрудничеству. Китай, в свою очередь, тоже признал корейский проект и заявил о готовности к сотрудничеству. Таким образом, форма присоединения индивидуальна, нестрога и двусмысленна, как и традиционная китайская система данничества. На май 2019 г. Китай подписал разнообразные документы о сотрудничестве со 126 странами и 29 международными организациями. См.: Информационная сеть «Один пояс, один путь». [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.brnn.com/index.html>

¹⁶ «Мы говорим о своей вечной принадлежности к “третьему миру”... и тогда, когда [Китай] станет развитой страной, богатым и могучим государством» [Дэн Сяопин 1988: 58].

вающимся миром и совместно создавать новый международный порядок.

В результате китайских усилий складывается альтернативная американоцентричной платформа со своим центром, рынком, финансовой и транспортной инфраструктурой и резервной валютой¹⁷. Она охватывает широкий географический регион, включающий в себя большую часть Азии, часть Европы, Африки и Океании и по этой причине претендует на глобальное значение. Этот коренной поворот в китайской внешней политике был зафиксирован на XIX съезде КПК (2017), где место ШОС и БРИКС заменила инициатива «Пояса и пути», вошедшая и в Конституцию КНР. В качестве инициатора проекта Китай получил возможность выстраивать зонтичную структуру, повторяя в этом отношении региональные стратегии США после Второй мировой войны. Но в отличие от Соединённых Штатов он претендует сейчас на место мирового полюса нового типа — несилового, идеологизированного и не нацеленного на собирание гомогенного пространства с равной ответственностью сторон.

В связи с тем что интеграционные проекты в АТР имеют и региональное, и глобальное измерение, часть из них неизбежно носит конкурентный характер, а их интересы невольно пересекаются. По этой причине, *в отличие от Европы, где центральной задачей интеграции было создание общего экономического пространства и наднациональных институтов, в Азии главной целью интеграционных усилий является согласование параметров сотрудничества и между участниками, и между проектами, а не их объединение в один. В этом, похоже, и состоит принципиальное отличие порядка от внутренней организации.*

4

Зарождающаяся многополярность, решая одни проблемы, неизбежно создаёт другие. В частности, заметно обострение соперничества между вновь образующимися полюсами. В основу своего околополюсного пространства (зоны влияния) Китай положил идею «Пояса и пути», пока ещё в качестве разнородных кластеров, но с возможной перспективой их объединения. В то же время у России, США и других стран тоже существуют свои проекты, которые пересекаются с китайским и друг с другом, и поэтому свойственные биполярному миру строгие разграничительные линии уже невозможны. Возникает вопрос, как наладить взаимодействие в многополярном мире вообще и между полюсами в особенности.

Реакцией на региональные инициативы Китая стал дальнейший рост военного присутствия США в Восточной Азии. В подготовленной в 2015 г. Пентагоном «Объединённой стратегии XXI века»¹⁸ впервые указывалось на особое значение Индо-Тихоокеанского региона для безопасности США. В 2017 г. новая стратегия, разработанная администрацией Д. Трампа¹⁹, провозглашала появление нового региона — Индо-Пасифики, в существенной части пересекающегося с китайским «Поясом и путём». Исчерпав на этом арсенал средств политико-пропагандистского воздействия, на следующий год США объявили торговую войну Китаю, тем самым положив начало переходу от регионального сдерживания к всеобъемлющему соперничеству.

Китай по-прежнему воздерживался от открытой конфронтации и поспешил подтвердить, что «берёт на себя обязательство работать с Соединёнными Штатами над

¹⁷ О двух последних элементах — финансовой инфраструктуре и резервной валюте см.: [Петров и др., 2019].

¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. February 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf>. (accessed: 14.12.2020). Согласно «Объединённой стратегии» к 2024 г. планировалось размещение в регионе 60% флота и авиации сил передового базирования ВМС США.

¹⁹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. The White House. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 14.12.2020).

созданием новой модели отношений между крупными странами на основе приверженности избеганию конфликтов и конфронтации, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества»²⁰, но одновременно не ослаблял усилий по укреплению своих позиций в регионе. На фоне эскалации противоречий и сокращения товарооборота с США китайский экспорт в ЮВА за первые пять месяцев 2020 г. впервые в современной истории вышел на первое место, вытеснив США на третье [Островский 2020: 365]. Следующий шаг не заставил себя ждать: 15 ноября 2020 г. на основе АСЕАН+6 (но без Индии) было подписано соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) – крупнейшей в мире зоны свободной торговли, что материализовало взаимное притяжение государств региона и продемонстрировало признание перспективности долгосрочного сотрудничества с КНР. После выхода из ТТП США так и не смогли предложить Восточной Азии ничего сопоставимого.

Таким образом, если на сегодняшний день в отношениях Китая с США речь идёт о невозможности сочетания проектов, то в отношении КНР и России в атмосфере конфронтации с Западом стороны не могут себе позволить охлаждения, тем более открытого соперничества. Тем не менее, несмотря на то что «Пояс и путь» – это не интеграционный проект в привычном смысле, он может представлять угрозу планам России на постсоветском пространстве в ещё большей степени, чем усиление экономических позиций Китая в ШОС. Источник этой угрозы заключён не в прямой конкуренции со стороны Китая, а в иной онтологии китайского проекта, который, предоставляя дополнительные возможности, сдерживает центростремитель-

ные импульсы малых и средних государств, размягчает среду.

В этих условиях Россия, как и некоторые другие страны (например, Республика Корея), не может ни открыто присоединиться к китайской инициативе, ни публично отказаться от неё. Именно поэтому возникла формула взаимодействия с неопределённой смысловой нагрузкой – сопряжение. В мае 2015 г. В. Путин и Си Цзиньпин заявили о начале переговоров по координации ЕАЭС и ЭПШП. Затем о поддержке инициативы КНР по созданию ЭПШП заявили главы государств–членов ШОС²¹, в мае 2017 г. на форуме «Пояса и пути» в Пекине было достигнуто соглашение об общих положениях сотрудничества. Тем не менее пока сопряжение ЕАЭС и ЭПШП не успевает за развитием двустороннего сотрудничества Китая со странами Центральной Азии, что ослабляет организующую роль России в интеграционных процессах. Вместе с тем перспективы сохранить свои позиции в регионе у России всё-таки есть.

Инициатором и центром конструируемого пространства стал Китай, что не только наделяет его преимуществами, но и накладывает более высокую ответственность [Лексютина 2018: 60–72]. Обеспечить сохранность инвестиций в политически нестабильном регионе способно только единое политическое пространство. Формирование общего экономического пространства не только притягивает государства региона к Китаю, но и усиливает его зависимость от внешних рынков и источников сырья, что требует повышенного внимания к вопросам безопасности и надёжности взаимных поставок [Клагг 2001: 12].

Для поддержания стабильности Китай использует как мягкую силу, которой отдаёт предпочтение, так и жёсткую. ШОС

²⁰ Чжунго дэ Ятай аньцюань хэцзо чжэнце. Байпишу (中国的亚太安全合作政策) 白皮书 (Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911.htm> (дата обращения: 15.12.2020).

²¹ Ташкентская декларация 15-летия Шанхайской организации сотрудничества. 24 июня 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/094> (дата обращения: 12.12.2020).

в этих условиях не нужно менять свой статус, организация успешно вписывается в новую конструкцию, превращаясь в один из инструментов жизнеобеспечения китайского проекта и сохраняя за Россией роль главного гаранта безопасности в Центральной Азии, а также вдоль ближневосточной и восточноевропейской части маршрута «Пояса и пути». Не имея такой экономической мощи, как Китай, Россия, опираясь на свой военный потенциал, претендует на роль ведущего поставщика безопасности на континенте [Стратегия для России 2016]. Там же, где многосторонние форматы по региональной безопасности отсутствуют, Китай готов прилагать самостоятельные усилия, о чём, в частности, свидетельствует создание им базы в Джибути.

Наконец, ещё одна крупная проблема для Китая – поддержание стабильных отношений со странами региона. С помощью «Пояса и пути» Китай определяет границы своего мира. Пространство вокруг полюса выстраивается с формально независимыми, но уступающими по силе государствами, что возвращает ситуацию к системе отношений, существовавшей в регионе на протяжении столетий. Вместе с тем традиционная китайская модель мироустройства была возможна до тех пор, пока существо-

вала ойкумена, единственным центром которой был Китай. Сейчас, когда появились другие центры силы, а глобализация объединила мир, у малых государств появилась возможность выбора партнёров среди великих держав, одной из которых по-прежнему является Россия.

* * *

«Пояс и путь» – это не интеграционный проект, в основе которого лежит универсальный идеал, ориентированный на однополярность западного типа. В первую очередь это связано с особенностями самого Китая, его цивилизации, которую невозможно воспроизвести где-либо ещё, что серьёзно сдерживает распространение китайской модели. Вместе с тем это не мешает китайской инициативе бросать мощный вызов другим великим державам и существующим принципам международного порядка. Создаваемая им система отношений на пространстве «Пояса и пути», возможно, больше соответствует реалиям современного мира, переживающего первый кризис глобализации, но переход к ней не будет бесконфликтным и безболезненным, прежде всего, вследствие неизбежной «сложной институциональной структуризации» [Барановский 2019: 14].

Список литературы

- Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №5. С.7–23.
- Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. №3. С. 23–32.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. 259 с.
- Дэн Сяопин. Вэньсюань. Ди сань цзюань. [Избранные произведения. Т.3.] Пекин, 2004, 432 с.
- Караганов С. Международные тенденции и российская внешняя политика / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2017. С. 12–29.
- Лексютин Я. Китай как ответственная великая держава // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. №2. С. 60–72.
- Ло Цзяньбо. Чжунго юй фачжань чжун гоцзя гуаньси вэй шэньмо хэн чжуньюа? (Почему отношения Китая и развивающихся стран так важны?) // *Чжунго тоуцзы*. 2018. №10. С. 30–32.
- Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. №3. С.40–56.
- Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 29–48. [Электронный ресурс]. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/32019/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
- Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 220 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://book.ivran.ru/f/mosyakov13.pdf> (дата обращения: 12.12.2020).

- Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: ИДВ РАН, 2007. 205 с.
- Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой. М.: ИДВ РАН; Изд-во МБА, 2020. 365 с.
- Петров М.В., Пилипосян А.А., Ткачѳв В.Н.* Китай: обретение финансовой власти // Международные процессы. 2019. Т. 17. №3. С. 6–20.
- Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.
- Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз. 2014. 630 с.
- Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2000-х – начало 2010-х годов. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2016. 24 с.
- Сумский В.В.* Расширение ВАС: причины и следствия для России / Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М.: РИСИ, 2011. С. 67–73.
- Чжао Тинян.* Современный взгляд на китайскую мечту // Международные процессы. 2015. Т.13. №2. С. 21–34.
- Цыганков П.А., Грачиков Е.Н.* Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука. 2015. №4. С. 22–39.
- Ю Хунбо.* Чжунго да добянь ваицзяо. (Многосторонняя дипломатия Китая.) // Цзинцзи юй шэжуй фачжэнь. 2009. No. 2. С. 41–42. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.xzbu.com/1/view-247070.htm> (дата обращения: 20.10.2020).
- Acharya A.* The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 157 p.
- Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. [Electronic source]. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 11.09.2020).
- Klare M.T.* Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. New York: Henry Holt, 2001. 289 p.

CHINA'S PROJECT FOR GREATER EURASIA*

ANDREY VINOGRADOV

People's Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russia

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia

Abstract

The Chinese dream of great Rejuvenation of the Chinese nation is inseparable from the restoration of China's positions on the international arena, primarily in East Asia and in Eurasia. Since the beginning of reforms in 1978, Beijing has constantly expanded its contacts with the outside world, at first as a promising and capacious market for industrial equipment, technologies and investment, and since the beginning of the 21st century as an active member of the global governance institutions. Multilateral formats have allowed China to accumulate significant experience in participating in international affairs, especially at the regional level. At the global level, China's activity was constrained not only by opposition from the United States, but also by the specific character of Chinese civilization and its development model. In this context, the concept of "community of the common destiny of mankind" put forward by Xi Jinping did not mean universalization and unification, but, on the contrary, the right of countries and regions to a variety of development paths and forms of international interaction between small, medium and great powers. The rivalry between China and the United States in Asia does not only mean a struggle for leadership in the region, it also means a clash of two concepts of the international order, built on different approaches and values. The Belt and Road project, originally proposed as two regional, unrelated initiatives for Central and South-East Asia, has evolved after their combination into China's first global foreign policy

* This work has been accomplished with financial support from the Russian Science Foundation, research project №19-18-00165.

strategy. Its practical implementation challenges Russia's integration efforts in the post-Soviet space and requires both countries to search for new tools and forms of interaction.

Keywords:

Belt and Road; region-building; community of a common destiny of mankind; China; Eurasia; Russia; conjugation.

References

- (2016). *Strategiya dlya Rossii. Rossijskaya vneshnyaya politika: konets 2000-kh – nachalo 2010-khgodov* [Strategy for Russia. Russian Foreign Policy: late 2000s – early 2010s]. Moscow: Sovet po vneshnej i oboronnoj politike. 24 p.
- Acharya A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 157 p.
- Baranovsky V.G. (2019). Novyi mirovoyi poryadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 5. P. 7–23.
- Clinton H. (2011). America's Pacific Century. Foreign Policy. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 11.09.2020).
- Deng Xiaoping. (1988). *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [Main Issues of Modern China]. Moscow: Politizdat. 259 p.
- Deng Xiaoping. (2004). *Deng Xiaoping wenxuan*. Di san juan. [Selected Publications. Vol. 3]. Beijing. 432 p.
- Karaganov S.A. (2017). *Mezhdunarodnye tendentsii i rossijskaya vneshnyaya politika* [International Trends and Russian Foreign Policy]. In: Lukin A.V. (ed.) *Novyye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. P.12–29.
- Luo Jianbo. (2018). Zhongguo yu fazhan zhong goujia guanxi wei shenme hen zhongyao? (罗建波. 2018. 中国与发展中国家关系为什么很重要? 中国投资. 2018年, 第10期, 第30-32页) [Why Relations Between China and Developing Countries are so Important?] *China Investments*. No. 10. P. 30–32.
- Klare M.T. (2001). *Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict*. New York: Henry Holt. 289 p.
- Leksyutina Ya. (2018). Kitai kak otvetstvennaya velikaya derzhava [China, Great Power Responsibility, and Global Power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 2. P. 60–72.
- Mamonov M. (2010). Inertsia i novatsii vo vneshnei politike Kitaiya. [Change and Continuity in China's Foreign Policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 8. No. 3. P. 40–56.
- Mokretsky A.C. (2019). Kitaiskaya diplomatiya v epohu Xi Jinpinga. [Chinese Diplomacy in the era of Xi Jinping]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 29–30.
- Mosyakov D.V. (2012). *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoi Azii: ot proshlogo k nastoyaschemu* [China's Foreign Policy in South-East Asia: from past to present]. Moscow: IDV RAN. 220 p.
- Ostrovsky A.V. (2007). *Kitayskaya model' perehoda k rynochnoi ekonomike* [China's Transition Model to Market Economy]. Moscow: IDV RAN. 205 p.
- Ostrovsky A.V. (2020). *Kitai stanovitsya ekonomicheskoy sverhderjavoi* [China Becomes Economic Superpower]. M.: IDV RAN. 365 p.
- Petrov M., Piliposyan A., Tkachev V. (2019) Kitai: obretenie finansovoi vlasti [China: Gaining Financial Power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.17. No. 3. P. 6–20.
- Portyakov V.Ya. (2015). *Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii* [People's Republic of China Foreign Policy in XXI Century]. Moscow: IDV RAN. 280 p.
- Sumskiy V.V. (2011). *Rasshirenie VAS: prichiny i sledstviya dlya Rossii* [EAS's Enlargement: Reasons and Consequences for Russia]. In: Rossiya v ATR: problemy bezopasnosti i sotrudnichestva. Moscow: RISI. P. 67–73.
- Tsygankov P.A., Grachikov E.N. (2015). Problema mirovogo poryadka v kitayskoi i rossijskoi politicheskoi nauke: obshee i osobnoe [The problem of world order in Chinese and Russian Political Science: common and peculiar]. *Political Science*. No. 4. P. 22–39.
- Vinogradov A.V. (2021). Odnopolyarnaya Aziya: kitaiskiy regional'nyy poryadok [Unipolar Asia: Chinese Regional Order]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 3. P. 23–32.
- You Hongbo. (2009). Zhongguo de duobian wajiao 尤洪波. 中国的多边外交. [China's Multilateral Diplomacy.] *经济与社会发展*. 2009年, 第2期, 第41-42页. Available at: <https://m.xzbu.com/1/view-247070.htm> (accessed: 20.10.2020).
- Zhao Tingyang. (2015) *Sovremennyy vzglyad na kitayskiy mechtu* [Realizing the Chinese Dream.] *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2. P. 21–34.

ЭХО АРАБСКОЙ ВЕСНЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

НИКИТА ХОХЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Городской университет Дублина, Дублин, Ирландия

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Институт Африки РАН, Москва, Россия
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

АНГЕЛИНА БЕЛИЧЕНКО

ПОЛИНА КИРДЯНКИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Институт Африки РАН, Москва, Россия

Резюме

Проведённый нами анализ позволяет говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе. Первая волна, наблюдавшаяся непосредственно в 2011 году, выразилась в росте преимущественно мирных протестов. С учётом имеющихся данных взрывообразное увеличение количества зафиксированных в Западной Европе в 2011 г. антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок можно с высокой степенью достоверности связать именно с влиянием Арабской весны. В 2012–2014 годах, несмотря на исчезновение «арабского импульса», протестное движение в Западной Европе продолжилось на высоком уровне в значительной мере под влиянием второй волны финансово-экономического кризиса и тем самым приобрело собственную логику. Вторая волна эха Арабской весны в Западной Европе наблюдалась с существенным временным лагом, в 2014–2015 годах, и проявилась прежде всего бурным ростом террористической (главным образом исламистской) активности. Одним из последствий Арабской весны стал коллапс или резкое ослабление нескольких ранее вполне дееспособных арабских авторитарных режимов, что привело к усилению террористических организаций разного рода, стремительному росту их влияния и повышению эффективности организационных форм – в том числе, что очень важно для Западной Европы, в киберпространстве. Террористическая деятельность проникала из арабских стран в Западную Европу по разным каналам: и через беженцев, и посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации), и через возвращавшихся джихадистов. Вторая волна, выразившаяся в некотором росте протестной активности, радикально отличалась от протестов 2011 года, поскольку речь шла об организованных преимущественно правыми силами протест-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00155.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2021

Дата принятия к публикации: 08.06.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: nvkhokhlovhse@gmail.com

ствах против притока иммигрантов, порождённого в очень высокой степени именно цунами Арабской весны.

Ключевые слова:

Арабская весна; Западная Европа; диффузия; политическая нестабильность; протесты; массовые беспорядки; терроризм; количественный анализ; интернет.

Начало 2011 г. было ознаменовано событиями, оказавшими большое влияние на страны Ближнего Востока и Северной Африки: революции в Тунисе и Египте привели к свержению авторитарных лидеров, находившихся у власти на протяжении нескольких десятилетий. Эти события стимулировали протестные движения в ряде других арабских государств: Йемене, Иордании, Марокко, Ливии, Сирии, Бахрейне и др. Их результаты серьёзным образом различались — от серьёзных уступок со стороны правительства до репрессий против активистов и гражданских войн [см., например: Васильев 2011; Видясова 2012; Исаев, Шишкина 2012; Ибрагим и др. 2013; Малков и др. 2013; Мелкумян 2013; Сухов 2013; Труевцев 2013; Коротаев, Исаев 2014; Серебров 2015; Сапронова 2015; Гринин и др. 2016; Долгов 2016; Бакланов 2017; Видясова 2017; Видясова 2018; Пеньковцев, Мокбел 2017; Lynch 2012; Korotayev et al. 2013, 2014, 2016; Davis 2016; Fraihat 2016; Grinin et al. 2019].

Протестные настроения распространились далеко за пределы Ближнего Востока и Северной Африки: после 2010 г. демонстрации и забастовки прошли во многих странах, в том числе удалённых от этого региона [см., например: Наумкин 2015; Наумкин 2016; Коротаев и др. 2016; Видясова, Гасанбекова 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017: 237–262; Коротаев, Шишкина, Лухманова 2017; Кузнецов 2017; Коротаев и др. 2019; Бакланов 2021; Greene, Kuswa 2012; Kerton 2012; Gerbaudo 2013; Lidan

2013; Fadaee, Schindler 2014; Hammond 2015; Akaev et al. 2017; Ortman et al. 2017; Korotayev et al. 2018].

Зачастую исследователи, изучающие различные формы социально-политической дестабилизации, строят свои объяснительные модели на процессах, протекающих внутри страны или региона. Например, объясняя протесты в Западной Европе, они ссылаются на экономический кризис, политику жёсткой экономии и кризис демократической легитимности, не уделяя должного внимания дестабилизирующему эффекту Арабской весны [Romanos 2015; Sergi 2013; Vogaert 2013].

Признавая важность национального контекста и локальных причин протестов, мы полагаем, что революции в арабских странах оказали влияние на всплеск социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы¹. Рассмотрим динамику протестной активности в этом регионе после 2010 г. подробнее.

Португалия стала одной из первых западноевропейских стран, протестная волна в которых несла на себе отпечаток Арабской весны. В начале 2011 г. протесты прошли в одиннадцати городах страны — это крупнейшие выступления со времён революции 25 апреля 1974 года². В ходе уличных демонстраций участники *Движения 12 марта* (*Movimento 12 de Março*) выражали недовольство политикой жёсткой экономии и антикризисными мерами правительства [Accornero 2015; Baumgarten 2013; Fominaya 2015; Gray 2016; Baumgarten

¹ К Западной Европе в рамках исследования мы относим следующие страны: Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция.

² *Relea F. Decenas de miles de portugueses se manifiestan contra la precariedad en la mayor concentración al margen de los partidos. March 2011 [online]. URL: <https://elpais.com/internacional/2011/03/12/actualidad/1299884418_850215.html (accessed: 04.08.2019).*

2017; Valentim 2017; Lidan 2013; Sabucedo et al. 2017]. Б. Баумгартен утверждает, что, несмотря на национальный характер повести протестующих, «Арабская весна и её призывы к демократии стали отправной точкой для всех крупных демонстраций 2011 года. Арабская весна стратегически использовалась в призывах к протестам и разного рода манифестам, создаваемых акторами социальных движений» [Baumgarten 2013: 465].

Протесты в Португалии активизировали протестные движения в Западной Европе. В частности, португальское *Движение 12 марта* стало одним из триггеров массовой мобилизации в Испании [Perugorria, Tejerina 2013]. Протесты в этой стране неоднократно становились объектом исследований [Peterson 2015; della Porta, Parks 2018; Romanos 2016; Castañeda 2012; Myers 2012; Iranzo 2013; Zamponi 2013; Langman 2013; Manzona 2014; García 2014; Gerbaudo 2013; Perugorria 2013; Ruijgrok 2017; Gerbaudo 2017; Zamponi 2017]. В массовых движениях *15-M*, *Indignados* и *Toma la plaza* участвовали жители 60 испанских городов, протестовавшие против антикризисных мер, высокой безработицы и коррупции³. Звучали и лозунги против существующей политической системы⁴. К.Ф. Фоминая считает, что *15-M* сыграло большую роль в объединении испанского населения вокруг существующих проблем [Fominaya 2015].

Как и в случае Португалии, ряд авторов указывают, что появление протестных движений в Испании также были спровоцировано событиями Арабской весны [Fominaya 2015; Perugorria 2013; Sepp 2013; Accornero 2015; Gerbaudo 2013]. В частно-

сти, К.Ф. Фоминая утверждает, что особый отклик у испанцев «возымали как уличные протесты в арабских странах в целом, так и события на площади Тахрир в частности» [Fominaya 2015]. Упоминается также, что форма протеста *acampadasol* «напоминает лагерь, организованные в начале января на площади Тахрир в Каире» [Romanos 2016]. Иные авторы сдержаннее в своих оценках: они наделяют местный политический контекст большим весом, хотя факт влияния Арабской весны как таковой не отрицают [Accornero, Pinto 2015].

Движения *Indignados* в Испании и Португалии послужили примером для мобилизации в других европейских странах, население которых было недовольно политической жёсткой экономии и рецессией, ставших последствиями мирового экономического кризиса 2007–2008 годов. В частности, Греция переживала волну протестной активности с апреля 2010 года, однако переход к формату *Indignados*, подразумевающему забастовки, уличные протесты и сидячие демонстрации, произошёл под влиянием испанского движения *15-M* и Арабской весны [Sergi 2013]⁵. В мае 2011 года, спустя почти год после первых демонстраций против политики жёсткой экономии, протестующие снова вышли на улицы практически каждого крупного города Греции для выражения несогласия с правительственными мерами, направленными на разрешение одного из самых серьёзных долговых кризисов в Европе⁶. Протесты в Греции также стали предметом множества исследований [Gerbaudo 2017; Giannakis 2017; Greene 2012; Kavada, Dimitriou 2017; Kostopoulos 2017; Manzona 2014;

³ Varsavsky M. "Spanish Revolution" of 2011 Explained. December 2017 [online]. URL: https://www.huffingtonpost.com/martin-varsavsky/spanish-revolution-of-201_b_867156.html (accessed: 04.08.2019).

⁴ Rivera D.F. Spain's 'Real Democracy Now' movement. May 2011 [online]. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/05/20115267575844603.html> (accessed: 04.08.2019).

⁵ Smith H. Greece erupts in violent protest as citizens face a future of harsh austerity. May 2010 [online]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/may/02/greece-violence-bailout-imf-euro> (accessed: 04.08.2019).

⁶ Douzinas C., Papaconstantinou P. Greece is standing up to EU neocolonialism. June 2011 [online]. Accessed 04. 08. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/jun/27/greece-bailout-eu-neocolonialism>.

Prentoulis 2014; Rüdig 2013; Ruijgrok 2017]. Ряд авторов видят в греческих протестах некоторые свидетельства влияния Арабской весны: ежедневные манифестации на площади Синтагатос аналогичны сборам на площади Тахрир в Каире [Sotirakopoulos 2013]. Использование тахирской модели требовало «доместификации»: например, были добавлены отсылки к национальной политической культуре и традициям афинской демократии, поэтому отклик в Греции не последовал мгновенно за событиями в Египте [Gerbaudo 2013].

Некоторые исследователи полагают, что Арабская весна повлияла не только на движение против политики жёсткой экономии (*anti-austerity movements*), но и на движение *Occupy* [Romanos 2014 Sergi 2013]. Это движение в разной степени проявило себя в таких западноевропейских странах, как Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Нидерланды, Норвегия, Франция, Чехия, Швейцария [Kerton 2012; Breau 2014; Erde 2014]. Отметим, что, хотя родоначальником *Occupy* стало движение *Occupy Wall Street* в США, его участники называли протесты в арабских странах источником своего вдохновения⁷ [Slaughter 2011]. Указывают на сходство выражения протестов движений *Occupy* и в ходе Арабской весны [Hammond 2015; Abusharif 2014], например длительную оккупацию больших территорий (в особенности главных площадей города) очень многочисленной группой протестующих.

Аналогично и содержание лозунгов, использовавшихся арабскими протестующими и участниками движений *Occupy*. Требования «реальной демократии», социальной справедливости и экономического равенства, а также применение антиглобалистской и антиправительственной риторики не только объединяют протесты на пло-

щадях европейских городов с таковыми на площади Тахрир, но и вписывают их в глобальную волну социально-политической дестабилизации [Bogaert 2013; Fominaya 2017; Gamson, Sifry 2013; Slaughter 2011].

Влияние Арабской весны на движение *Occupy* проявилось и в способах использования социальных сетей. Подобно организаторам протестов в Тунисе и Египте, активисты в Америке и Европе широко использовали хэштеги в *Facebook* и *Twitter* для оперативного объявления важных новостей, координации действий протестующих и общения друг с другом [Lotan et al. 2011; Skinner 2011; Kavada, Dimitriou 2017; Kavada 2015; 2017].

Далеко не во всех странах Западной Европы протесты могли сравниться по размаху с *Indignados* в Испании и Греции или *Occupy Wall Street* в США. В частности, в Дублине, в отличие от Мадрида, не было мест публичных встреч (например, социальных центров или ассоциации местных комиссий), где протестующие могли бы продолжить знакомства, совершённые во время *Occupy Dame Street* [Fominaya 2017]. Францию называли «спящей» страной в отношении *Occupy* [Chabanet, Royall 2015], что не помешало парижанам в 2016 г. организовать *Nuit Debout* — выступление, в ходе которого активисты поздравляли с пятым днём рождения испанское движение *15-M*, послужившее для них источником вдохновения⁸. Таким образом, даже несмотря на то что протесты имели различную степень интенсивности и происходили в разное время, они были связаны друг с другом во многих аспектах. А. Фернандез-Саватер и К.Ф. Фомина утверждают, что почти все случаи занятия протестующими общественных пространств имели схожие характеристики и отсылки друг к другу [Fernández-Savater, Fominaya 2017]. В целом можно сказать, что Арабская весна оказала определённое влия-

⁷ Slaughter A.M. Occupy Wall Street and the Arab Spring // The Atlantic. 2011 [online]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (accessed: 29. 06. 2021).

⁸ La Nuit Debout de Paris canta el 'cumpleaños feliz' al 15M. May 2016 [online]. URL: http://www.eldiario.es/rastreador/indignados-franceses-Nuit-Debout-cumpleanos_6_516258386.html (accessed: 04.08.2018).

ние на динамику протестной активности во многих странах Западной Европы: Великобритании, Германии, Греции, Исландии, Испании, Италии, Норвегии, Португалии, на Кипре [Andretta, 2014; Andretta 2018; della Porta, Parks 2018; Fominaya 2017; Halvorsen 2012; Myers 2012; Zamponi 2017].

Есть основания полагать, что упомянутые протесты стали частью глобальной волны, распространившейся во многом благодаря так называемой диффузии протестных фреймов из одной страны в другую посредством адаптации и «домашнивания» (доместификации) повестки [Gerbaudo 2013; Коротаев, Шишкина 2017]. В эти фреймы входят тактики движений, их основные идеи и организационная структура, которые, как показывает Ч. Волш-Руссо, распространились от протестов в арабских странах в Испанию, Грецию и далее в США [Walsh-Russo 2014]. Дж. Ирл указывает на важность диффузии онлайн-процессов, обращая внимание на то, что их изучение играет критически важную роль при анализе современных социальных движений [Earl 2010]. Использование социальных сетей активистами в арабских странах, а позже — и во время протестов в Западной Европе подтверждает состоятельность такого предположения. Дж. Лоусон указывает на необходимость обращать особое внимание на внешние факторы при анализе протестной активности, рассматривая её с точки зрения межобщественного (*intersocietal*) подхода [Lawson 2015].

Обобщая вышесказанное, мы предполагаем, что влияние Арабской весны на социально-политическую ситуацию в Западной Европе носило комплексный характер. В 2011–2013 годах участники протестов в западноевропейских странах обращались к опыту стран Арабской весны. Это проявлялось в массовой мобилизации участия посредством социальных сетей, заимствовании методов активности (например, оккупация общественных мест) и общей повестки, направленной против жёстких мер экономии,

снижения уровня жизни и высокого уровня безработицы. Глобальное движение *Осциру* ретранслировало события Арабской весны в первые же месяцы после их начала.

С 2014 года, в особенности после возникновения «Исламского государства»⁹, влияние Арабской весны приобрело преимущественно косвенный характер: оно происходило посредством диффузии в Западную Европу террористической активности, запущенной Арабской весной через ряд передаточных звеньев. Одним из последствий Арабской весны стал коллапс или резкое ослабление достаточно эффективных авторитарных режимов в Ливии, Сирии, Йемене, до известной степени в Египте [Васильев и др. 2014; 2019; Исаев, Коротаев 2014б; 2015; Коротаев, Исаев 2015; Гринин и др. 2016; Eriksson 2015; Wege 2015; Abboud 2016; Bandeira 2017: 203–207, 220–224; Vaczko et al. 2017; Blumi 2018; Grinin et al. 2019]. В итоге значительно расширились возможности для деятельности террористических организаций разного рода, произошёл стремительный рост их силы, влияния и эффективности, возникли новые организационные формы [см., например: Schumacher 2021] — в том числе, что важно для Западной Европы, в киберпространстве. Данный процесс занял время и потому сказался с заметным лагом.

В 2015 г. важной причиной роста протестной активности в Западной Европе послужил кризис беженцев, спровоцированный гражданской войной в Сирии и усилением потоков беженцев из стран Тропической Африки из-за социально-политической дестабилизации в Ливии [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015; Mudde 2016; Castelli Gattinara 2018]. Таким образом, здесь вполне можно говорить о влиянии, пусть и косвенном, Арабской весны на динамику протестной активности в Западной Европе. Основная волна протестных действий против беженцев была организована правыми популистскими силами, сумевшими использовать недовольство населения для значительного укрепления

⁹ Террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.

собственных позиций. Кроме того, существенное влияние на рост протестов оказала вторая волна мирового экономического кризиса, затронувшая большую часть западноевропейских государств.

Стоит отметить, что главным триггером событий, непосредственно повлиявших на дестабилизацию и волны протестной активности в Западной Европе в два обозначенных нами периода, стали именно события Арабской весны, уникальные по своему характеру и масштабу последствий во всей мир-системе. Кроме того, заимствование методов выражения протестов у демонстрантов в Египте и Тунисе, сходство лозунгов и способов коммуникации, равно как и свидетельства самих протестующих, указывавших на успехи активистов в арабских странах как на источник своего вдохновения, говорят о целесообразности изучения дестабилизирующего эффекта Арабской весны в странах Западной Европы. В данной статье мы отходим от традиционных объяснений западноевропейских протестов 2011–2015 годов и фокусируемся в большей степени на внешних факторах, порождённых Арабской весной.

1

Для анализа динамики показателей, отражающих протестные настроения в странах Западной Европы, а также исследования связи между ними и протестной активностью в арабских странах, обратимся к базе данных *Cross-National Time-Series Data Archive* (CNTS) [Banks, Wilson 2019], конкретнее – к данным раздела, посвящённого индикаторам социально-политической дестабилизации. Рассматриваемая база данных содержит 16 743 наблюдения по 200 переменным для 199 стран за период с 1919 по 2017 год. Интересующие нас индикаторы включают в себя политические убийства, политические забастовки, партизанские действия, правительственные кризисы, политические репрессии, массовые беспорядки, революции и антиправительственные демонстрации. Отдельной агрегированной переменной выступает индекс социально-политической дестабилизации. Выбор для целей настоящего исследования показателей базы данных CNTS обусловлен широким охватом в ней спектра явлений, связанных с социально-политической дестабилизацией в разных регионах мира. Кроме того, CNTS содержит количественные показатели высокого качества как по насильственным, так и по ненасильственным формам мобилизации, что позволяет проводить детальное сравнение эффектов Арабской весны в Западной Европе.

Мы также обращаемся к базе данных *Global Terrorism Database* (GTD), покрывающей период с 1970 по 2019 год и содержащей более 200 тыс. наблюдений по 45 переменным [START 2019]. Из этой базы мы используем показатель количества террористических атак.

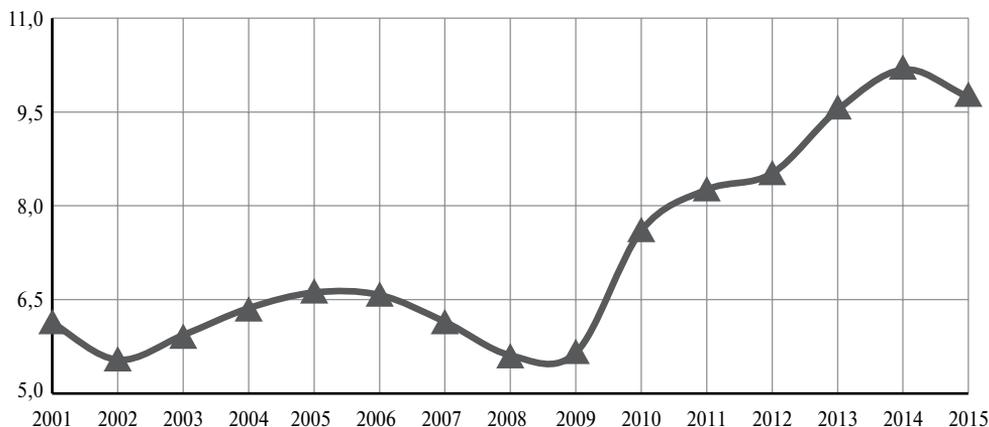
Временной период, который был нами избран для исследования, включает в себя 1919–2015 годы, однако наиболее интересен период с 2011 года – именно ему мы уделим наибольшее внимание в ходе анализа (период до 2011 г. используется для сопоставления и выявления долгосрочных тенденций). Выбор 2011 г. в качестве стартовой точки основного интересующего нас периода обусловлен тем, что в этот год динамика социально-политической дестабилизации как в странах Арабского мира, так и во многих регионах мира была связана именно с Арабской весной. Временной период ограничен 2015 годом, поскольку мы презюмируем, что последствия Арабской весны после этого года перестали оказывать серьёзное влияние на социальные, политические и экономические процессы в странах Западной Европы¹⁰.

Данные показателей социально-политической дестабилизации приводятся для двух регионов – арабских стран, с одной стороны, и Западной Европы – с другой.

¹⁰ Некоторым исключением стал спровоцированный в конечном счёте Арабской весной кризис беженцев, продолжавший, как мы увидим ниже, оказывать влияние на протестную динамику в Западной Европе и после 2015 года. Здесь, однако, речь идёт уже об очень удалённом эхе Арабской весны.

Рисунок 1

Уровень безработицы в Западной Европе, % от экономически активного населения, средние значения, 2001–2015

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка [World Bank 2021]. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?view=chart>

Соответственно, мы анализируем и сравниваем эффекты Арабской весны для региона, где непосредственно происходили события Арабской весны, и для региона, где наблюдалось значимое влияние Арабской весны. В группу западноевропейских стран включены 24 государства: Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Швейцария, Швеция, Финляндия и Франция. В группу стран Арабского мира входят 19 государств: Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Иордан, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Судан, Сирия, Тунис, Объединённые Арабские Эмираты и Йемен. В анализе используются агрегированные показатели по странам из двух вышеупомянутых групп, поскольку мы заинтересованы в сравнительной региональной динамике, а не в различиях между отдельными странами.

Анализ эха Арабской весны в странах Западной Европы проводится при помощи графического метода, позволяющего провести базовое сравнение трендов рассматриваемых показателей. Графики построе-

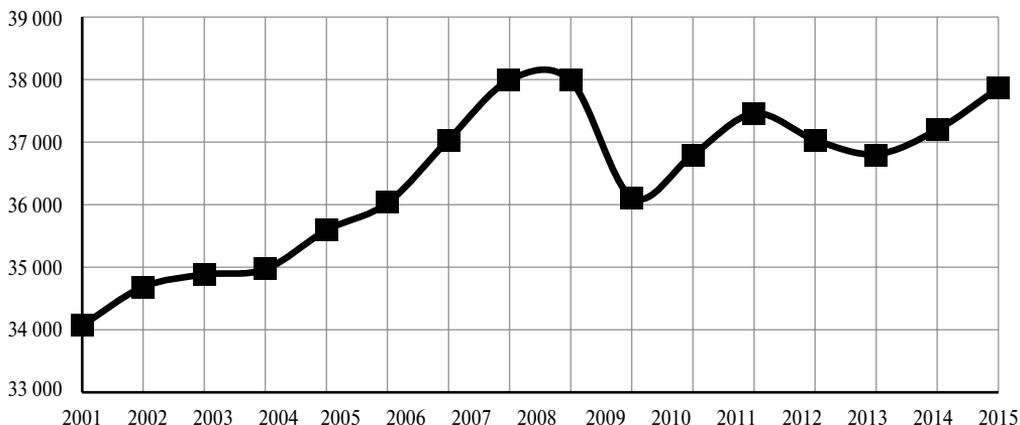
ны на основе агрегированных по группам стран показателей CNTS и GTD в Excel с учётом временного лага, в соответствии с которым мы представляем динамику показателей социально-политической дестабилизации за весь период, покрываемый базами данных (начиная с 1919 г. для CNTS и 1980 г. для GTD).

2

Для того чтобы понять, в каких социальных и экономических условиях находились страны Западной Европы во время Арабской весны, приведём статистику по динамике безработицы и ВВП на душу населения (рис. 1 и 2). Данные показатели отражают основные тенденции социально-экономического развития региона и выступают их прокси в эмпирическом анализе.

Часть исследователей увязывают начало протестов в арабских странах с социально-демографическими показателями. Основную массу протестующих в ключевых странах Арабской весны составили безработные или не сумевшие найти работу по специальности молодые люди с высшим образованием, недовольные собственным положением в социальной и политической структуре страны [Коротаяев, Зинькина 2011а, 2011б; Коротаяев и др. 2012; Садов-

Рисунок 2
ВВП на душу населения в международных долларах 2011 года по паритетам покупательной способности в странах еврозоны, 2001–2015

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка [World Bank 2021]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart>

ниций и др. 2012: 301–354; Ходунов 2012; Campante 2012; Hoffman 2012; Khan 2018]. В свою очередь, в странах Западной Европы увеличение безработицы обусловлено последствиями мирового экономического кризиса 2007–2008 годов, приведшего к ликвидации либо банкротству многих предприятий. Безработица неуклонно росла в период с 2009 по 2014 год, достигнув пика в 10% экономически активного населения. Тем не менее в 2011 г. рост безработицы был рекордно низким за весь период 2009–2015 годов. Поскольку безработица выступает одним из самых мощных факторов социально-политической дестабилизации в Западной Европе [Коротаев и др. 2018], это обстоятельство заставляет усомниться, что столь мощная протестная волна, которая наблюдалась в Западной Европе в 2011 году, может объясняться исключительно социально-экономическими причинами.

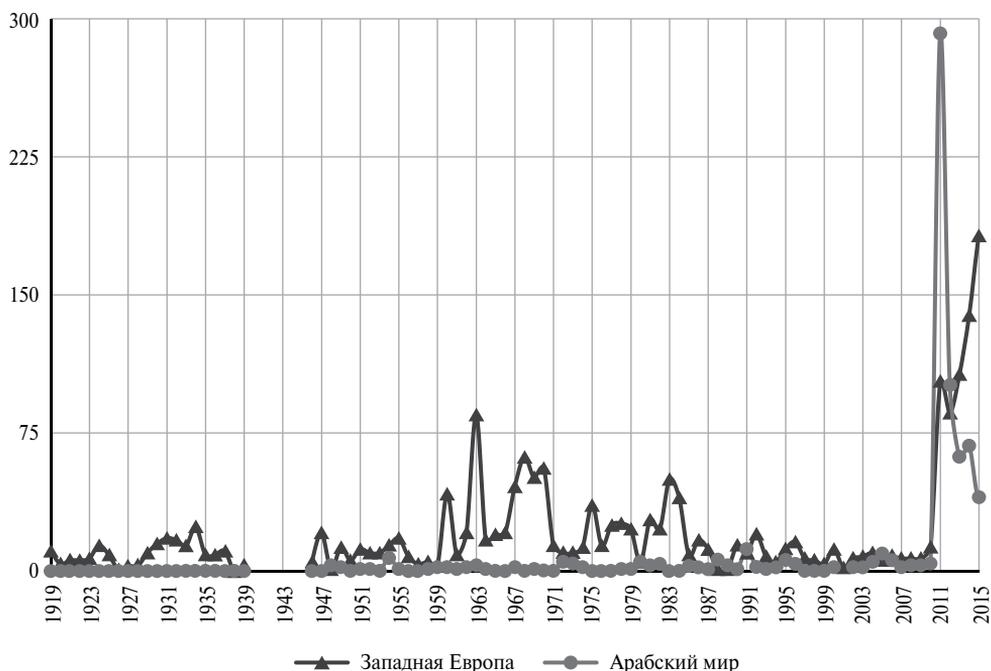
Это впечатление усиливается, как только мы начинаем анализировать динамику подушевого ВВП в странах Западной Европы. Для ядра западноевропейских стран (стран еврозоны) динамика ВВП в 2000–2015 годах выглядела следующим образом (см. рис. 2).

В 2008–2009 годах в результате мирового экономического и финансового кризиса в Западной Европе значительно снизился показатель ВВП на душу населения, что в сочетании с быстрым ростом безработицы увеличивало потенциал политической мобилизации. Тем не менее в 2010–2011 годах наблюдался восстановительный рост ВВП на душу населения, достигший пика в 2011, следовательно, и по этому показателю экономическая ситуация в Западной Европе была наиболее благоприятной за весь период 2008–2013 годов. Вышесказанное даёт дополнительные основания предполагать важную роль внешних факторов в генерировании волны социально-политической дестабилизации 2011 года.

З

Рассмотрим подробнее динамику основных показателей политической дестабилизации, представленных в базе данных CNTS [Banks, Wilson 2019] в западноевропейских странах, в сравнении со странами Арабского мира. Наиболее существенный рост показателей в странах Западной Европы после 2011 г. отмечен для антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

Рисунок 3
Общее число антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в Западной Европе и в арабских странах в 1919–2015

Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

Проведённый нами выше качественный анализ подтверждает, что именно на эти формы массовой дестабилизации события Арабской весны оказали наибольшее влияние. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что в 2011 г. основное влияние Арабской весны сказалось именно на данных индикаторах социально-политической нестабильности.

Для начала рассмотрим подробнее динамику общего числа антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в странах Западной Европы и Арабского мира (рис. 3).

Данный график интересен прежде всего тем, что показывает масштаб протестной дестабилизации в Западной Европе и Араб-

ском мире после 2010 года. Как видно, в арабских странах такая волна была беспрецедентной, а в Западной Европе она превзошла уровень бурных 1960-х годов¹¹.

Детальнее динамика ненасильственной протестной активности в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015 годах представлена на рис. 4.

Показано, что в 2011 г. резкий рост числа антиправительственных демонстраций наблюдался и в арабских странах, и в Западной Европе. Но если в Западной Европе речь шла о росте на порядок¹², то в арабских странах – уже на два порядка¹³.

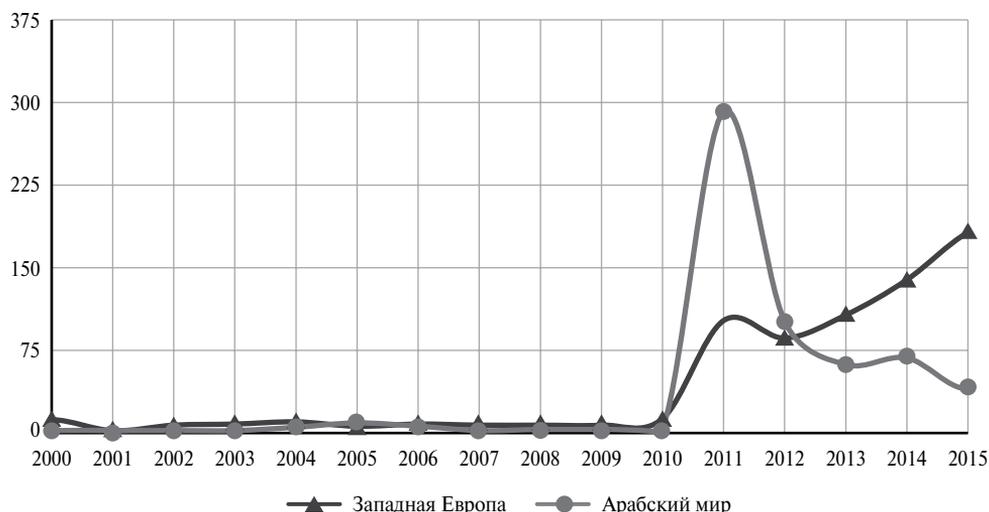
В 2012 г. в обоих рассматриваемых регионах количество антиправительственных демонстраций уменьшилось: резко в араб-

¹¹ Как мы увидим ниже, интенсивность массовых беспорядков и политических забастовок в Западной Европе в 1960-е годы была выше, чем в 2011 году (см. ниже рис. 5–8; см. также: [Коротаяев и др. 2016]).

¹² С 13 случаев в 2010 г. до 102 случаев в 2011 году, рост почти в 8 раз.

¹³ С 4 до 292 случаев, рост в 73 раза.

Рисунок 4
Количество антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS, в Западной Европе и в арабских странах в 2000–2015

Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

ских странах (на 65%), умеренно в Западной Европе (на 16%)¹⁴, а в 2012–2015 годах в Западной Европе наблюдался устойчивый рост этого показателя на фоне выраженной тенденции к его снижению в арабских странах. Таким образом, протестное движение в Западной Европе приобрело собственную логику и продолжилось на достаточно высоком уровне, несмотря на исчезновение «арабского импульса», что особенно очевидно при рассмотрении динамики за 2013–2015 годы.

Динамика рассматриваемого показателя в Западной Европе после 2011 г. определялась в значительной степени последствиями второй волны финансово-экономического кризиса [Fominaya 2017; Genovese 2016]. Кризис в наибольшей мере коснулся Португалии, Италии, Греции и Испании [см.: Giannakis 2015], но он распространился на другие западноевропейские государства за счёт общего экономического поля еврозоны, чувствительного к изменениям на отдельных рынках, и независимых фи-

нансовых структур, препятствующих централизованному регулированию [Коротаев и др. 2019; Ancelovici 2015].

Рост антиправительственных демонстраций в 2012–2013 годах в значительной степени объясняется тем, что восстановительный экономический рост 2009–2011 годов сменился новым спадом в результате второй волны финансово-экономического кризиса, что препятствовало выполнению политиками предвыборных обещаний и усилило недовольство населения правительственными структурами. Особое внимание стоит обратить на динамику безработицы (см. выше рис. 1): после значительного замедления (до практически нулевых значений) её роста в 2012–2013 годах её рост заметно ускорился, а, как известно, в Западной Европе рост безработицы в наибольшей степени активизирует протесты [Коротаев и др. 2018].

По всей видимости, некоторый вклад в сохранение высокого уровня протестной активности в Западной Европе после

¹⁴ При этом абсолютные значения по-прежнему значительно превышали уровень 2010 года: в 25 раз в Арабском мире и почти в 7 раз в Западной Европе.

2011 г. внесли инерционный и автокатали- тический эффекты (эффект «заражения»). В 2011 г. аномально высокая для Западной Европы степень протестной активности населения способствовала тому, что число граждан, получивших опыт личного участия в протестах, выросло более чем на порядок. Здесь, в отличие от арабских стран, участие в протестах (особенно мирных) не несло практически никаких угроз для жизни, здоровья и свободы протестующих. В результате у многих людей остались позитивные впечатления от участия в таких формах гражданской активности, поэтому при появлении новых оснований для протеста на улицы вышло заметно больше граждан, чем в период до начала Арабской весны [Desai 2018].

Синхронному подъёму протестных движений в странах Западной Европы способствовали создание общеевропейской протестной сети, улучшение организации протестов и их выход на глобальный уровень. Новые технологии обеспечили высокую скорость мобилизации за счёт популярности и доступности социальных сетей, особенно *Facebook* и *Twitter*. Среди основных функций *Facebook* в протестной коммуникации в период Арабской весны исследователи выделяют координацию [Gerbaudo 2012; Anduizia et al. 2013; Wilson 2011], распространение информации среди населения [Brown 2012; Khan 2018] и объединение людей вокруг общей идентичности [Aday et al. 2013].

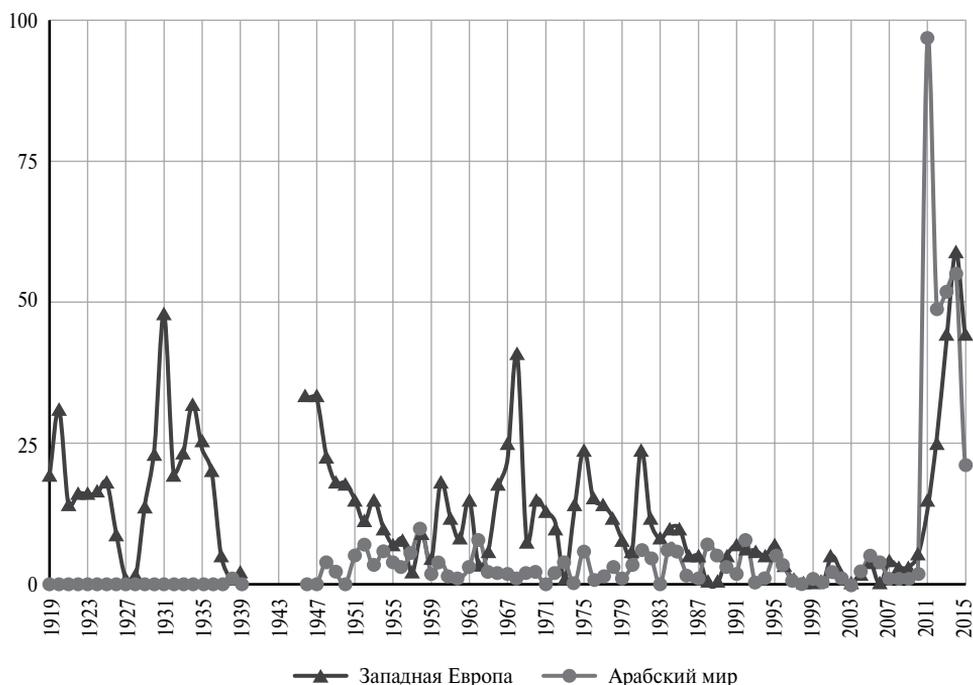
Таким образом, рост числа антиправительственных демонстраций в Западной Европе после 2012 г. приобрёл собственную логику, независимую от импульса Арабской весны. При этом пиковое количество антиправительственных демонстраций в Западной Европе было достигнуто в 2015 г. не без её влияния, хотя и косвенного. Речь идёт о кризисе беженцев, в генезисе которого Арабская весна сыграла важную роль [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015]. В Ливии протесты быстро переросли в полномасштабную гражданскую войну, при-

ведшую при сильной внешней поддержке к падению авторитарного режима М. Каддафи и резкому ослаблению государственности, в результате чего страна превратилась в важнейший коридор для проникновения сотен тысяч африканских беженцев в Западную Европу [Fraihat 2016; Bandeira 2017: 203–207, 220–224; Grinin et al. 2019: 195–202]. В Сирии протесты также спровоцировали полномасштабную гражданскую войну, породившую многомиллионный поток беженцев в соседние страны, в особенности в Турцию [Исаев, Шишкина 2012; Abboud 2016; Baczko et al. 2017; Grinin et al. 2019: 201–204]. В 2015 г. Турция открыла свои границы для беженцев, и сотни тысяч мигрантов хлынули в Западную Европу. Среди них были граждане разных стран Ближнего и Среднего Востока, но пострадавшие в результате сирийской гражданской войны составляли самую многочисленную группу [Berti 2015; Heisbourg 2015; Ostrand 2015]. Данный приток не превысил обычную численность трудовых мигрантов, прибывающих в Западную Европу из других стран мира (для сравнения: сирийских беженцев в Ливане было больше, чем их прибыло в 2015 г. в Западную Европу¹⁵). Тем не менее приток ближневосточных мигрантов сыграл мощную дестабилизирующую роль по причинам спонтанности и неорганизованности. Если трудовые мигранты обычно переселяются, имея ясное представление о том, кем они будут работать и где жить (зачастую уже имея подписанные контракты или предварительные договорённости с работодателями), то ближневосточные мигранты переселялись при отсутствии подготовленной для них инфраструктуры, без каких-либо планов размещения и трудоустройства. В итоге аккомодация миграционного потока прошла с трудностями, что не могло не породить недовольства значительной части населения Западной Европы.

Кризис беженцев способствовал мгновенному подъёму праворадикального и антимигрантского протестного движения

¹⁵ При этом в Ливане такой приток беженцев к значительной дестабилизации не привёл.

Рисунок 5
Количество массовых беспорядков, зафиксированных системой CNTS,
в Западной Европе и в арабских странах в 1919–2015

Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

[Mudde 2016]. Летом 2015 г. локальная мобилизация, не связанная с правыми организациями, произошла в Италии и Франции. П. Каstellи Гаттинара и А. Пирро выделяют три формы мобилизации: прямые протесты, медиаориентированные события и институциональные / административные действия [Castelli Gattinara 2018]. Нас больше интересует первый тип мобилизации, поскольку система CNTS фиксирует акции протеста.

В конце 2015 г. во Франции, Италии и Германии очаги недовольства переросли в постоянные уличные акции протестов, триггером которых послужили террористические атаки в Париже 13 ноября. Правые силы сумели частично перехватить местную антииммигрантскую повестку. Наибольшую массовость набрали выступления в немецких городах, организованные сторонниками основанного в конце 2014 г.

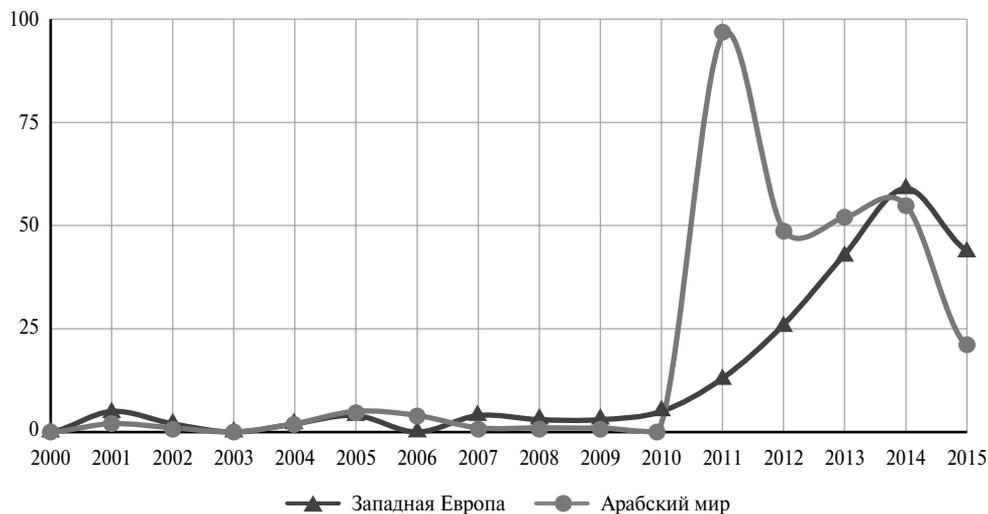
движения «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (PEGIDA).

Многие антиправительственные демонстрации перерастали в массовые беспорядки. Динамика данного показателя в Западной Европе и арабских странах прослеживается по рис. 5.

Детальнее динамику массовых беспорядков в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015 годах можно рассмотреть на рис. 6.

Стимулированная отголосками Арабской весны волна протестов в Западной Европе в 2014 г. побила все исторические рекорды массовых беспорядков, число которых превзошло уровни как «ревущих двадцатых», так и бурных 1960-х годов, хотя в сам год Арабской весны рост числа зафиксированных массовых беспорядков был незначителен, а достигнутый уровень далёк от пиков 1920-х и 1960-х годов. При

Рисунок 6
Количество массовых беспорядков в Западной Европе и в арабских странах в 2000–2015

Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

этом в 2011 г. Арабская весна отозвалась в Западной Европе преимущественно активизацией мирных протестов, иногда перераставших в массовые беспорядки. Бурный рост числа массовых беспорядков в 2012–2014 годах связать с Арабской весной сложно. Видимо, в тот период определённую роль сыграла радикализация протестного движения в Западной Европе, вызванная неудачами в достижении основных требований протестующих на фоне ухудшавшейся общеэкономической ситуации, роста безработицы.

Особо стоит отметить, что если по числу зафиксированных системой CNTS антиправительственных демонстраций Западная Европа побила все предыдущие рекорды, притом с большим запасом, то для массовых беспорядков можно говорить скорее о выходе на уровни «ревущих двадцатых» или бурных 1960-х годов без сколько-нибудь значительного превышения этих уровней.

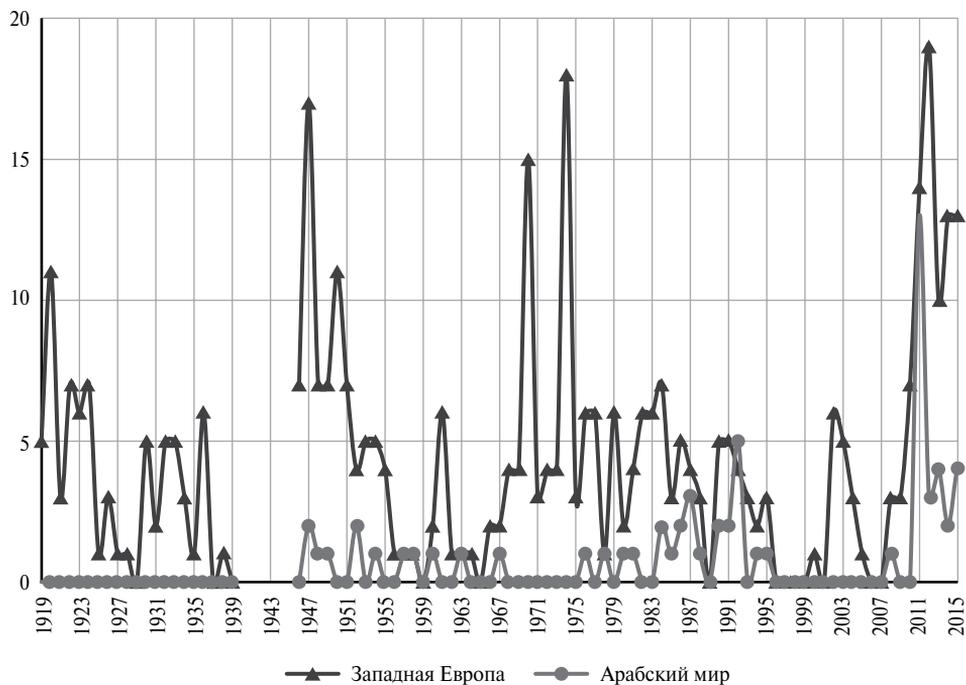
После 2010 г. в Западной Европе наблюдался и значительный рост количества зафиксированных системой CNTS политических забастовок. Отметим, что создатели

системы к политическим забастовкам (*General Strike*) относят «забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти» [Wilson 2019: 13]. В целом динамика данного показателя для Западной Европы и арабских стран показана на рис. 7.

Детальнее динамику числа зафиксированных системой CNTS в 2000–2015 годах в Западной Европе и арабских странах политических забастовок можно проследить на рис. 8.

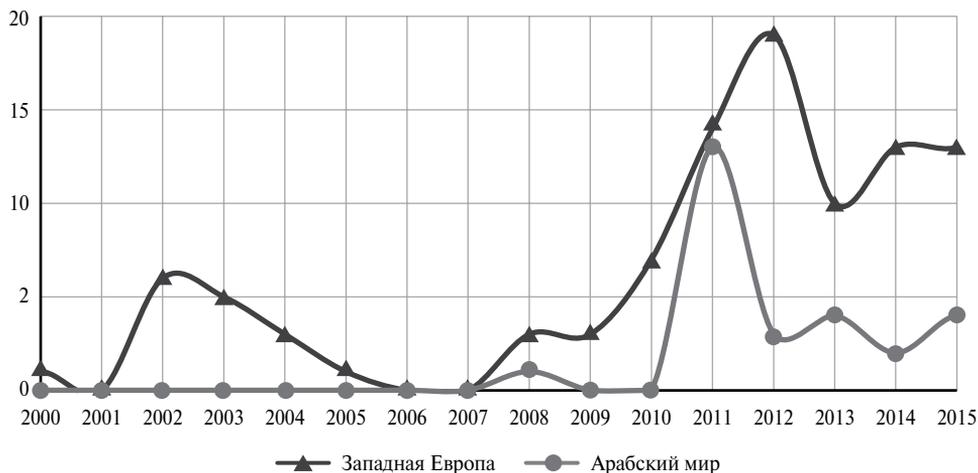
Нельзя не заметить, что в Западной Европе динамика числа политических забастовок заметно отличается от динамики числа антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков. Волна политических забастовок в Западной Европе начала подниматься в 2008 году, в непосредственной связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, и плавно продолжилась в 2010–2011 годах. При этом общее число политических забастовок, зафиксированных системой CNTS в Запад-

Рисунок 7
Количество политических забастовок, зафиксированных системой CNTS, в 1919–2015
в странах Западной Европы и в Арабском мире

Источник: составлено авторами по данным CNTS [Banks, Wilson 2019].

Рисунок 8
Количество политических забастовок, зафиксированных системой CNTS, в период 2000–2015
в странах Западной Европы и Арабском мире

Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

ной Европе, несколько превышает число таких в арабских странах. В 2011 г. резкое увеличение количества политических забастовок в арабских странах могло оказать влияние на нетривиальный рост числа политических забастовок в Западной Европе в тот же год, но такое влияние очевидно несопоставимо с тем, что мы могли видеть применительно к антиправительственным демонстрациям. Забастовочное движение в Западной Европе явно развивалось прежде всего по своей собственной логике, и влияние Арабской весны здесь было не очень весомым.

Отметим, что и для политических забастовок можно говорить скорее о выходе на пиковые уровни конца 1940-х или 1960–1970-х годов с характерными для них подъёмами левых рабочих движений в Европе без сколько-нибудь значительного превышения этих уровней.

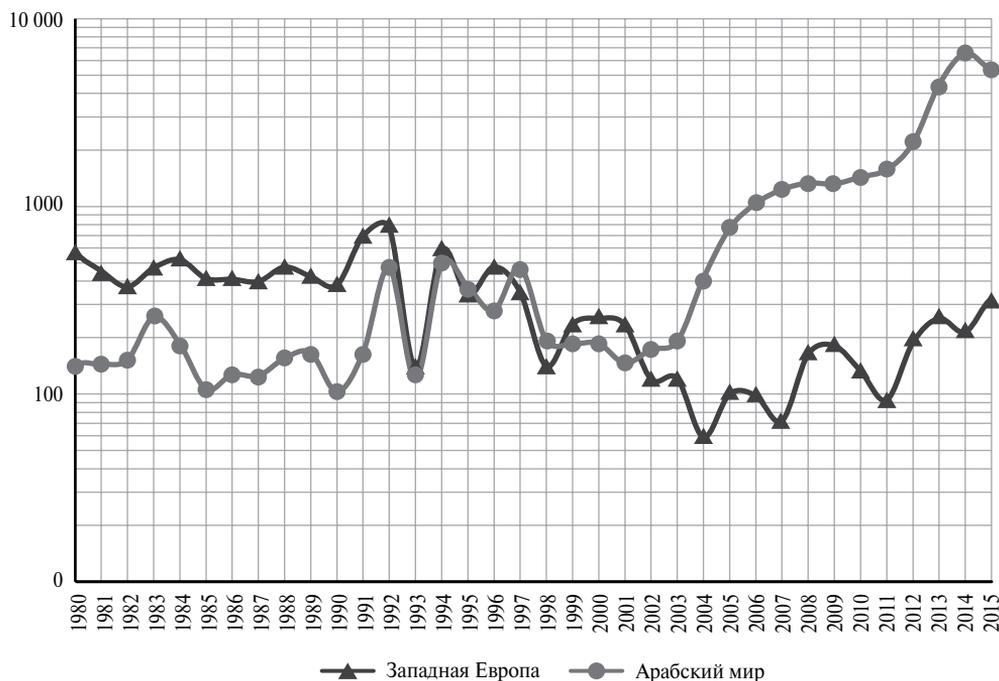
4

Помимо показателей политической дестабилизации базы данных CNTS имеет смысл рассмотреть динамику такого показателя *Global Terrorism Database*, как количество зафиксированных терактов (рис. 9–10).

Детальнее динамика количества террористических атак в 2000–2015 годах представлена на рис. 10.

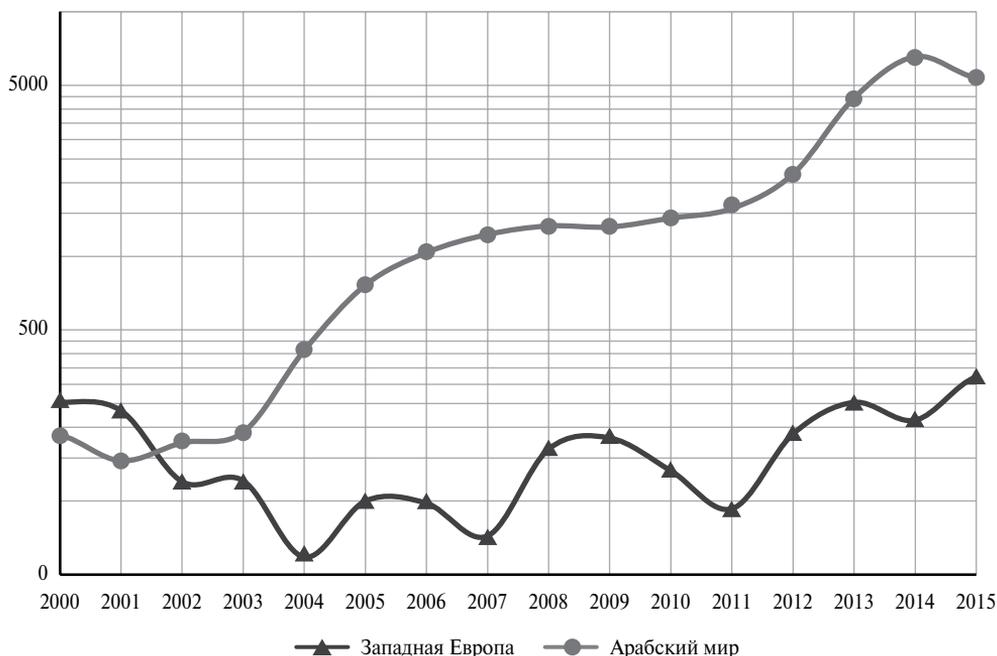
Для сравнительного анализа динамики числа терактов в Западной Европе и в арабских странах целесообразно пользоваться не натуральной, а логарифмической шкалой, так как рост числа терактов в Арабском мире после начала 2000-х годов затмевает западноевропейскую динамику настолько, что при рассмотрении в натуральном масштабе создаётся иллюзия практически полной стабильности данного показателя в Западной Европе. Натуральная (арифмети-

Рисунок 9
Количество терактов в Западной Европе и в арабских странах в 1980–2015

Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

Рисунок 10
Количество терактов в Западной Европе и арабских странах в 2000–2015

Источник: составлено авторами по данным GTD [START 2019].

ческая, линейная) шкала представляет значения переменной на равном удалении друг от друга (например, между 1-м и 2-м случаями террористических атак такое же расстояние, как между 2-м и 3-м случаями). В свою очередь, логарифмическая шкала позволяет отобразить и проанализировать на одном графике значения показателей разного порядка (например, десятки и тысячи случаев террористических атак). Таким образом, логарифмическая шкала сглаживает амплитуду показателя с очень широким диапазоном значений.

Как мы видим, до начала 1990-х годов в странах Западной Европы фиксировалось значительно больше террористических актов, чем в арабских странах. В 1990-х годах значения показателей в рассматриваемых регионах менялись сходным образом. С началом американской интервенции в Ираке количество терактов в странах Арабского мира значительно увеличилось (прежде

всего за счёт Ирака), после чего относительно стабилизировалось.

Примечательно, что по сравнению с предыдущим годом в 2011 г. число зафиксированных в Западной Европе терактов несколько сократилось. Но и в арабских странах рост числа зафиксированных терактов был небольшим – всего на 9%, что несопоставимо с многократным ростом числа зафиксированных там системой CNTS антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок.

Как было показано М. Шумахером и П. Шредером, руководители исламистских террористических организаций уже в 2011 г. оценили возможности для усиления террористической активности на Ближнем Востоке, открывшиеся под воздействием революционных событий Арабской весны, и особенно вследствие ослабления и трансформации политических режимов в Ливии,

Йемене и Сирии [Schumacher 2021]. В Ливии сравнительно крепкий авторитарный режим был заменён неустойчивым режимом факциональной демократии. Падение режима в Йемене устранило одну из главных сдерживающих сил терроризма на аравийском юге. Резкое ослабление режима в Сирии создало вакуум власти на неподконтрольных Дамаску территориях, в результате чего на границе с Ираком (главный рассадник терроризма до начала Арабской весны) значительно увеличился потенциал ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации). В целом в арабских странах сложилась благоприятная ситуация для роста и глобальной диффузии террористической активности [Исаев 2012; Ибрахим и др. 2013; Серебров 2015; Вайс 2016; Рогожина 2016; Wege 2015; Abboud 2016; Fraihat 2016; Lia 2016; Simons 2016; Baczkó et al. 2017; Bandeira 2017; Hill 2017; Blumi 2018; Grinin et al. 2019; Schumacher, Schraeder 2021].

В странах Западной Европы масштабы роста количества терактов, пусть и значительно отстававшие от показателей арабских стран, были существенными. В 2011–2015 годах число терактов увеличилось в 3,5 раза (то есть на 250% всего за 4 года). Приведённые данные дают основание говорить об ещё одном эхе Арабской весны, так как рост террористической активности в Западной Европе очень тесно связан с усилением после 2011 г. исламистского экстремизма в арабских странах [Lia 2016; Simons 2016]. Террористическая активность проникала в Западную Европу по разным каналам: через беженцев, посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ и т.п.

Таким образом, можно говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе: первая, в год Арабской весны, привела к резкому росту прежде всего ненасильственной протестной активности, и вторая, пришедшая с заметным временным лагом, дала всплеск насильственной террористической активности, а также определённое увеличение специфической

протестной активности в связи со спровоцированным Арабской весной кризисом беженцев.

* * *

Проведённый нами анализ позволяет говорить о двух волнах эха Арабской весны в Западной Европе. Первая наблюдалась непосредственно в 2011 году. Она выразилась во взрывообразном росте преимущественно мирных протестов, который трудно объяснить, игнорируя влияние Арабской весны. При этом особенно выросло количество мирных антиправительственных демонстраций. Число зафиксированных в Западной Европе массовых беспорядков только за 2014 г. превзошло рекордные уровни как «революции двадцатых», так и бурных 1960-х годов, хотя в сам год Арабской весны рост числа зафиксированных массовых беспорядков был довольно скромным и пиков 1920-х и 1960-х годов далеко не достиг. Таким образом, резонанс Арабской весны 2011 г. принял в Западной Европе форму мирных протестов, что сопровождалось и некоторым ростом числа массовых беспорядков. Бурный рост массовых беспорядков в 2012–2014 годах связать с Арабской весной сложно, он скорее обусловлен внутренней логикой развития западноевропейских протестных движений.

Можно предположить, что в год Арабской весны распространение в странах Западной Европы политической нестабильности не было напрямую вызвано социально-экономическими причинами, поскольку в 2010–2011 годах наблюдался восстановительный экономический рост. В частности, в 2011 г. рост безработицы был рекордно низким за весь период 2009–2013 годов. Следовательно, взрывообразное увеличение количества антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и политических забастовок, зафиксированных в Западной Европе в 2011 г. системой CNTS, можно связать именно с внешними факторами, включая влияние Арабской весны. В 2012–2014 годах протестное движение в Западной Европе при-

обрело собственную логику и продолжило на достаточно высоком уровне, в основном под влиянием второй волны финансово-экономического кризиса, тогда как «арабский импульс» уже не действовал. Определённый вклад в сохранение протестной активности внесли инерционный и автокаталитический эффекты.

Особо отметим, что динамика числа политических забастовок в Западной Европе заметно отличается от динамики числа антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков. Волна политических забастовок началась в 2008 г. в непосредственной связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, и рост 2010–2011 годов плавно продолжил рост 2008–2010 годов; при этом общее число политических забастовок даже несколько превышает число таковых в арабских странах (при том, что число зафиксированных в 2011 г. антиправительственных демонстраций в Арабском мире на порядок превзошло таковое в Западной Европе). Конечно, в 2011 г. резкий рост числа политических забастовок в арабских странах мог оказать определённое влияние на нетривиальный рост числа политических забастовок в Западной Европе, но это влияние несопоставимо с тем, что мы могли видеть применительно к антиправительственным демонстрациям. Забастовочное движение в Западной Европе развивалось прежде всего по собственной логике, и влияние Арабской весны было незначительным. Вместе с тем и для политических забастовок можно говорить скорее о выходе на

пиковые уровни конца 1940-х или 1960-х – 1970-х годов с характерным для них подъёмом левых рабочих движений в Западной Европе без того значительного превышения этих уровней, которое наблюдалось в Западной Европе в 2011 г. применительно к антиправительственным демонстрациям.

Вторая волна эха Арабской весны в Западной Европе наблюдалась с заметным временным лагом, в 2014–2015 годах, и проявилась прежде всего бурным ростом террористической активности (в высокой степени исламистской). Вследствие Арабской весны имели место коллапс или резкое ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов, приведшее к значительному улучшению возможностей деятельности террористических организаций разного рода, стремительному росту их силы, влияния и эффективности организационных форм – в том числе, что очень важно для Западной Европы, в киберпространстве. Террористическая активность проникала из арабских стран в Западную Европу по разным каналам: и через беженцев, и посредством достаточно эффективной интернет-пропаганды ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации), и через возвращавшихся в Западную Европу джихадистов. В отличие от 2011 года, протесты второй волны 2014–2015 годов были организованы преимущественно правыми силами и направлены против мигрантов, устремившихся в Европу в очень высокой степени под действием цунами Арабской весны.

Список литературы

- Бакланов А.Г. Пирамида Насера. Президент и его время. М.: Изд-во МБА, 2017. 196 с.
- Бакланов А.Г., аль-Вахейши А.С. Идеи афро-азиатской солидарности и реалии XXI века // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 78–80.
- Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
- Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 2–18.
- Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Кожанов Н.А., Мардасов А.Г., Семёнов К.В., Хайруллин Т.Р. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2019. 256 с.
- Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10. С. 2–7.
- Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Падение режима Бен Али и начало арабской весны // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока:

- актуальные проблемы. Выпуск 1 / Под ред. У.З. Шарипова, О.А. Ледовской. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 31–78.
- Видясова М.Ф.* Тунис – зачинатель «Арабских революций» // Актуальные проблемы Европы. 2012. №3. С. 42–91.
- Видясова М.Ф.* «Арабская весна»: разброс мнений. Размышления на полях одной книги // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2017. №7. С. 101–112.
- Видясова М.Ф.* Европа и гражданская война в Ливии: куда идёт страна 140 племён и «120 воюющих сторон»? // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 184–208.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. 384 с.
- Долгов Б.* Сирийский кризис и радикальный исламизм // Азия и Африка сегодня. 2016. №4. С. 2–8.
- Ибрагим Н., Ионов А.В., Исаев Л.М.* Ливийский кризис как особый компонент Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 40–63.
- Исаев Л.М.* Племенная революция по-йеменски // Неприкосновенный запас. 2012. № 4. С. 178–187.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. 2014а. № 2. С. 14–20.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Политическая география современного Египта: опыт количественного анализа // Азия и Африка сегодня. 2014б. № 9. С. 5–13.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В.* Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 71–81.
- Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 266 с.
- Коротаев А. В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинько Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В.* Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Учитель, 2017. 343 с.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. 2011а. № 6(647). С. 10–16; № 7(648). С. 15–21.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011б. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 8. С. 91–100.
- Коротаев А.В., Исаев Л.М.* Политическая география современного Египта // Полис. Политические исследования. 2015. Т. 2. № 2. С. 117–136.
- Коротаев А.В., Мещерина К.В., Исаев Л.М., Искосков А.С., Херн У.Д., Дельянов В.Г., Куликова Е.Д.* Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2016. Т. 7. С. 22–126.
- Коротаев А.В., Мещерина К.В., Куликова Е.Д., Дельянов В.Г.* Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 113–126.
- Коротаев А.В., Романов Д.М., Медведев И.А.* Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 56–106.
- Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В.* Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2012. Т. 3. С. 28–76.
- Коротаев А.В., Хохлова А.А., Цирель С.В.* Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 2. С. 118–167.
- Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Лухманова З.Т.* Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 150–168.
- Кузнецов В.А.* Истоки и движущие силы вооружённого экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. 2017. №1. С. 138–154.
- Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В.* О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 137–162.
- Мелкумян Е.С.* Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 40–63.
- Наумкин В.В.* Насильственные конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке через призму теории глубоко разделённых обществ // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 415–443.

- Наумкин В.В. Исламский радикализм и внешнее вмешательство в глубоко разделённых обществах Ближнего Востока // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Под ред. Д.Б. Малышевой. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 25–52.
- Пеньковцев Р.В., Мокбел Х.Г.Х. Влияние событий «арабской весны» на политическую ситуацию в Республике Йемен // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 183–188.
- Рогожина Н.Г. «Исламское государство» — угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 5–14.
- Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 359 с.
- Сапронова М.В. Становление новой государственности на Арабском Востоке // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 26–39.
- Серебров С.Н. Революция и конфликт в Йемене // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 277–334.
- Сухов Н.В. «Политическая весна» в Марокко // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 237–266.
- Труевцев К.М. Жасминовая революция в Тунисе // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2013. Т. 4. № 1. С. 365–386.
- Ходунов А.С., Коротаев А.В. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2012. Т. 3. С. 463–507.
- Abboud S.N. Syria. Malden: Polity Press, 2016. 272 p.
- Abusharif I.N. Parsing “Arab Spring”. Doha: Northwestern University in Qatar, 2014. 48 p.
- Accornero G., Pinto P.R. ‘Mild Mannered’? Protest and Mobilisation in Portugal under Austerity 2010–2013 // West European Politics. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 491–515.
- Aday S., Farrell H., Freelon D., Lynch M., Sides J., Dewar M. Watching From Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57. No. 7. P. 899–919.
- Akaev A., Korotayev A., Isaev L., Zinkina J. Technological development and protest waves: Arab Spring as a trigger of the global phase transition? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 116. P. 316–321.
- Ancelovici M. Crisis and contention in Europe: A political process account of anti-austerity protests // Europe’s Prolonged Crisis. London: Palgrave Macmillan. 2015. P. 189–209.
- Andretta M. Protest in Italy in Times of Crisis: A Cross-Government Comparison // South European Society and Politics 2018. Vol. 23. No.1. P. 97–114.
- Andretta M., porta Della D. Dynamics of Individual Participation: Surveying Italian Protestors // Journal of Civil Society 2014 Vol. 10. No. 4. P. 373–392.
- Anduiza E., Christiancho C., Sabucedo J.M. Mobilization Through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignos in Spain // Information, Communication and Society. 2013. Vol. 17. No. 6. P. 750–764.
- Bandeira M., Alberto L. The Second Cold War. New York: Springer International Publishing, 2017. 774 p.
- Banks A.S., Wilson K.A. Cross-National Time-Series Data Archive // Jerusalem: Databanks International. 2019 [online]. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 04.08.2019).
- Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A. Civil war in Syria: mobilization and competing social orders. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 336 p.
- Baumgarten B. Geração à Rasca and beyond: Mobilizations in Portugal after 12 March 2011 // Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 457–473.
- Baumgarten B., Díez G.R. More than a Copy Paste: The Spread of Spanish Frames and Events to Portugal // Journal of Civil Society. 2017. Vol. 13. No. 3. P. 247–266.
- Berti B. The Syrian refugee crisis: Regional and human security implications // Strategic Assessment. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 41–53.
- Blumi I. Destroying Yemen: what chaos in Arabia tells us about the world. Oakland: University of California Press, 2018. 312 p.
- Bogaert K. Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world // Middle East Critique. 2013. Vol. 22. No. 3. P. 213–234.
- Breau S. The occupy movement and the top 1% in Canada // Antipode. 2014. Vol. 46. No. 1. P. 13–33.
- Brown H., Guskin E., Mitchell A. The Role of Social Media in the Arab Uprisings. New York: Pew Research Center, 2012. 16 p.
- Campante F.R., Chor D. Why was the Arab world poised for revolution? Schooling, economic opportunities, and the Arab Spring // Journal of Economic Perspectives. 2012. Vol. 26. No. 2. P. 167–88.
- Castañeda E. The Indignados of Spain: A Precedent to Occupy Wall Street // Social Movement Studies. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 309–319.

- Castelli Gattinara P., Pirro A.L.* The far right as social movement // *European Societies*. 2018. P. 1–16.
- Chabanet D., Royall F.* The 2011 Indignés / Occupy Movements in France and Ireland: An analysis of the causes of weak mobilisations // *Modern and Contemporary France*. 2015. No. 23. P. 327–349.
- Davis J.* The Arab spring and Arab thaw: unfinished revolutions and the quest for democracy. London: Routledge, 2016. 557 p.
- Della Porta D., Andretta M.* Protesting for justice and democracy: Italian Indignados? // *Contemporary Italian Politics*. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 23–37.
- Della Porta D., Parks L.* Social movements, the European crisis, and EU political opportunities // *Comparative European Politics*. 2018. Vol. 16. No. 1. P.85–102.
- Desai R.M.* Signaling Dissent: Political Behavior in the Arab World // *Stockholm School of Economics, Stockholm Institute of Transition Economics*. 2018. No. 45. P. 1–50.
- Earl J.* The Dynamics of Protest-Related Diffusion on the Web. // *Information, Communication and Society*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 209–225.
- Erde J.* Constructing archives of the Occupy movement // *Archives and Records*. 2014. Vol. 35. No. 2. P. 77–92.
- Eriksson M.* A Fratricidal Libya and its second civil war. Stockholm: Swedish Defense Research Agency, 2015. 85 p.
- Fadaee S., Schindler S.* The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability // *Globalizations*. 2014. Vol. 11. No. 6. P. 777–791.
- Fernández-Savater A., Fominaya C.F.* Roundtable: Life after the squares: Reflections on the consequences of the Occupy Movements. // *Social Movement Studies*. 2016. No. 16. P. 119–151.
- Fominaya C.F.* Debunking Spontaneity: Spain's 15-M/Indignados as Autonomous Movement // *Social Movement Studies*. 2015. Vol. 14. No. 2. P. 142–163.
- Fominaya C.F.* European anti-austerity and pro-democracy protests in the wake of the global financial crisis // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 1–20.
- Fraihat I.* Unfinished revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring. New Haven, CT: Yale University Press, 2016. 304 p.
- Gamson W.A., Sifry M.L.* The# Occupy movement: an introduction // *The Sociological Quarterly*. 2013. Vol. 54. No. 2. P.159–163.
- García O.J.M.* Soft Repression and the Current Wave of Social Mobilisations in Spain // *Social Movement Studies*. 2014. Vol. 13. No. 2. P. 303–308.
- Genovese F., Schneider G., Wassmann P.* The Eurotower strikes back: Crises, adjustments, and Europe's austerity protests // *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49. No. 7. P. 939–967.
- Gerbaudo P.* Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Press, 2012. 208 p.
- Gerbaudo P.* The indignant citizen: anti-austerity movements in southern Europe and the anti-oligarchic reclaiming of citizenship // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 36–50.
- Gerbaudo P.* Protest diffusion and cultural resonance in the 2011 protest wave // *The International Spectator*. 2013. Vol. 48. No. 4. P. 86–101.
- Giannakis E., Bruggeman A.* Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece // *Papers in Regional Science*. 2017. Vol. 96. No. 3. P. 451–476.
- Gray L.E.* Registering Protest: Voice, Precarity, and Return in Crisis Portugal // *History and Anthropology*. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 60–73.
- Greene R., Kuswa K.* From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*. 2012. Vol. 42. No. 3. P. 271–288.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A.* Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. Cham: Springer, 2019. 370 p.
- Halvorsen S.* Beyond the network? Occupy London and the global movement // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 427–433.
- Hammond J.L.* The anarchism of occupy Wall Street // *Science and Society*. 2015. Vol. 79. No. 2. P. 288–313.
- Heisbourg F.* The strategic implications of the Syrian refugee crisis // *Survival*. 2015. Vol. 57. No. 6. P. 7–20.
- Hill G.* Yemen endures: civil war, Saudi adventurism and the future of Arabia. Oxford: Oxford University Press, 2017. 320 p.
- Hoffman M., Jamal A.* The youth and the Arab spring: cohort differences and similarities // *Middle East Law and Governance*. 2012. Vol. 4. No 1. P. 168–188.
- Iranzo A., Farné A.* Occupy Movements in the Media // *Peace Review*. 2013. Vol. 25. P. 384–391.
- Kavada A.* Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor // *Information, Communication and Society*. 2015. Vol. 18. No. 8. P. 872–886.

- Kavada A., Dimitriou O.* Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square // Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P. *Protest Camps in International Context: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol: Policy Press, 2017. P. 71–90.
- Kavada A.* Social movements and the global crisis: Organising communication for change // *Westminster Papers in Communication and Culture*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 15–16.
- Kerton S.* Tahrir, here? The influence of the Arab uprisings on the emergence of Occupy // *Social Movement Studies*. 2012. Vol. 11. No. 3–4. P. 302–308.
- Khan A.* The Impact of Social and Digital Media on Traditional Agenda Setting Theory in Relation to The Arab Spring Revolutions. FIU Graduate Research 2018 [online]. URL: <http://digitalcommons.fiu.edu/graduate-research/1> (accessed: 04.08.2019).
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A.* Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2013. Vol. 7. No. 4. P. 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A.* The Arab spring: a quantitative analysis // *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A.* Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis // *The Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A.* A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. 2018. Vol. 14. No. 4. P. 331–357.
- Kostopoulos L., Papanikolopoulos D., Rongas V.* Competing modes of coordination in the Greek anti-austerity campaign 2010–2012 // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 101–118.
- Langman L.* Occupy: A new new social movement // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 510–524.
- Lawson G.* Revolution, nonviolence, and the Arab uprisings // *Mobilization: An International Quarterly*. 2015. Vol. 20. No. 4. P. 453–470.
- Lia B.* Jihadism in the Arab world after 2011: Explaining its expansion // *Middle East Policy*. 2016. T. 33. No. 4. P. 74–91.
- Lidan S.* Global Youth Protests in the Era of Capitalist Economic Crisis. // *International Critical Thought*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 367–381.
- Lotan G., Graef E., Ananny M., Gaffney D., Pearce, I.* The Revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // *International journal of communication*. 2011. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Lynch M.* *The Arab Spring. The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York, NY: Public Affairs, 2012. 304 p.
- Manzona C.* Spain: Playing at Revolution // *The World Today*. 2014. Vol. 67. No. 7. P. 13–15.
- Mudde C.* *The populist radical right: A reader*. Taylor and Francis, 2016. 660 p.
- Myers A.R.* Dissent, protest, and revolution: the new Europe in crisis // *Inquiries Journal*. 2012. Vol. 4. No. 3 [online]. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=624> (accessed: 04.08.2019).
- Ostrand N.* The Syrian refugee crisis: A comparison of responses by Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States // *Journal on Migration and Human Security*. 2015. Vol. 3. No. 3. P. 255–279.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A.* Modeling social pressures toward political instability in the United Kingdom after 1960: a demographic structural analysis // *Cliodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 113–158.
- Perugorria I., Tejerina B.* Politics of the encounter: Cognition, emotions, and networks in the Spanish 15M // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 424–442.
- Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M.* European Anti-Austerity Protests – Beyond «old» and «new» social movements? // *Acta Sociologica*. 2015. Vol. 58. No. 4. P. 293–310.
- Prentoulis M., Thomassen L.* Autonomy and Hegemony in the Squares: the 2011 Protests in Greece and Spain // *Radical democracy and collective movements today: The biopolitics of the multitude versus the hegemony of the people*, 2014. P. 213–234.
- Romanos E.* Collective learning processes within social movements: Some insights into the Spanish 15-M/ Indignados movement // *Fominaya C.F., Cox L. Understanding European movements: New social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge, 2014. P. 203–219.
- Romanos E., Rodriguez I.S.* From the street to institutions through the app: digitally enabled political outcomes of the Spanish Indignados movement // *Revista internacional de sociología*. 2016. Vol. 74. No. 4. P. 1–14.
- Rüdig W., Karyotis G.* Beyond the usual suspects? New participants in anti-austerity protests in Greece // *Mobilization: An International Quarterly*. 2013. Vol. 18. No. 3. P. 313–330.
- Ruijgrok K.* From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes // *Democratization*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 498–520.
- Sabucedo J.-M., Gómez-Román C., Alzate M., van Stekelenburg J., Klandermans B.* Comparing protests and demonstrators in times of austerity: regular and occasional protesters in universalistic and particularistic mobilisations // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 6. P. 704–720.

- Schumacher M.J., Schraeder P.J.* Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014) // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 198–222.
- Simons G.* Islamic extremism and the war for hearts and minds // *Global Affairs*. 2016. Vol. 2. No. 1. P. 91–99.
- Sepp C.* “People of Europe – Rise up!” The European protests of 2011 and their contribution to a united Europe on a citizen’s level. 2013 [online]. URL: <https://www.rug.nl/research/portal/files/29253734/people.pdf> (accessed: 04.08.2019).
- Sergi V., Vogiatzoglou M.* Think globally, act locally? Symbolic memory and global repertoires in the Tunisian uprising and the Greek anti-austerity mobilizations // *Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. 2013. P. 220–235.
- Skinner J.* Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms // *Working Papers on Information Systems*. 2011. Vol. 11. No. 169. P. 2–26.
- Sotirakopoulos N., Sotiropoulos G.* ‘Direct democracy now!’: The Greek indignados and the present cycle of struggles // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 443–456.
- START [National Consortium for Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. *Global Terrorism Database* [online]. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 04.08.2019).
- Valentim V.* What affects media commentators’ views of protest actions? Evidence from the Portuguese wave of anti-austerity contention // *Social Movement Studies*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 215–232.
- Walsh-Russo C.* Diffusion of protest // *Sociology Compass*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 31–42.
- Wege C.* Urban and Rural Militia Organizations in Syria’s Less Governed Spaces // *Journal of Terrorism Research*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 35–61.
- Wilson C., Dunn A.* The Arab Spring | Digital media in the Egyptian revolution: Descriptive analysis from the Tahrir data set // *International Journal of Communication*. 2011. Vol. 5. P. 1248–1272.
- World Bank. *World Development Indicators Online*. 2021. [online] URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed: 04.06.2019).
- Zamponi L., Fernández González J.* Dissenting youth: how student and youth struggles helped shape anti-austerity mobilisations in Southern Europe // *Social Movement Studies*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 64–81.

ECHO OF ARAB SPRING IN WESTERN EUROPE

A QUANTITATIVE ANALYSIS

NIKITA KHOKHLOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia
Dublin City University, Dublin, D09V209, Ireland

ALEXEY VASILIEV

Institute for African Studies of the RAS, Moscow, 123001, Russia
RUDN University, Moscow, 117198, Russia

ANGELINA BELICHENKO

POLINA KIRDYANKINA
HSE University, Moscow, 101000, Russia

ANDREY KOROTAYEV

HSE University, Moscow, 101000, Russia
Institute for African Studies of the RAS, Moscow, 123001, Russia

Abstract

Our analysis allows us to talk about two waves of the echo of the Arab spring in Western Europe. The first wave was observed in 2011 and was expressed in the explosive growth of mainly peaceful protests. Taking into account the data on the direct impact of the events of the Arab Spring on the protest activity in

Western Europe, the explosive increase in the number of anti-government demonstrations, riots and general strikes recorded in Western Europe in 2011 can be attributed to the influence of the Arab Spring up to a very considerable extent. In 2012–2014 the protest movement in Western Europe acquired its own logic and continued at a fairly high level, despite the disappearance of the "Arab impulse" – to a large extent under the influence of the second wave of the financial and economic crisis. The second wave of the echo of the Arab spring in Western Europe was observed with a noticeable time lag in 2014–2015. and manifested primarily in the form of rapid growth of terrorist (mainly Islamist) activities. One of the consequences of the Arab Spring was the collapse or sharp weakening of several sufficiently effective Arab authoritarian regimes, which led to a significant improvement in the possibility of the activities of terrorist organizations of various kinds, the rapid growth of their strength, influence and effectiveness of organizational forms – including, which is very important for Western Europe, in cyber space. Terrorist activities penetrated from Arab countries to Western Europe through various channels: refugees, quite effective Internet propaganda of ISIS, jihadists returning to Western Europe, and so on. The second wave was expressed in a certain increase in protest activity, but it radically differed from the protests in 2011, since in the latter case it was a matter of the protests organized mainly by the right-wing forces against the migrant wave, which was generated to a very high degree by the tsunami of the Arab Spring.

Keywords:

Arab Spring; Western Europe; diffusion; political instability; protests; riots; terrorism; quantitative analysis; Internet

References

- (2019). *START [National Consortium for Study of Terrorism and Responses to Terrorism]*. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 04.08.2019).
- Aboud S. N. (2016). *Syria*. Malden: Polity Press. 272 p.
- Abusharif I.N. (2014). *Parsing "Arab Spring"*. Doha: Northwestern University in Qatar. 48 p.
- Accornero G., Pinto P.R. (2015). 'Mild Mannered'? Protest and Mobilisation in Portugal under Austerity 2010–2013. *West European Politics*. Vol. 38. No. 3. P. 491–515.
- Aday S., Farrell H., Freelon D., Lynch M., Sides J., Dewar M. (2013). Watching from Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring. *American Behavioral Scientist*. Vol. 57. No. 7. P. 899–919.
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017). Technological development and protest waves: Arab Spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 116. P. 316–321.
- Ancelevici M. (2015). Crisis and contention in Europe: A political process account of anti-austerity protests. In: *Europe's Prolonged Crisis*. London: Palgrave Macmillan. P. 189–209.
- Andretta M. (2018). Protest in Italy in Times of Crisis: A Cross-Government Comparison. *South European Society and Politics*. Vol. 23. No. 1. P. 97–114.
- Andretta M., porta Della D. (2014). Dynamics of Individual Participation: Surveying Italian Protestors. *Journal of Civil Society*. Vol. 10. No. 4. P. 373–392.
- Anduizia E., Christiancho C., Sabucedo J. M. (2013). Mobilization Through Online Social Networks: The Political Protest of the Indigenos in Spain. *Information, Communication and Society*. Vol. 17. No. 6. P. 750–764.
- Baczko A., Dorronsoro G., Quesnay A. (2017). *Civil war in Syria: mobilization and competing social orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 336 p.
- Baklanov A.G. (2017). *Piramida Nasera. Prezident i ego vremya* [Pyramid of Nasser. President and his time]. MBA. 196 p.
- Baklanov A.G., al-Vahejshi A.S. (2021). Idei afro-aziatskoj solidarnosti i realii XXI veka [Ideas of Afro-Asian Solidarity and Realities of the 21st Century]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 78–80.
- Bandeira M., Alberto L. (2017). *The Second Cold War*. New York: Springer International Publishing. 774 p.
- Banks A.S., Wilson K.A. (2019). Cross-National Time-Series Data Archive. *Jerusalem: Databanks International*. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed: 04.08.2019).
- Baumgarten B. (2013). Geração à Rasca and beyond: Mobilizations in Portugal after 12 March 2011. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 457–473.
- Baumgarten B., Díez G. R. (2017). More than a Copy Paste: The Spread of Spanish Frames and Events to Portugal. *Journal of Civil Society*. Vol. 13. No. 3. P. 247–266.

- Berti B. (2015). The Syrian refugee crisis: Regional and human security implications. *Strategic Assessment*. Vol. 17. No. 4. P. 41–53.
- Blumi I. (2018). *Destroying Yemen: what chaos in Arabia tells us about the world*. Oakland: University of California Press. 312 p.
- Bogaert K. (2013). Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world. *Middle East Critique*. Vol. 22. No. 3. P. 213–234.
- Breau S. (2014). The occupy movement and the top 1% in Canada. *Antipode*. Vol. 46. No. 1. P. 13–33.
- Brown H., Guskin E., Mitchell A. (2012). *The Role of Social Media in the Arab Uprisings*. New York: Pew Research Center. 16 p.
- Campante F.R., Chor D. (2012). Why was the Arab world poised for revolution? Schooling, economic opportunities, and the Arab Spring. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 26. No. 2. P. 167–188.
- Castañeda E. (2012). The Indignados of Spain: A Precedent to Occupy Wall Street. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 309–319.
- Castelli Gattinara P., Pirro A.L. (2018). The far right as social movement. *European Societies*. P. 1–16.
- Chabanet D., Royall F. (2015). The 2011 Indignés / Occupy Movements in France and Ireland: An analysis of the causes of weak mobilisations. *Modern and Contemporary France*. No. 23. P. 327–349.
- Davis J. (2016). *The Arab spring and Arab thaw: unfinished revolutions and the quest for democracy*. London: Routledge. 557 p.
- Della Porta D., Parks, L. (2018). Social movements, the European crisis, and EU political opportunities. *Comparative European Politics*. Vol. 16. No. 1. P. 85–102.
- Della Porta D., Andretta M. (2013). Protesting for justice and democracy: Italian Indignados? *Contemporary Italian Politics*. Vol. 5. No. 1. P. 23–37.
- Desai R. M. (2018). *Signaling Dissent: Political Behavior in the Arab World*. Stockholm School of Economics, Stockholm Institute of Transition Economics. No. 45. P. 1–50.
- Dolgov B. (2016). Sirijskij krizis i radikal'nyj islamizm [Syrian crisis and radical Islamism]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 4. P. 2–8.
- Earl J. (2010). The Dynamics of Protest-Related Diffusion on the Web. *Information, Communication and Society*. Vol. 13. No. 2. P. 209–225.
- Erde J. (2014). Constructing archives of the Occupy movement. *Archives and Records*. Vol. 35. No. 2. P. 77–92.
- Eriksson M. A. (2015). *Fratricidal Libya and its second civil war*. Stockholm: Swedish Defense Research Agency. 85 p.
- Fadaee S., Schindler S. (2014). The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability. *Globalizations*. Vol. 11. No. 6. P. 777–791.
- Fernández-Savater A., Fominaya C.F. (2016). Roundtable: Life after the squares: Reflections on the consequences of the Occupy Movements. *Social Movement Studies*. No. 16. P. 119–151.
- Fominaya C.F. (2017). European anti-austerity and pro-democracy protests in the wake of the global financial crisis. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 1–20.
- Fominaya C.F. (2015). Debunking Spontaneity: Spain's 15-M/Indignados as Autonomous Movement. *Social Movement Studies*. Vol. 14. No. 2. P. 142–163.
- Fraihat I. (2016). *Unfinished revolutions. Yemen, Libya, and Tunisia after the Arab Spring*. New Haven, CT: Yale University Press. 304 p.
- Gamson W.A., Sifry M.L. (2013). The# Occupy movement: an introduction. *The Sociological Quarterly*. Vol. 54. No. 2. P. 159–163.
- García O.J.M. (2014). Soft Repression and the Current Wave of Social Mobilisations in Spain. *Social Movement Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303–308.
- Genovese F., Schneider G., Wassmann P. (2016). The Eurotower strikes back: Crises, adjustments, and Europe's austerity protests. *Comparative Political Studies*. Vol. 49. No. 7. P. 939–967.
- Gerbaudo P. (2013). Protest diffusion and cultural resonance in the 2011 protest wave. *The International Spectator*. Vol. 48. No. 4. P. 86–101.
- Gerbaudo P. (2012). *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. 208 p.
- Gerbaudo P. (2017). The indignant citizen: anti-austerity movements in southern Europe and the anti-oligarchic reclaiming of citizenship. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 36–50.
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017). Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*. Vol. 96. No. 3. P. 451–476.
- Gray L.E. (2016). Registering Protest: Voice, Precarity, and Return in Crisis Portugal. *History and Anthropology*. Vol. 27. No. 1. P. 60–73.
- Greene R., Kuswa K. (2012). From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 42. No. 3. P. 271–288.

- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019). *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer. 370 p.
- Grinin L.E., Isaev L.M., Korotayev A.V. (2016). *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East]. 2-e izd. M.: Uchitel'. 384 p.
- Halvorsen S. (2012). Beyond the network? Occupy London and the global movement. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 427–433.
- Hammond J.L. (2015). The anarchism of occupy Wall Street. *Science and Society*. Vol. 79. No. 2. P. 288–313.
- Heisbourg F. (2015). The strategic implications of the Syrian refugee crisis. *Survival*. Vol. 57. No. 6. P. 7–20.
- Hill G. (2017). *Yemen endures: civil war, Saudi adventurism and the future of Arabia*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Hodunov A.S., Korotayev A.V. (2012). Pochemu vtoraya volna agflyacii privela k volne social'no-politicheskoj destabilizacii na Blizhnem Vostoke, a ne v Latinskoj Amerike? [Why did the second wave of agflation lead to a wave of socio-political destabilization in the Middle East, and not in Latin America]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 3. P. 463–507.
- Hoffman M., Jamal A. (2012). The youth and the Arab spring: cohort differences and similarities. *Middle East Law and Governance*. Vol. 4. No. 1. P. 168–188.
- Ibrahim H., Ionov A.V., Isaev L.M. (2013). Livijskij krizis kak osoboj komponent Arabskoj vesny [Libyan Crisis as a Special Component of the Arab Spring]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 40–63.
- Iranzo A., Farné A. (2013). Occupy Movements in the Media. *Peace Review*. Vol. 25. P. 384–391.
- Isaev L.M. (2012). Plemennaya revolyutsiya po-jemenski [Yemeni Tribal Revolution] // *Neprikosnovennyj zapas*. No. 4. P. 178–187.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2014a). Egipetskij perevorot 2013 goda: opyt ekonomicheskogo analiza [The Egyptian coup of 2013: the experience of econometric analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 2. P. 14–20.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2014b). Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta: opyt kolichestvennogo analiza [Political geography of modern Egypt: the experience of quantitative analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 9. P. 5–13.
- Isaev L.M., Korotayev A.V. (2015). Jemen: neizvestnaya revolyuciya i mezhdunarodnyj konflikt [Yemen: Unknown Revolution and International Conflict]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 71–81.
- Isaev L.M., Shishkina A.R. (2012). *Siriya i Jemen: neokonchennye revolyutsii* [Syria and Yemen: Unfinished Revolutions]. Moscow: LIBROKOM. 266 p.
- Kavada A. (2015). Creating the collective: Social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor. *Information, Communication and Society*. Vol. 18. No. 8. P. 872–886.
- Kavada A. (2017). Social movements and the global crisis: Organising communication for change. *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 12. No. 1. P. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O. (2017). Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square. In: Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P. (eds) *Protest Camps in International Context: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol: Policy Press. P. 71–90.
- Kerton S. (2012). Tahrir, here? The influence of the Arab uprisings on the emergence of Occupy. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 3–4. P. 302–308.
- Khan A. (2018). *The Impact of Social and Digital Media on Traditional Agenda Setting Theory in Relation to The Arab Spring Revolutions*. FIU Graduate Research. URL: <http://digitalcommons.fiu.edu/graduate-research/1> (accessed: 04.08.2019).
- Korotayev A. V., Grinin L.E., Isaev L.M., Bilyuga S.E., Vas'kin I.A., Slin'ko E.V., SHishkina A.R., Meshcherina K.V. (2017). *Destabilizaciya: global'nye, nacional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms]. Moscow: Uchitel'. 343 p.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. (2013). Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 28–58.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. (2014). The Arab spring: a quantitative analysis. *Arab Studies Quarterly*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 149–169.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. (2016). Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis. *The Journal of North African Studies*. Vol. 21. No. 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. (2018). A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security*. Vol. 14. No. 4. P. 331–357.
- Korotayev A.V., Hodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.YU., Halturina D.A., Zin'kina YU.V. (2012). Social'no-demograficheskij analiz Arabskoj vesny [Socio-demographic analysis of the Arab Spring]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 3. P. 28–76.

- Korotayev A.V., Hohlova A.A., Cirel' S.V. (2018). Bezrabotica kak prediktor social'no-politicheskoy destabilizacii v stranah Zapadnoj i Vostochnoj Evropy [Unemployment as a predictor of socio-political destabilization in Western and Eastern Europe]. *Ekonomicheskaya sociologiya*. Vol. 19. No. 2. P. 118–167.
- Korotayev A.V., Isaev L.M. (2014). Anatomiya egipetskoj kontrrevolyucii [Anatomy of the Egyptian counter-revolution]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 91–100.
- Korotayev A.V., Isaev L.M. (2015). Politicheskaya geografiya sovremennogo Egipta [Political geography of modern Egypt]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. Vol. 2. No. 2. P. 117–136.
- Korotayev A.V., Meshcherina K.V., Isaev L.M., Iskoskov A.S., Hern U.D., Del'yanov V.G., Kulikova E.D. (2016). Arabskaya vesna kak trigger global'noj social'no-politicheskoy destabilizacii: opyt sistematicheskogo analiza [The Arab Spring as a Trigger for Global Socio-Political Destabilization: An Experience of Systematic Analysis]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 7. P. 22–126.
- Korotayev A.V., Meshcherina K.V., Kulikova E.D., Del'yanov V.G. (2017). Arabskaya vesna i ee global'noe ekho: kolichestvennyj analiz [The Arab Spring and Its Global Echo: Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 4. P. 113–126.
- Korotayev A.V., Romanov D.M., Medvedev I.A. (2019). Ekho «arabskoj vesny» v Vostochnoj Evrope: opyt kolichestvennogo analiza [Echoe of the "Arab Spring" in Eastern Europe: the Experience of Quantitative Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie*. Vol. 18. No. 1. P. 56–106.
- Korotayev A.V., Shishkina A.R., Luhmanova Z.T. (2017). Volna global'noj social'no-politicheskoy destabilizacii 2011–2015 gg.: kolichestvennyj analiz [The wave of global socio-political destabilization in 2011–2015: quantitative analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 150–168.
- Korotayev A.V., Zin'kina YU.V. (2011a). Egipetskaya revolyutsiya 2011 g. Strukturno-demograficheskij analiz [Egyptian Revolution 2011. Structural and Demographic Analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 6(647). P. 10–16; No. 7(648). P. 15–21.
- Korotayev A.V., Zin'kina YU.V. (2011b). Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sociodemograficheskij analiz [Egyptian Revolution of 2011: Sociodemographic Analysis]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. Vol. 4. No. 2. P. 5–29.
- Kostopoulos L., Papanikolopoulos D., Rongas V. (2017). Competing modes of coordination in the Greek anti-austerity campaign 2010–2012. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 101–118.
- Kuznecov V.A. (2017). Istoki i dvizhushchie sily vooruzhennogo ekstremizma i radikalizacii na Blizhnem Vostoke (na regional'nom urovne i na primere Tunisa) [The origins and driving forces of armed extremism and radicalization in the Middle East (at the regional level and on the example of Tunisia)]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1. P. 138–154.
- Langman L. (2013). Occupy: A new new social movement. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 510–524.
- Lawson G. (2015). Revolution, nonviolence, and the Arab uprisings. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 20. No. 4. P. 453–470.
- Lia B. (2016). Jihadism in the Arab world after 2011: Explaining its expansion. *Middle East Policy*. Vol. 33. No. 4. P. 74–91.
- Lidan S. (2013). Global Youth Protests in the Era of Capitalist Economic Crisis. *International Critical Thought*. Vol. 3. No. 3. P. 367–381.
- Lotan G., Graef E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I. (2011). The Revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions. *International journal of communication*. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Lynch M. (2012). *The Arab Spring. The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York, NY: Public Affairs. 304 p.
- Malkov S.YU., Korotayev A.V., Isaev L.M., Kuz'minova E.V. (2013). O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij arabskoj vesny [On the methodology for assessing the current state and forecasting social instability: the experience of quantitative analysis of the events of the Arab spring]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 137–162.
- Manzona C. (2014). Spain: Playing at Revolution. *The World Today*. Vol. 67. No. 7. P. 13–15.
- Melkumyan E.S. (2013). Protivostoyanie mezhdru vlast'yu i oppoziciej v Korolevstve Bahrejn [Confrontation between the government and the opposition in the Kingdom of Bahrain]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 40–63.
- Mudde C. (2016). *The populist radical right: A reader*. Taylor and Francis. 660 p.
- Myers A.R. (2012). Dissent, protest, and revolution: the new Europe in crisis. *Inquiries Journal*. Vol. 4. No. 3. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=624> (accessed: 04.08.2019).
- Naumkin V.V. (2015). Islamskij radikalizm i vneshnee vmeshatel'stvo v gluboko razdelennyh obshchestvah Blizhnego Vostoka [Islamic radicalism and external interference in deeply divided societies of the Middle

- East]. In: Malysheva D.B. (ed.) *Konflikty i vojny XXI veka [Conflicts and wars of the 21st century]. Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. P. 25–52.
- Naumkin V.V. (2016). Nasil'stvennye konflikty i vneshnee vmeshatel'stvo na Blizhnem i Srednem Vostoke cherez prizmu teorii gluboko razdelennykh obshchestv [Violent Conflicts and External Intervention in the Near and Middle East through the Prism of the Theory of Deeply Divided Societies]. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.) *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya*. Moscow: Aspekt Press. P. 415–443.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A. (2017). Modeling social pressures toward political instability in the United Kingdom after 1960: a demographic structural analysis. *Clodynamics*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 113–158.
- Ostrand N. (2015). The Syrian refugee crisis: A comparison of responses by Germany, Sweden, the United Kingdom, and the United States. *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 3. No. 3. P. 255–279.
- Pen'kovcev R.V., Mokbel H.G.H. (2017). Vliyanie sobytij «arabskoj vesny» na politicheskuyu situaciyu v Respublike Jemen [Influence of the events of the "Arab spring" on the political situation in the Republic of Yemen]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 9. No. 6–2. P. 183–188.
- Perugorria I., Tejerina B. (2013). Politics of the encounter: Cognition, emotions, and networks in the Spanish 15M. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 424–442.
- Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M. (2015). European Anti-Austerity Protests – Beyond «old» and «new» social movements? *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 4. P. 293–310.
- Prentoulis M., Thomassen L. (2014). Autonomy and Hegemony in the Squares: the 2011 Protests in Greece and Spain. In: Kioukiolis A., Katsambekis G. (eds) *Radical democracy and collective movements today: The biopolitics of the multitude versus the hegemony of the people*. London: Routledge. P. 213–234.
- Rogozhina N. G. (2016). "Islamskoe gosudarstvo" – ugroza bezopasnosti stran YUgo-Vostochnoj Azii ["Islamic State" – a threat to the security of the countries of South-East Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 60. No. 2. P. 5–14.
- Romanos E. (2014). Collective learning processes within social movements: Some insights into the Spanish 15-M/Indignados movement. In: Fominaya C.F., Cox L. (eds) *Understanding European movements: New social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge. P. 203–219.
- Romanos E., Rodríguez I.S. (2016). From the street to institutions through the app: digitally enabled political outcomes of the Spanish Indignados movement. *Revista internacional de sociologia*. Vol. 74. No. 4. P. 1–14.
- Rüdiger W., Karyotis G. (2013). Beyond the usual suspects? New participants in anti-austerity protests in Greece. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 18. No. 3. P. 313–330.
- Ruijgrok K. (2017). From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes. *Democratization*. Vol. 24. No. 3. P. 498–520.
- Sabucedo J.-M., Gómez-Román C., Alzate M., van Stekelenburg J., Klandermans B. (2017). Comparing protests and demonstrators in times of austerity: regular and occasional protesters in universalistic and particularistic mobilisations. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 6. P. 704–720.
- Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S.YU. (2012). *Modelirovanie i prognozirovaniye mirovoj dinamiki* [Modeling and forecasting world dynamics.]. Moscow: ISPI RAN. 359 p.
- Sapronova M. V. (2015). Stanovlenie novogo gosudarstvennosti na Arabskom Vostoke [Formation of a new statehood in the Arab East]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 13. No. 3. P. 26–39.
- Schumacher M.J., Schraeder P.J. (2021). Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014). *Studies in Conflict and Terrorism*. Vol. 44. No. 1. P. 198–222.
- Sepp C. (2013). "People of Europe – Rise up!" *The European protests of 2011 and their contribution to a united Europe on a citizen's level*. URL: <https://www.rug.nl/research/portal/files/29253734/people.pdf> (accessed: 04.08.2019).
- Serebrov S.N. (2015). *Revolutsiya i konflikt v Jemene* [Revolution and conflict in Yemen]. In: Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds) *Konflikty i vojny XXI veka. Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika*. Moscow: IV RAN. P. 277–334.
- Sergi V., Vogiatzoglou M. (2013). Think globally, act locally? Symbolic memory and global repertoires in the Tunisian uprising and the Greek anti-austerity mobilizations. In: Fominaya C.F., Cox L. (eds) *Understanding European movements: new social movements, global justice struggles, anti-austerity protest*. London: Routledge. P. 220–235.
- Simons G. (2016). Islamic extremism and the war for hearts and minds. *Global Affairs*. Vol. 2. No. 1. P. 91–99.

- Skinner J. (2011). Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms. *Working Papers on Information Systems*. Vol. 11. No. 169. P. 2–26.
- Sotirakopoulos N., Sotiropoulos G. (2013). 'Direct democracy now!': The Greek indignados and the present cycle of struggles. *Current Sociology*. Vol. 61. No. 4. P. 443–456.
- Suhov N.V. (2013). "Politicheskaya vesna" v Marokko ["Political Spring" in Morocco]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 237–266.
- Truevcev K.M. (2013). Zhasminovaya revolyutiya v Tunise [Jasmine revolution in Tunisia]. *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov*. Vol. 4. No. 1. P. 365–386.
- Vajs M., Hasan H. (2016). *Islamskoe gosudarstvo: armiya terrora* [Islamic State: Army of Terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 346 p.
- Valentim V. (2019). What affects media commentators' views of protest actions? Evidence from the Portuguese wave of anti-austerity contention. *Social Movement Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 215–232.
- Vasil'ev A.M. (2011). Tsunami revolyutsij [Tsunami of revolutions]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 2–18.
- Vasil'ev A.M., Isaev L.M., Korotayev A.V., Kozhanov N.A., Mardasov A.G., Semenov K.V., Hajrullin T.R. (2019). *Skhvatka za Blizhnij Vostok: regional'nye aktory v usloviyah rekonfiguracii blizhnvestochnogo konflikta* [The Skirmish for the Middle East: Regional Actors in the Context of the Reconfiguration of the Middle East Conflict]. Moscow: LENAND/URSS. 256 p.
- Vasil'ev A.M., Korotayev A.V., Isaev L.M. (2014). Voennye vnov' u vlasti? Vybory v Egipte [Are the military in power again? Elections in Egypt]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 10. P. 2–7.
- Vidyasova M.F. (2012). Tunis – zachinatel' «Arabskih revolyucij» [Tunisia – the initiator of the "Arab revolutions"]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 3. P. 42–91.
- Vidyasova M.F. (2017). "Arabskaya vesna": razbros mnenij. Razmyshleniya na polyah odnoj knigi [The Arab Spring: Diffusion of Opinions. Reflections on the margins of one book]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel'-Observer*. No. 7. P. 101–112.
- Vidyasova M.F. (2018). Evropa i grazhdanskaya vojna v Livii: kuda idet strana 140 plemen i «120 voyuyushchih storon»? [Europe and the civil war in Libya: where is the country of 140 tribes and "120 warring parties" heading]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 4. P. 184–208.
- Vidyasova M.F., Gasanbekova T.I. (2017). *Padenie rezhima Ben Ali i nachalo arabskoj vesny* [The fall of the Ben Ali regime and the beginning of the Arab spring]. In: Sharipova U.Z., Ledovskoj O.A. (eds) *Nestabil'nost' geostrategicheskogo prostranstva v stranah Blizhnego, Srednego i Dal'nego Vostoka: aktualnye problemy*. Vol. I. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. P. 31–78.
- Walsh-Russo C. (2014). Diffusion of protest. *Sociology Compass*. Vol. 8. No. 1. P. 31–42.
- Wege C. (2015). Urban and Rural Militia Organizations in Syria's Less Governed Spaces. *Journal of Terrorism Research*. Vol. 6. No 3. P. 35–61.
- Wilson C., Dunn A. (2011). The Arab Spring | Digital media in the Egyptian revolution: Descriptive analysis from the Tahrir data set. *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 1248–1272.
- World Bank. (2021). World Development Indicators Online. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (accessed: 04.06.2019).
- Zamponi L., Fernández González J. (2017). Dissenting youth: how student and youth struggles helped shape anti-austerity mobilisations in Southern Europe. *Social Movement Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 64–81.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ФРГ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

ФИЛИПП ТРУНОВ

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье предпринята попытка оценить позиции Германии в военно-политической области, занятые к концу эпохи А. Меркель. Ключевая проблема в сфере безопасности и обороны состоит в том, что в своих действиях, направленных на укрепление позиций на мировой арене, немецкий истеблишмент обязан учитывать ограничения, обусловленные исторической ответственностью за развязывание Второй мировой войны. Отсюда вытекает приверженность ФРГ принципам мультилатерализма и «стратегической сдержанности» в вопросах боевого и в целом провокационного использования военно-силового потенциала. Автор показывает, как менялись эти составляющие внешней политики Германии в конце 2010-х годов. В завершающий период канцлерства А. Меркель решение задачи по укреплению позиций ФРГ заметно осложнилось на глобальном, региональном (евроатлантическое сообщество) и страновом уровнях. Рост электоральной поддержки Альтернативы для Германии, представляющий угрозу сохранению властных полномочий истеблишмента, побудил элиты к активизации своих действий в политической и военной сферах. Внешнеполитический курс Д. Трампа и выход Великобритании из Европейского Союза усилили для Берлина значимость контактов в военно-политической области с Парижем, а также малыми и средними европейскими государствами Евросоюза и НАТО. В статье показана динамика и результаты данного процесса на страновом (применительно к важнейшим партнёрам) и субрегиональном уровнях, проанализированы шаги ФРГ по усилению своих позиций в ведущих профильных международных структурах. Автор рассматривает планы по наращиванию потенциала бундесвера до середины 2030-х годов, особенности и «узкие места» его использования на современном этапе. Пристальное внимание уделено соответствию роста военно-силового потенциала ограничениям, содержащимся в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии. В заключение представлены выводы об основных результатах и трудностях роста военно-политических позиций ФРГ в мире к началу 2020-х годов.

Ключевые слова:

мультилатерализм; историческая ответственность; стратегическая сдержанность; бундесвер; межгосударственные отношения; переговорные форматы.

Национальные модели усиления позиций на мировой арене весьма отличаются друг от друга, будучи обусловлены особенностями ресурсной базы страны, воззрениями элит, а также историческими обстоятельствами. С точки зрения готовности и способности наращивать присутствие на

международной арене Германия – это пример восходящей державы, которая, в отличие от подавляющего большинства поднимающихся игроков, входит в евроатлантическое сообщество. Берлин может оказывать существенное влияние не только на мировой арене, но и внутри Запада.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2020

Дата принятия к публикации: 14.04.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: 1trunov@mail.ru

Вместе с тем действия федерального правительства во внешнеполитической и особенно в военно-политической области выстраиваются с учётом ограничений, обусловленных исторической ответственностью за развязывание и разжигание крупнейших войн XX века.

Цель данной статьи – исследовать особенности, проблемы и результаты курса на укрепление позиций ФРГ в мировой политике по состоянию на начало 2020-х годов в контексте преодоления исторически обусловленных ограничений в военно-политической области. Автор выдвигает *гипотезу*: к завершению эпохи А. Меркель германский истеблишмент вплотную подошёл к осуществлению стратегического рывка, нацеленного на окончательное утверждение ФРГ в положении мировой державы, то есть полновесного глобального игрока. В политической сфере такой рывок стартовал в конце 2010-х годов, а в военной области идёт его активная подготовка. В доказательство гипотезы автор сосредоточил внимание на глубокой перестройке системы международных связей ФРГ, а также на планах количественного и качественного усиления бундесвера. Он исходил из предположения, что как восходящая держава Германия будет стремиться к развитию политического диалога с малыми и средними государствами, в то время как будут углубляться противоречия с большинством наиболее влиятельных игроков, прежде всего за пределами Запада (в частности, с Россией и Китаем). Автор отмечает, что пандемия COVID-19 замедлит (временно) продвижение Германии к намеченным целям, которые, однако, не будут подвергаться корректировке, в том числе и с точки зрения масштабов прилагаемых усилий.

Отечественные и немецкие специалисты сформировали огромный пул исследований по внешней политике ФРГ в период

правления А. Меркель. Уже предпринимались попытки подвести результаты её длительного (четыре срока) пребывания у власти [Максимычев 2018; Павлов 2019; Пименова 2019; Синдеев 2020; Major 2019]. Вместе с тем пока не публиковалось специальных исследований, посвящённых ситуации в военно-политической сфере. Данный пробел и намерен восполнить автор в настоящей публикации.

Логика доказательства выдвинутой гипотезы обуславливает структуру работы, которая построена на движении от политических сюжетов к военным (учитывая примат первых¹) и от общих – к частным. Автор прослеживает трансформацию императивов и форм политики ФРГ в области безопасности и обороны, вслед за чем переходит к изучению двусторонних связей Германии в евроатлантическом сообществе и мире, а затем показывает, как менялась роль страны в ведущих профильных международных институтах. Завершающая часть статьи посвящена вопросам наращивания потенциала бундесвера.

1

Понимание исторической ответственности Германии за развязывание крупнейших конфликтов XX века предопределило последовательную приверженность властной элиты ФРГ *принципу мультилатерализма* (многосторонности) – в том числе при выстраивании стратегии в области безопасности и обороны. В силу этого подавляющее большинство профильных переговорных площадок с участием Берлина, особенно создававшихся до начала 2010-х годов, имеют три и более государства-участника. В практике использования бундесвера нет примеров заграничного применения войск в национальном качестве, то есть вне многонациональных миссий и в отсутствие мандата, как минимум, одной из трёх международных структур – НАТО,

¹ Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. Bundesministerium der Verteidigung Berlin, den 9. Februar 2021. URL: https://www.bmvg.de/resource/blob/5028534/44dcd6d650e6c1f19ab2b82fe1f9510f/210209_BMin%20%26%20GenInsp_Positionspapier-Bundeswehr%20der%20Zukunft.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

ЕС, ООН². Приверженность мультилатерализму отражает стремление истеблишмента ФРГ, как минимум, де-юре разделять ответственность с другими государствами, тем самым избегая обвинений в реваншизме в условиях наращивания военно-политического присутствия на региональном и глобальном уровнях.

При этом с начала 2010-х годов наблюдался существенный рост числа двусторонних переговорных механизмов, прежде всего вновь запускаемых форматов межправительственных консультаций, в частности с Индией (с 2011), КНР (с 2011), Бразилией (с 2016), Нидерландами (с 2013). Увеличиваются объёмы двусторонних межгосударственных неинституционализированных контактов. Были учреждены площадки, где интересы Запада представляли Германия и Франция («нормандский формат», «стамбульский формат», *Sahel G5+1*). Одновременно Берлин наращивал свой вес на многосторонних площадках, в первую очередь с участием малых и средних стран ЕС и НАТО: по инициативе Германии в 2014 г. запущен формат N3+1 (Швеция, Финляндия, Дания + ФРГ), а формат V3+1 (страны Балтии + ФРГ, создан в 1994) с 2018 г. функционирует не только на высоком (главы МИД), но и высшем уровне. Сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной проблеме (2015) германская дипломатия добивалась главным образом через формат E3+1 (Великобритания, Германия, Франция + Иран)³, а при проведении переговоров по выходу Великобритании из ЕС инициировала альтернативную «евротройку» (в которой место Лондона занял Рим)⁴.

О чём это свидетельствует? Сохраняя приверженность принципу мультилатера-

лизма, в 2010-х годах Германия стремилась увеличить свой вес в выработке, принятии и реализации решений в сфере международной безопасности, притом не только по общеполитическому, но и по военному направлению. Потенциал бундесвера использовался исключительно в рамках многосторонних военных механизмов, но в 2010-х годах ФРГ стала чаще принимать функции «рамочной нации», играя ведущую роль в управлении коллективными группировками и выделяя в их состав не менее 20% от общей численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ).

Это положение относилось к использованию потенциала бундесвера как внутри, так и вне зоны ответственности НАТО. В первом случае ФРГ участвовала в комплектовании многонациональных группировок, будь то относительно небольших по объёму, зато политически значимых («тяжёлая» батальонная тактическая группа Сил передового развёртывания НАТО в Литве с 2017 года) [Glatz, Zapfe, 2018], будь то масштабных – комплектование Сил быстрого реагирования и особенно их «острия копья» – бригады сверхвысокой боеготовности. Эту функцию бундесвер принял на себя на уровне Альянса в целом в сентябре 2014 г. и в январе 2019 г. (оба раза сроком на 12 месяцев), а также в ходе крупнейших к началу 2020-х годов учений Альянса *Trident Juncture 18*.

Вне традиционной зоны ответственности НАТО бундесвер играл роль «рамочной нации» в Международных силах содействия безопасности в Афганистане (до 2014) и сменившей их операции *Resolute Support* (с 2015) в североафганских провинциях, а также в деятельности миссий – военно-

² Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin: Bundesregierung, 2016. S. 62–80.

³ E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. 14.07.2019. URL: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed: 01.01.2021).

⁴ Pressestatements von Bundeskanzlerin Angela Merkel, dem italienischen Ministerpräsidenten Paolo Gentiloni und dem französischen Staatspräsidenten Emmanuel Macron in Triest. 12.07.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-dem-italienischen-ministerpraesidenten-paolo-gentiloni-und-dem-franzoesischen-staatspraesidenten-emmanuel-macron-844658> (accessed: 01.01.2021).

тренировочной ЕС EUTM Mali (с момента её запуска в 2013) и миротворческой ООН МИНУСМА (в 2016–2018) в Мали.

Исследуя действие принципа мультилатерализма в политике Западной, а в последующем и объединённой Германии, следует подчеркнуть, что с момента основания ФРГ (1949) интегрированность в состав евроатлантического сообщества федеральное правительство считает константой своей внешней политики. Руководство Боннской, а затем и Берлинской республик свой курс на мировой арене проводил и проводит сквозь призму обязательств перед партнёрами по НАТО и ЕС. Данное положение предопределяло низкую готовность, а в ряде случаев и отсутствие таковой, к выстраиванию кооперативных схем (моделей) безопасности с незападными державами.

Наиболее отчётливо это проявлялось в отношениях Бонна/Берлина с СССР, а затем и Россией, что ярко иллюстрируют два примера. Первый относится к эпохе канцлера К. Аденауэра, когда ФРГ стремилась предельно сблизиться с западными державами (*Westmächte* – США, Великобритания, Франция), чтобы стать одной из них. Тем самым руководство Западной Германии де-факто разрушало существовавшую в Европе тетрархию держав антигитлеровской коалиции, претендуя на место СССР и тем в корне меняя направленность обновлённого политического «четырёхугольника». Декларируя признание исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны, ФРГ преследовала цель отойти от положения побеждённой страны, делая долгосрочную ставку на сближение с западными державами и одновременно проводя предельно жёсткую линию в отношении СССР⁵. В этой связи Бонн, как ни парадоксально, был заинтересован в обострении «холодной войны», хотя она порождала огромные риски для

самой ФРГ, расположенной на передовой линии противостояния. Противостояние позволяло Западной Германии легально, в согласии с союзными державами, наращивать ресурсную базу, в том числе путём ремилитаризации.

Не менее показателен пример реалий новой «холодной войны» (с весны 2014 года). С одной стороны, Германия внесла вклад в недопущение неконтролируемой эскалации напряжённости, особенно на первых, наиболее чреватых её риском, этапах конфронтации евроатлантического сообщества и России. В этой связи следует упомянуть запуск «нормандской четвёрки» и «сочинского формата». С другой – ФРГ постепенно наращивала участие в системе «сдерживания» Москвы – в общеполитическом, экономическом, военном и ценностно-информационном отношениях. В частности, это проиллюстрировали выдвижение ФРГ политизированного «дела Навального» и резкая деградация двусторонних отношений с середины 2020 года, сопровождаемая ростом напряжённости на постсоветском пространстве, вызванным в числе прочего неготовностью Берлина учитывать интересы России в этом важнейшем для неё регионе⁶.

Оба представленных примера показательны. Бонн/Берлин весьма жёстко действовал в отношениях с Москвой, хотя СССР понёс колоссальные и уникальные в мировой истории потери, прежде всего людские, вследствие агрессии гитлеровской Германии. Действия германских властей способствовали переписыванию истории и особенно итогов Второй мировой войны. Фактически стоит вопрос о перестановке местами ролей СССР (с жёсткой критикой его правопреемницы), внесшего решающий вклад в дело разгрома нацизма, а, следовательно, и защиты демократических ценностей, и Германии – агрессора,

⁵ Архив Посла Степанова А.И. / ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, фонд 1, опись 1, дело 2, лист 3-р.

⁶ Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с делегацией партии «Альтернатива для Германии». 08.12.2020. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (дата обращения: 01.01.2021).

развязавшего самый разрушительный в истории народов военный конфликт. Символично, что «нормандский формат» был учреждён 6 июня 2014 года, то есть в 70-ю годовщину высадки западных союзников на французской земле с целью открытия Второго фронта борьбы с Третьим рейхом. На Первом (Восточном), основном фронте, тяжелейшую борьбу с общим агрессором вёл Советский Союз. Став инициатором запуска «нормандской четвёрки», Берлин демонстративно выказывал вынужденный характер взаимодействия с Россией⁷. Подключаясь к урегулированию вооружённого конфликта на востоке Украины, то есть на территории бывшего СССР, в качестве (отнюдь не беспристрастного) арбитра, руководство ФРГ де-факто подчёркивало единство с западными державами-победительницами во Второй мировой войне (прежде всего, с оккупированной Третьим рейхом Францией) для сдерживания мифической российской угрозы.

К чему ведёт данная политика? Де-факто она направлена на частичное нивелирование ответственности Германии за развязывание и разжигание Второй мировой войны, улучшая исторический и политический фон для укрепления позиций ФРГ на международной арене.

Представленные выше тенденции иллюстрируют заметно возросшую в 2010-х годах активность истеблишмента ФРГ по разрешению *ключевой стратегической дилеммы* в области безопасности и обороны. Это — необходимость органичного сочетания двух противоречащих целей: максимально усилить влияние страны на мировой арене и учитывать многочисленные (включая де-юре добровольные) ограничения в военно-политической области, а также исторически детерминированные (в основном латентные) опасения европейских государств перед ростом влияния Берлина на континенте и в мире. Большинство таких стран входят в евроатлантические институ-

ты и рассматриваются истеблишментом Германии в качестве ближайших и наиболее ценных партнёров. Соответственно, тактически Берлин изыскивает возможности нивелировать, де-факто (но не де-юре) обходить и даже по возможности использовать в своих интересах наложенные на него ограничения.

К преодолению описанной стратегической дилеммы западногерманские власти приступили со времени создания Боннской республики. Этот процесс развивался беспрерывно, притом росли не только его промежуточные результаты, но и скорость. После окончания «холодной войны» и объединения, запустив и наращивая объёмы использования бундесвера вне традиционной зоны ответственности НАТО, ФРГ стала двигаться к позиции региональной державы. Символами достижения этого статуса стали перенос столицы из Бонна в Берлин (напоминающий о периоде великодержавности в истории Пруссии, а затем и объединённой Германии) и боевое использование люфтваффе в военно-воздушной операции НАТО против Югославии — прецедент наступательного использования германских сил в Европе впервые после окончания Второй мировой войны.

В канцлерство Г. Шрёдера (1998—2005) была предпринята попытка ускорить преодоление ограничений в области безопасности и обороны, но её результаты оказались сугубо тактическими. При А. Меркель (с 2005 года) тактика достижения главной стратегической цели стала более плавной, а действия — менее спешными. В 2010-х годах, особенно второй половине десятилетия, Берлин существенно повысил активность в области международной безопасности. Эта тенденция сохранилась и в период замораживания значительной части мирополитических процессов в условиях пандемии COVID-19.

В 2021 г. ожидается окончание периода канцлерства А. Меркель: она неоднократно

⁷ Bundeskanzlerin Merkel führt Gespräch mit dem russischen Präsidenten Putin, 6.06.2014. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/06/2014-06-06-merkel-putin.html> (дата обращения: 01.01.2021).

Таблица 1
 Результаты выборов в бундестаг после объединения Германии, %

Год проведения	Партия					
	Левая	Союз 90/Зелёные	СДПГ	ХДС/ХСС	СвДП	АдГ
1990 г.	2,4	5,1	33,5	43,8	11,0	–
1994 г.	4,4	7,3	36,4	41,4	6,9	–
1998 г.	5,1	6,7	40,9	35,1	6,2	–
2002 г.	4,0	8,6	38,5	38,5	7,4	–
2005 г.	8,7	8,1	34,2	35,1	9,8	–
2009 г.	11,9	10,7	23,0	33,8	14,6	–
2013 г.	8,6	8,4	25,7	41,5	4,8	4,7
2017 г.	8,2	8,9	20,5	32,9	10,7	12,6

Источник: составлено автором по данным сайта *Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2020*. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestagswahlen.htm> (дата обращения 01.01.2021).

декларировала решение не баллотироваться на пост канцлера в пятый раз. Перспектива её ухода из политики и связанная с этим неопределённость объективно потребовали от руководства ФРГ оперативно и максимально полно продвинуться в деле реализации державных амбиций к фактическому нивелированию ограничений в области безопасности и обороны. Правда, германский истеблишмент столкнулся с рядом вызовов. На глобальном уровне это, *во-первых*, заметное ухудшение отношений с рядом западных держав – в первую очередь с Россией. *Во-вторых*, неспособность эффективно бороться с масштабными рисками нестабильности, проецируемыми из конфликтогенных государств Азии и Африки, как показал миграционный кризис 2015–2016 годов. На региональном уровне (евроатлантическое сообщество) вызовами стали прежде всего выход Великобритании из ЕС и трампизм, а на внутривнутриполитическом уровне – усиление оппозиционных партий.

С конца 2000-х годов прогрессирует тенденция к утрате электоральной поддержки «народными партиями», составлявшими традиционную основу политической системы: блоком ХДС/ХСС и СДПГ.

Если в начале 1990-х годов они вели за собой квалифицированное большинство избирателей – 75–80%, то в 2017 г. этот показатель упал до критической отметки в 53%. Ключевая причина тому – рост электоральной поддержки сил, расположенных на флангах партийного ландшафта: в 1990-х годах они привлекали голоса около 2,5 % избирателей, а в 2017 году – 20,8%, приблизившись к показателям партий-«китов» (табл. 1). Эта тенденция прослеживается и в результатах выборов федеральных земель и вольных городов, представленных в табл. 2.

На уровне всех субъектов (за исключением двух вольных городов), как и на федеральном, отметим рост электоральной поддержки Альтернативы для Германии (АдГ). Во главу внешнеполитической части программы эта партия поставила тему, на обсуждение которой наложено неофициальное табу со стороны истеблишмента: скорейшего, притом в незавуалированной форме, обретения Германией подлинного суверенитета⁸. АдГ выступает за выход или, как минимум, снижение объёмов участия в работе евроатлантических институтов и за конструктивный диалог с широким кругом западных держав, включая Россию

⁸ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. URL: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 1.01.2021).

Таблица 2
 Результаты парламентских партий на региональных выборах,
 % от общего числа голосов избирателей (изменение в%)

Федеральная земля, вольный город (год выборов)	Левая	Союз 90/ Зелёные	СДПГ	ХДС/ХСС	СвДП	АдГ
Бавария (2018) (к выборам 2013 г.)	3,2 (+2,1)	17,5 (+8,9)	9,7 (-10,9)	37,2 (-10,5)	5,1 (+1,8)	10,2 (+10,2)
Баден-Вюртемберг (2016) (к выборам 2011 г.)	2,9 (+0,1)	30,3 (+6,1)	12,7 (-10,4)	27,0 (-12,0)	8,3 (+3,0)	15,1 (+15,1)
Берлин (2016) (к выборам 2011 г.)	15,6 (+3,9)	15,2 (-2,4)	21,6 (-6,7)	17,6 (-5,8)	6,7 (+4,9)	14,2 (+14,2)
Бранденбург (2019) (к выборам 2014 г.)	10,7 (-7,1)	10,8 (+4,6)	15,6 (-7,4)	26,2 (-5,7)	4,1 (+2,6)	23,5 (+12,2)
Бремен (2019) (к выборам 2015 г.)	11,3 (+1,8)	17,4 (+2,3)	24,9 (-7,9)	26,7 (+4,3)	5,9 (-0,7)	6,1 (+0,6)
Гамбург (2020) (к выборам 2015 г.)	9,1 (+0,6)	24,2 (+11,9)	39,2 (-6,4)	11,2 (-4,7)	4,9 (-2,4)	5,3 (-0,8)
Гессен (2018) (к выборам 2013 г.)	6,3 (+1,1)	19,8 (+8,7)	19,8 (-10,9)	27,0 (-11,3)	7,5 (+2,5)	13,1 (+9,0)
Мекленбург – Передняя Померания (2016) (к выборам 2011 г.)	13,2 (-5,2)	4,8 (-3,9)	30,6 (-5,0)	19,0 (-4,0)	3,0 (+0,2)	20,8 (+20,8)
Нижняя Саксония (2017) (к выборам 2013 г.)	4,6 (+1,5)	8,7 (-5,0)	36,9 (+4,3)	33,6 (-2,4)	7,5 (-2,4)	6,2 (+6,2)
Рейнланд-Пфальц (2016) (к выборам 2011 г.)	2,8 (-0,2)	5,3 (-10,1)	36,2 (-5,7)	31,8 (-4,4)	6,2 (+4,2)	12,6 (+12,6)
Саар (2017) (к выборам 2012 г.)	12,8 (-3,3)	4,0 (-1,0)	29,6 (-1,0)	40,7 (+5,5)	3,3 (+2,1)	6,2 (+6,2)
Саксония (2019) (к выборам 2014 г.)	10,4 (-8,5)	8,6 (+2,9)	7,7 (-4,7)	32,1 (-6,9)	4,5 (+0,7)	27,5 (+17,8)
Саксония-Анхальт (2016) (к выборам 2011 г.)	16,3 (-7,4)	5,2 (-1,9)	10,6 (-10,9)	29,8 (-2,7)	4,9 (+1,1)	24,3 (+24,3)
Северный Рейн-Вестфалия (2017) (к выборам 2013 г.)	4,9 (+2,5)	6,4 (-4,9)	31,2 (-8,9)	33,0 (+6,7)	12,6 (+4,0)	7,4 (+7,4)
Тюрингия (2019) (к выборам 2014 г.)	31,0 (+2,8)	5,2 (-0,5)	8,2 (-4,2)	21,8 (-11,7)	5,0 (+2,5)	23,4 (+12,8)
Шлезвиг-Гольштейн (2017) (к выборам 2012 г.)	3,8 (+1,5)	12,9 (-0,3)	27,2 (-3,2)	32,0 (+1,2)	11,5 (+3,3)	5,9 (+5,9)

Источник: составлено автором по данным сайта: *Ergebnisse der Landtagswahlen. 2020*. URL: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse> (дата обращения 01.01.2021).

[Пименова 2019]. Тем самым возник сценарий движения ФРГ по пути укрепления позиций на мировой арене, представляющий альтернативу действиям властей, которые предпочитают плавное, растянутое по времени движение, не вызывающее негативной реакции партнёров по ЕС и НАТО.

Действующей элите необходимо не только приостановить рост электоральной поддержки АдГ, но и добиться её сниже-

ния, чтобы избежать утраты части властных полномочий. Решению этой задачи может способствовать существенный прогресс в вопросе наращивания военно-политических позиций ФРГ в мире. Наибольший потенциал достижения этой стратегической цели содержится в перестройке системы двусторонних межгосударственных отношений Германии – прежде всего с партнёрами по евроатлантическому сообществу. Безусловно, для ФРГ важен диалог

с другими западными державами (США, Великобританией и Францией). Однако растущую значимость имеет развитие отношений с массивом малых и средних государств—членов ЕС и НАТО, причём официальный Берлин пытается мягко, но достаточно последовательно обеспечить роль «старшего партнёра». Переход от взаимодействия к полноценному сотрудничеству (в тех случаях, где это положение ещё не было достигнуто) и его дальнейшее углубление со сложившимися фокусными партнёрами — как внутри зоны ответственности Альянса, так и за её пределами — обеспечивает существенное укрепление позиций Германии, позволяя ей действовать в соответствии с логикой концепции мультилатерализма. Притом увеличение веса происходит как на уровне самого евроатлантического сообщества (в том числе обеспечивая более сильные позиции в отношении США и других западных держав), так и на международной арене в целом.

2

Германская элита привержена идее органичной интегрированности страны в евроатлантическое сообщество, а её осуществление немислимо без влиятельных США, готовых и способных вносить весомый вклад в коллективные действия возникающих проблем. В этой связи победа Д. Трампа на президентских выборах в Соединённых Штатах стала стратегическим шоком для истеблишмента ФРГ. Берлин был обеспокоен отходом администрации 45-го президента США от принципов мультилатерализма (в первую очередь размытием духа трансатлантической солидарности) и попытками перехода от мягкого лидерства к жёсткой гегемонии в рамках евроатлантического сообщества. Трампизм представ-

лял собой линию, направленную на реализацию интересов США в их предельно узком национальном понимании. При этом решение краткосрочных (сугубо тактических) задач превалировало над достижением долгосрочных (стратегических) целей. Выделим две наиболее чувствительные для ФРГ группы противоречий с США при администрации Д. Трампа. Первая вызвана тональностью и содержанием решений американского президента в вопросах развития отношений с партнёрами по евроатлантическому сообществу: заморозка переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнёрству, требование повысить расходы на военные нужды до уровня в 2% от ВВП и выше и в увязке с этим оглашение неоднократно менявшихся планов по сокращению/увеличению военного присутствия США на территории союзников, особенно в ФРГ⁹. Вторая группа обусловлена односторонними решениями Д. Трампа по выходу из договорённостей, достигнутых для решения острых региональных и глобальных проблем. В частности, это признание суверенитета Израиля над Иерусалимом (2017), выход из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской проблеме (2018), попытка запустить параллельный «нормандской четвёрке» формат по украинскому урегулированию (миссия спецпредставителя Государственного департамента К. Волкера) с риском обнуления минских соглашений (2015), и без того встречавших трудности на пути реализации.

Демонстрируя растущее неприятие заявлений и действий администрации президента США, руководство ФРГ подчёркивало надежды на улучшение отношений в эпоху пост-Трампа¹⁰. Они выражались в установлении «красных линий» в осла-

⁹ См.: US transferring 1,500 soldiers to Germany 07.09.2018. Available at: <https://www.dw.com/en/us-transferring-1500-soldiers-to-germaniya-45404469> (accessed: 01.01.2021); Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. Available at: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (accessed: 01.01.2021).

¹⁰ Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Heiko Maas, zur Eröffnung der 16. Botschafterkonferenz im Auswärtigen Amt. 27.08.2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/08/85-1-bmaa-botschafternonferenz.html> (дата обращения: 01.01.2021).

блении отношений с Соединёнными Штатами (равно как и другими партнёрами по евроатлантического сообществу), которые германский традиционный истеблишмент не готов и не может себе позволить перейти. Эти границы размываются по мере хронологического отдаления от момента объединения ФРГ (1990). Иными словами, степень заинтересованности Берлина в поддержке Соединёнными Штатами его усилий, нацеленных на укрепление позиций на мировой арене в канцлерство Г. Шрёдера (1998–2005) и особенно Г. Коля (1983–1998) была существенно больше, чем в эпоху А. Меркель.

Следует подчеркнуть, что трампизм не только создал вызовы, но и расширил «окна возможностей» для укрепления позиций Германии внутри евроатлантического сообщества (как защитницы его традиционных ценностей, перехватившей, пусть и временно, данную роль от США) и на глобальном уровне. В частности, приверженность ФРГ совместно с европейскими государствами ЕС и НАТО курсу на создание независимого Палестинского государства с включением в его состав Восточного Иерусалима¹¹ и сохранение ядерной сделки с Ираном¹² укрепляли позиции Берлина на Ближнем и Среднем Востоке.

Усложнение диалога с Белым домом при администрации Д. Трампа совпало по времени со снижением интенсивности диалога с другой англосаксонской державой — Великобританией — в условиях выхода последней из ЕС. Как и в случае США, после неудачных попыток убедить партнёра отказаться от негативного сценария («обнулить» формулу выхода из ЕС) Германия подчёркивала заинтересованность в сохранении максимально тесного сотрудничества в рамках НАТО, «группы семи»¹³,

а в последующем и по сохранению СВПД [von Ondazga, 2019].

Брекзит, равно как и трампизм, создавал и возможности для укрепления позиций ФРГ на мировой арене. Главная из них состояла в углублении и разветвлении контактов с европейскими партнёрами по ЕС и НАТО. Интенсификацию контактов ФРГ в вопросах обеспечения обороны и безопасности с восточно-, западно-, северо-европейскими и прибалтийскими странами — участницами евроатлантических институтов германские исследователи указывают в качестве ключевой причины новой «холодной войны» между Западом и Россией [Major, von Voss 2016: 2–8]. При такой оценке происходящего в тени оказались значимые обстоятельства: политика Д. Трампа, выход Великобритании из ЕС, а также стратегическая уязвимость перед угрозами нестабильности, проецируемыми из конфликтогенных государств Азии и Африки.

Истоки такого исследовательского подхода понятны: признание значимости трампизма и Брексита эквивалентно признанию глубокого кризиса внутри евроатлантического сообщества, а признать собственную стратегическую уязвимость — это распечатать в неэффективности проводившейся с начала 1990-х годов широко рекламированной, притом весьма затратной стратегии противодействия вызовам нестабильности на дальних подступах к странам — участницам ЕС и НАТО. Наиболее важной её частью было урегулирование в Афганистане, которое в конце 2010-х годов столкнулось с риском почти полного обнуления результатов. На этом фоне именно тезис о российской угрозе стал выгодным, не требующим признания собственных проблем и масштабных ошибок поводом к сплочению.

¹¹ 360 grad Jerusalem. Dienstag, 12.12.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/360-grad-jerusalem-431372> (дата обращения: 01.01.2021).

¹² Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (дата обращения: 01.01.2021).

¹³ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und der britischen Premierministerin May. 20.07.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-britischen-premierministerin-may-844560> (дата обращения: 01.01.2021).

Изыскивая возможности упрочить свои позиции на мировой арене, Германия в конце 2010-х годов прикладывала максимум усилий для развития контактов с европейскими континентальными странами ЕС и НАТО. Из числа «старых» западных держав (США, Великобритания, Франция) де-факто единственной к углублению сотрудничества с ФРГ готова Пятая республика. Инициировав запуск «нормандского формата» и став западными гарантами минских соглашений, германо-французский тандем делал ряд шагов в сторону урегулирования конфликта на юго-востоке Украины¹⁴. При всех трудностях «нормандская четвёрка» в 2017–2019 годах выиграла конкуренцию с миссией К. Волкера, что стало существенным дипломатическим успехом Германии (и Франции). Дуумвират предпринял усилия по сохранению СВПД с Ираном после выхода из него администрации Д. Трампа. Несмотря на провал попыток Э. Макрона и А. Меркель в ходе визитов в США (24 и 27 апреля 2018 г. соответственно) предотвратить это решение, тандем придерживался курса на сохранение ядерной сделки, действуя в составе евротройки, то есть с участием Великобритании¹⁵.

Тесная координация позиций наблюдалась на сирийском и иракском направлениях, на которых обе страны последовательно поддерживали оппозицию и активно сотрудничали в Группе друзей Сирии. Символично, что к западной антитеррористической коалиции, предназначенной для борьбы с «Исламским государством»¹⁶ в Сирии и Ираке, ФРГ присоединилась

в декабре 2015 года, декларировав активацию статьи 42 Договора о ЕС о праве на самооборону (а не статью 5 Вашингтонского договора) в ответ на просьбу Франции¹⁷ после террористических актов в Париже. После успехов, достигнутых коалицией России, правительства Сирии и Ирана в борьбе с ИГ на территории Сирии, а также формирования «астанинского треугольника» германо-французский тандем активно искал пути выхода на «стратегические сделки» с каждым из его участников. В частности, 27 октября 2018 г. в Стамбуле была проведена встреча России, Германии, Турции и Франции¹⁸, выявившая глубокие расхождения сторон по «идлибской проблеме».

Исключительно важным направлением сотрудничества Берлина и Парижа стало урегулирование вооружённого конфликта в Мали (с 2013 года). Стороны выступили организаторами межмалийских (с участием Бамако и договороспособных представителей туарегов) переговоров в Алжире и гарантами итоговых договорённостей от 15 мая и 20 июня 2015 года. Они содействовали их осуществлению в политическом и в военном отношениях (в рамках миссий ООН МИНУСМА и ЕС EUTM Mali). С 2017–2018 годов двустороннее сотрудничество по Мали расширилось на все страны Сахельской пятёрки (включая Буркина-Фасо, Мавританию, Нигер, Чад).

Германо-французский тандем стремился сохранить роль «локомотива» интеграции внутри ЕС. В частности, в ноябре 2017 г. две страны стали основными инициаторами программы Постоянного структурированного сотрудничества по вопро-

¹⁴ Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky. 09.12.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (дата обращения: 01.01.2021).

¹⁵ E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. 14.07.2019. URL: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed: 01.01.2021).

¹⁶ Запрещённая в России террористическая организация.

¹⁷ Rede von Ursula von der Leyen // Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C-13877A.

¹⁸ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul. 27.11.2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdogan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886> (дата обращения: 01.01.2021).

сам безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation, PESCO), приняв активное участие в формировании его профильных комитетов. Была модифицирована правовая основа двусторонних отношений: 22 января 2019 г. канцлер А. Меркель и президент Э. Макрон подписали Ахенский договор, сменивший Елисейский договор (1963). Приоритетное внимание в новом документе уделено сотрудничеству в области безопасности и обороны¹⁹. Показателем глубины и зрелости двусторонних отношений стал переход в 2003 г. от формата межправительственного диалога к более гибкому механизму межминистерских консультаций. Значимую роль в координации усилий в военно-политической области играет Германо-французский совет по вопросам обороны и безопасности (с 1988).

Дуумвират позиционирует свои отношения как образцовые. Действительно, уровни взаимодоверия и институционализации диалога исключительно высоки, объёмы и глубина сотрудничества велики, причём все данные параметры прогрессировали на протяжении длительного времени. Вместе с тем отношения не свободны от проблем, преимущественно латентных, обусловленных неофициальным спором о лидерстве внутри тандема. К примеру, активно содействуя усилиям французских военных в Мали в рамках миссий под эгидой ООН и ЕС, ФРГ не направила свои войска для участия в операциях под французским командованием в Мали («Сервал», затем «Бархан») и в принципе отказалась от боевого использования бундесвера. Тем самым даже под влиянием настоятельных просьб ближайшего союзника Германия не была готова поступиться приверженностью стратегической сдержанности (отказом от боевого использования бундесвера), что обозначало наличие определённых границ для практического сотрудничества держав—участниц тандема.

Э

Лидерство Германии на уровне евроатлантического сообщества выражается в признании её старшим партнёром средними и малыми странами—участницами НАТО. Можно ли говорить об упрочении в канцлерство А. Меркель отношений с этими государствами? Такая тенденция возникла к концу 2010-х годов: почти в каждом субрегионе евроатлантического сообщества ФРГ стремилась иметь фокусное государство—партнёр (реже двух), выстроив с ним схему продвинутого межгосударственного сотрудничества, призванную быть привлекательной для других игроков. Её важнейшими элементами следует признать:

1) на высшем и высоком (министерском) уровнях интенсивный диалог, институционализированный в формате межгосударственных консультаций и/или многосторонних переговорных площадок;

2) готовность ФРГ оказывать военную помощь в различных формах и/или наличие военных группировок совместного (преимущественно двустороннего) комплектования.

В *Западной Европе*, помимо Франции, таким полноценным союзником ФРГ следует признать Нидерланды. Более 50% наземных бригад бундесвера входят в состав военных группировок дивизионного и корпусного уровня, комплектуемых совместно с Нидерландами. Это управление 1-го германо-нидерландского корпуса (способно принять управление силами численностью до 80 тысяч военнослужащих), 1-я танковая дивизия и дивизия сил быстрого реагирования бундесвера, в каждую из которых включено по одной бригаде королевской армии. Спектр использования совместных военных группировок весьма широк: от миссий вне традиционной зоны ответственности НАТО (прежде всего, в Афганистане в 2000-х годах и в Мали в 2010-х) до комплектования сил быстрого реагирования (СБР; в 2014/15 и 2019 годах) и сил передо-

¹⁹ Text des Vertrags von Aachen. 31.01.2019. URL: <https://de.ambafrance.org/IMG/pdf/2019-01-19-vertrag-von-aachen-data.pdf?24531/00390d5439ac1e125b4e6879b9c66f1a173bcf20> (дата обращения: 01.01.2021).

вого развёртывания (СПР; батальонная тактическая группа в Литве) Альянса в Европе. Регулярные (не реже трёх раз в год во второй половине 2010-х годов²⁰) встречи на высшем и высоком уровнях стороны осуществляют с 2013 года, в том числе в ходе межправительственных консультаций. Это первый пример подобного типа сотрудничества Германии с малым, а не крупным государством. Близки позиции сторон по урегулированию вооружённых конфликтов в Сирии, Мали и Украине²¹. Де-факто правительство Нидерландов во главе с премьер-министром М. Рютте делегировало Германии право представлять свои интересы в форматах, где отсутствует Амстердам («нормандский формат», «евротройка» по сохранению СВПД²²).

Аналогичным образом строится диалог Германии с Норвегией – важнейшим партнёром в *Северной Европе*. Показательно, что именно А. Меркель стала инициатором избрания на пост генерального секретаря НАТО (2014)²³ Й. Столтенберга, что не только укрепило позиции Норвегии в Альянсе, но и устранило из норвежской политики конкурента главы правительства Э. Сульберга. Став премьер-министром, Сульберг многократно встречалась с А. Меркель (преимущественно в Берлине) перед саммитами «группы семи», ЕС, НАТО – не будучи представлена в первых двух структурах, Норвегия доводила через Германию свои запросы. О готовности Берлина поддержать Осло в военной сфере свидетельствует масштаб и характер использования бундесвера в ходе крупнейших

военных учений НАТО *Trident Juncture 18* (25 октября – 7 ноября 2018 года), проводившихся на территории скандинавской страны. Из общего контингента в 50 тыс. 8 тыс. были военнослужащими бундесвера; сверх того, Германией было перемещено 4 тыс. единиц боевой и транспортной техники. При передислокации массы войск в Норвегии комбинированным путём рассматривался вопрос о временном размещении в Королевстве военно-транспортного управления бундесвера. Тем самым Германия отработала выстраивание военно-логистической цепочки в сторону Норвегии.

К положению важного партнёра ФРГ в военно-политической области приближается Швеция, но с существенной оговоркой. Де-факто Берлин демонстрировал незаинтересованность в скорейшем вступлении Королевства в НАТО. С очень высокой долей вероятности Финляндия последовала бы примеру Швеции, что привело к бы резкому ускорению гонки вооружений в зоне Балтийского моря, где и без того идёт опасная эскалация напряжённости. Показательна инициатива Германии по запуску формата N3+1 (Дания, Швеция и Финляндия), который активно использовался в 2014–2016 годах. В отличие от других западных держав, ФРГ отказалась от использования войск в крупнейших учениях шведских вооружённых сил *Auroga 17* (сентябрь 2017), что следует расценить как очередной сигнал о незаинтересованности во вхождении Швеции в НАТО де-юре.

Из числа стран *Балтии* ФРГ имеет наиболее продвинутые отношения в военно-

²⁰ Рассчитано автором на основе данных сайта: <https://www.bundesregierung.de>

²¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin. 2.10.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038> (дата обращения: 01.01.2021).

²² См., напр.: Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte bei den 2. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Eindhoven. 21.04.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-bei-den-2-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-848452> (accessed: 01.01.2021).

²³ Von Misstrauen (bis) zur zuverlässigen Interessengemeinschaft. Eine Kontextualisierung der norwegischen Freundschaftspflege mit dem vereinten Deutschland. 2016. URL: <https://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/deutschlandarchiv/197834/eine-kontextualisierung-der-norwegischen-freundschaftspflege-mit-dem-vereinten-deutschland> (дата обращения: 01.01.2021).

политической области с Литвой. Именно здесь проводились значимые встречи в формате В3+1 на уровне глав МИД, а в сентябре 2018 г. впервые состоялись переговоры на высшем уровне. Углубление политического взаимодействия сопровождалось ростом военного сотрудничества: ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации» в комплектовании и поддержании боеспособности «тяжёлой» батальонной тактической группы сил передового развёртывания НАТО в Литве. Упомянутая часть дислоцирована поблизости от лучшего соединения литовских вооружённых сил — бригады «Железный Волк». В ходе интенсивных учений обе группировки войск достигли высокой степени тактико-оперативной слаженности, де-факто образуя многонациональную группировку НАТО с ведущим участием Германии и Литвы.

Пока ФРГ не выбрала себе главного партнёра в военно-политической сфере среди стран *Восточной Европы*. Традиционно особое внимание официальный Берлин уделял Польше, иллюстрацией чему стал запуск (1991) и последующее активное использование Веймарского треугольника. Однако в последние годы канцлерства А. Меркель германо-польский диалог стал менее интенсивным [Lang 2019: 2–4]. Отчасти это объясняется существенно более жёсткой антироссийской позицией Польши. В отличие от Варшавы, Берлин выступал против постоянного присутствия СПР НАТО вблизи границ России, но за ротацию войск.

Германия и Франция отклоняли многократные обращения Польши по включению её в состав «нормандского формата»²⁴, осознавая возможные негативные последствия этого шага для и без того медленно продвигающегося урегулирования воору-

жённого конфликта на юго-востоке Украины. В свою очередь, Варшава использовала площадку Вышеградской группы для критики ФРГ. Показательно также, что Германия, в отличие от Великобритании и США, не только не направила войск для наращивания группировки СПР НАТО на территории Польши, но принимала минимальное участие в учениях на её территории — в частности, в *Anakonda 16*.

Менее устойчивую динамику, как это ни парадоксально, демонстрируют отношения Германии с немецкоязычными Австрией и Швейцарией в *Центральной Европе*. Это обусловлено, *во-первых*, внеблоковым де-юре статусом последних, наиболее полно проявляющимся в случае Швейцарии, *во-вторых*, частичным охлаждением германо-австрийских отношений после прихода к власти в Вене правительства с ведущим участием крайне правой Австрийской народной партии во главе со С. Курцем. Это привело к фактической заморозке трёхстороннего (Германия—Австрия—Швейцария) формата встреч министров обороны, который был создан 15 апреля 2017 года²⁵. Запуск переговорного формата в области безопасности и обороны на уровне руководителей военных ведомств — уникальное для внешней политики ФРГ явление.

Берлину сложно найти ключевого партнёра и в *Южной Европе*. В случае Италии наблюдается взаимное негативное восприятие попыток укрепления позиций внутри евроатлантического сообщества и в мире. В числе прочего Рим (прежде всего, в рамках группы «Объединившиеся ради консенсуса») критикует перспективу представления ФРГ постоянного места в Совете Безопасности ООН [Knapp 2007: 737–739]. На тех переговорных площадках, где Бер-

²⁴ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des "Eisernen Vorhangs" unter besonderer Berücksichtigung der Initiative "Weimarer Dreieck". Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016. S. 22–30.

²⁵ Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerebene. 15.03.2017. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf> (дата обращения: 01.01.2021).

лин играет определяющую роль, он соглашается на подключение Италии лишь на вспомогательных треках. Если переговоры по недопущению развития военной ядерной программы ИРИ со стороны Запада ведут Великобритания, Германия, Франция (формат «евротройки»), то по ракетным вооружениям — с подключением Италии, формат Е4 [Meier 2019: 8]. В условиях выхода из ЕС Великобритании ряд встреч проходил в формате обновлённой «евротройки», где место Лондона занял Рим. Вместе с тем это был скорее тактический шаг, чем пересмотр стратегии выстраивания двусторонних отношений²⁶.

Существенно более благоприятно для Германии складывается ситуация на Балканах: в формировании постюгославского политического ландшафта ФРГ принимает полноценное участие, в том числе с применением бундсвера. Берлин последовательно поддерживал операции НАТО и включение стран субрегиона в её состав. Традиционно ближайшими партнёрами ФРГ выступают Словения и Хорватия, с растущей значимостью последней. В 2015 г. по инициативе Германии была создана Конференция по Западным Балканам — формат, направленный на углубление сотрудничества с региональными игроками, включая Боснию и Герцеговину, а также Косово, для которых Германия стремится играть роль гаранта безопасности. Заметно стало резкое потепление германо-сербских отношений в президентство А. Вучича.

Со второй половины 2010-х годов происходила деградация отношений с Турцией. Если в 2013–2015 годах, на ранних стадиях вооружённого конфликта в Сирии, ФРГ демонстрировала разностороннюю, в том числе военную (исключительно в оборонительных целях), поддержку Анкаре, то в дальнейшем произошла резкая дивергенция стратегических позиций сторон. В частно-

сти, в 2017 г. Германия вывела подразделения, применявшиеся на сирийско-иракском театре военных действий, с турецкой базы Инджирлик и перевела их в Иорданию, на аэродром Аль-Ашрак. Германия выражала растущую обеспокоенность намерением Анкары действовать сепаратно от большинства партнёров по евроатлантическому сообществу на ближневосточном и североафриканском направлениях, что, однако, не исключало тактического сотрудничества, в частности по идлибскому вопросу [Yegin 2019: 4–6].

Таким образом, ко времени окончания эпохи А. Меркель ФРГ закрепила в положении влиятельного партнёра, органично встроенного в субрегиональные системы обеспечения безопасности и обороны Западной, Северной, Центральной Европы, стран Балтии, а также Западных Балкан, тем укрепляя своё лидерство на уровне Запада и в мире. Вместе с тем официальный Берлин не сумел существенно укрепить свои стратегические позиции в Восточной и Южной Европе, существенно ухудшив диалог с Турцией.

4

Будучи неофициальным лидером Европейского Союза, Германия последовательно выступала за создание и наращивание его военного и политико-дипломатического потенциала. Заметных успехов удалось достичь в политико-дипломатической сфере, тогда как многочисленные планы относительно развития военного потенциала (в частности, формирование Еврокорпуса) остаются на бумаге. Берлин и Париж формально сохраняют приверженность идее общего военного потенциала ЕС, но нет ответа на вопрос, как эту идею воплощать. Стратегической попыткой такого ответа можно признать запущенную в ноябре 2017 г. программу PESCO. В её рамках было

²⁶ Gemeinsame Erklärung der Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland, des Präsidenten der Französischen Republik und des Ministerpräsidenten der Italienischen Republik. Montag, 27. Juni 2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-der-bundeskanzlerin-der-bundesrepublik-deutschland-des-praesidenten-der-franzoesischen-republik-und-des-ministerpraesidenten-der-italienischen-republik-434862> (дата обращения: 01.01.2021).

Таблица 3
Изменение доли расходов в ВВП на военные цели для ФРГ и США

Показатель		Год							
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
% от ВВП	ФРГ	1,23	1,19	1,19	1,20	1,24	1,26	1,36	1,57
	США	4,03	3,73	3,52	3,52	3,30	3,28	3,51	3,87
Изменение за год, в %	ФРГ	-6,20	-1,39	+1,55	+3,52	+5,98	+3,06	+9,08	+7,73
	США	-6,04	-5,20	-2,85	+1,55	-3,82	+2,23	+9,57	+2,18

Источник: *Defence expenditure of NATO countries (2013–2020)*. NATO Public Diplomacy Division, 2020. *Communique PR/CP (2020) 104*. P. 8.

Таблица 4
Структура военных расходов ФРГ

Категория (в %)	Год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Разработка и закупка новых ВиВТ, оснащения	12,74	12,94	11,93	12,21	11,77	12,36	14,69	16,83
Содержание военнослужащих	49,86	50,67	49,86	48,35	48,96	47,99	45,26	41,89
Развитие инфраструктуры	3,55	3,75	3,60	3,39	4,06	4,15	3,99	3,66
Иное, в т.ч. использование войск вне зоны ответственности НАТО	33,84	32,63	34,61	36,05	35,20	35,49	36,06	37,61

Источник: *Defence expenditure of NATO countries (2013–2020)*. NATO Public Diplomacy Division, 2020. *Communique PR/CP (2020) 104*. P. 13–14.

создано 47 многосторонних проектных комитетов, в том числе 14 с германским участием. PESCO, судя по составу проектных комитетов, имеет два магистральных направления деятельности. *Во-первых*, это углубление военно-технического сотрудничества для создания единой в странах-участницах линейки ВиВТ, в том числе автоматизированных. *Во-вторых*, это аккумуляция опыта, повышение эффективности и тактической совместимости по многим «узким местам»: штабному планированию, военно-тренировочной деятельности, формированию единого военно-логистического пространства. Стратегическая цель упомянутых проектов заключается в создании основ общей стратегической культуры государств ЕС. Учреждение PESCO отчасти стало реакцией на феномен трампизма – в первую очередь со стороны германо-французского тандема. Активное участие Берлина в становлении PESCO было продиктовано намерением ФРГ взять на себя функцию «рамочной нации». Кроме того, просматривается цель обеспечить бундесверу практические воз-

можности выполнять эту роль при формировании группировок под эгидой ЕС и НАТО. Стремление истеблишмента Германии укрепить свои позиции в Североатлантическом альянсе подтверждает наращивание военных расходов в абсолютном и удельном отношениях (табл. 3 и 4).

Вновь следует подчеркнуть, что рост приведённых выше показателей и, соответственно, потенциала бундесвера был обусловлен не только и не столько жёсткой критикой со стороны администрации Д. Трампа, сколько потребностью Германии в усилении своей военной машины. Иллюстративен тот факт, что Берлин не поддаётся диктату администрации Д. Трампа, требовавшей ускорить рост расходов на военные нужды (см. табл. 4): к началу 2020-х годов Германия ещё была далека от отметки военных расходов в 2% ВВП. Динамика изменения этого показателя (в % к предшествующему году) была у ФРГ лишь незначительно выше, чем у США. Нарастивая военные ассигнования, германская сторона модернизировала парк ВиВТ в основном за счёт продукции своих фирм, а не

импорта из США, как того требовала администрация Д. Трампа²⁷.

Как уже отмечалось, Берлин придерживался особого подхода и в вопросах военного участия в противодействии России и выстраивания «периметра сдерживания» КНР. В первом случае Германия строго лимитировала вклад в комплектование сил передового развёртывания, отказываясь от их постоянного состава в пользу ротационного, а также при проведении учений непосредственно у российских границ, прежде всего в 2014–2015 годах, когда был особенно велик риск неконтролируемой эскалации. В случае КНР ФРГ до 2021 г. отказывалась от прямого участия в реализации планов США. При этом в конце 2010-х годов Германия стала наращивать экспорт вооружений в те страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые занимают настороженную позицию в отношении КНР — в Австралию, Новую Зеландию, Японию, Южную Корею, Сингапур²⁸. Обращает на себя внимание демонстрация обеспечения официального Берлина развитаем вооружённых сил России и Китая²⁹.

Если в ЕС и НАТО Германия действовала активно, то к участию в Совете Безопасности ООН Берлин не выказывал заметного интереса. В период канцлерства А. Меркель Германия ни разу официально не ставила вопрос о предоставлении постоянного места в Совете Безопасности ООН. Это обусловлено обострением противоречий с влиятельными международными игроками как внутри евроатлантического сообщества, так и за его пределами, включая Россию. В сложившихся реалиях удов-

летворение интересов ФРГ при реформировании Совета Безопасности возможно лишь в отдалённой перспективе, что отражает сложности дальнейшего утверждения Германии в роли глобального игрока в военно-политической области.

Таким образом, к началу 2020-х годов ФРГ удалось добиться существенного увеличения влияния в евроатлантических институтах (ЕС и НАТО). Однако возможности достижения этого результата не просматриваются в случае структур в сфере международной безопасности с глобальным представительством стран-участниц и охватом деятельности.

5

Выход на позиции глобального игрока невозможен без усиления военного потенциала. С 2017 г. Министерство обороны ФРГ декларирует планы существенного наращивания основных показателей вооружённых сил одновременно с их глубокой технико-технологической модернизацией³⁰. Чем они обусловлены? Главной причиной немецкая сторона называет возникновение новых мощных вызовов вдоль периметра зоны ответственности НАТО, в первую очередь относя к ним действия России³¹.

Вместе с тем действительно значимой была иная причина: к середине 2010-х годов бундесвер вплотную подошёл к «дну» по количественным параметрам своей мощи. Дальнейшее сокращение означало бы критическую и практически невозможную потерю боеспособности, угрожающую утратой достигнутых военно-политических позиций на мировой арене, не говоря уже

²⁷ См.: 7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1. Berlin, 2018. 176 S.; 12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1. Berlin, 2020. 111 S.

²⁸ См., например: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 73–101.

²⁹ Verteidigungsministerium durch Russland und China. 07.03.2021. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article227770275/Verteidigungsministerium-warnt-vor-Bedrohungen-durch-Russland-und-China.html> (дата обращения: 15.03.2021).

³⁰ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 01.01.2021).

³¹ Ibid.

об их наращивании. Четверть века после окончания «холодной войны» прошли для бундесвера под знаком последовательных, по сути непрерывных сокращений.

Если в 1989 г. в сухопутных войсках насчитывалось 12 дивизий в составе 36 бригад (не считая сил территориальной обороны), то во второй половине 2010-х годов — лишь 3 дивизии и 7,5 бригады³². С военной точки зрения до середины 2000-х годов сокращения были резонны, но затем они превратились в процесс ради самого процесса. Находившиеся у власти центристские партии (блок ХДС/ХСС и СДПГ) в уменьшении доли военных расходов от ВВП и численности войск (с переводом их на полностью профессиональную — контрактную основу) видели средство обеспечения электоральной поддержки. Однако с внешнеполитической точки зрения эта линия закладывала «бомбу замедленного действия» под планы по наращиванию военнополитических позиций в мире, которые преследовал Берлин.

Для разрешения данного противоречия были проведены структурные преобразования бундесвера: созданы силы кризисного реагирования (СКР) — «лёгкие» войска, оснащённые широким спектром транспортных средств, включая воздушные и морские, и индивидуальными комплектами спутниковой связи и навигации. СКР предназначались для использования вне зоны ответственности НАТО, прежде всего в зонах локальных вооружённых конфликтов, выступая ключевым инструментом обеспечения военного присутствия ФРГ на глобальном уровне. Создание СКР проводилось за счёт сокращения Сил общего назначения (СОН) — «тяжёлых» войск, предназначенных для решения задач по обеспечению территориальной обороны ФРГ и её партнёров по НАТО. Реальные темпы развития СКР серьёзно отставали

от растущих потребностей бундесвера, об условленных резким расширением спектра задач и увеличением числа континентов в составе многонациональных зарубежных миссий. Нехватка восполнялась посредством привлечения к решению задач, должных решаться лишь СКР, частей СОН.

К середине 2010-х годов ФРГ достигла определённых успехов в создании основы двусоставных (СКР и СОН) вооружённых сил. В то же время продолжавшиеся сокращения бундесвера становились серьёзным препятствием на пути дальнейших структурных реформ. Показательно, что дискуссия о приближении бундесвера к критически низкому уровню боеспособности бундесвера, развернувшаяся в середине 2010-х годов, была инициирована одновременно правой оппозицией и правительством — прежде всего блоком ХДС/ХСС.

В долгосрочных (до середины 2030-х годов) планах по развитию бундесвера Министерство обороны ФРГ выделило три основных этапа. На первых двух этапах (со сроками окончания к 2024 и к 2028 годам) ключевое внимание предполагается обратить на развитие сил общего назначения. К концу 2023 г. бундесвер должен быть в состоянии комплектовать не только основу (штаб, танковые, мотопехотные части и артиллерию), но и все компоненты (то есть также военновоздушную, морскую, сил специальных операций) бригады сверхповышенной боевой готовности сил быстрого реагирования НАТО. В дальнейшем вооружённые силы ФРГ смогут выполнять роль «рамочной нации» в составе любой группировки НАТО в Европе — как в составе СПР, так и особенно СБР. Для этого запланировано удвоение численности СОН в составе сухопутных войск: в дополнение к двум дивизиям (6,5 бригады) будут созданы ещё две дивизии по 3 бригады в каждой³³. При использовании своих войск под эгидой НАТО Берлин

³² См.: Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. S. 195.; Organization der Bundeswehr. 2020. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation> (дата обращения: 01.01.2021).

³³ Bundeswehr-Pläne...

отдаёт предпочтение именно силам быстрого реагирования (второму стратегическому эшелону многонациональных войск НАТО, размещён в глубине зоны их ответственности) перед силами передового развертывания (первый стратегический эшелон). Сводя в восприятии незападных держав к минимуму использование бундесвера в наиболее чувствительных (боевых, а также в целом провокационных) формах, руководство ФРГ демонстрирует приверженность принципу стратегической сдержанности.

Между тем де-факто Германия укрепляет свои позиции в НАТО, поскольку в его планировании именно СБР отводится ключевая роль. К примеру, в ходе крупнейших учений (*Anakonda 16*, *Trident Juncture 18*) силы быстрого реагирования играли роль основной группировки, предназначенной для нанесения предельно внезапного и мощного удара из глубины. Обратим внимание, что районом сбора значительной части войск сил быстрого реагирования была назначена территория ФРГ; она же определена основным местом проведения учений *Defender Europe 21* (перенесены с 2020 на 2021 г. из-за пандемии). В ходе этих учений должна быть отработана переброска личного состава из США в Европу для доукомплектования размещённых здесь кадрированных (по сути, имеющих лишь штабы, склады ВиВТ и подразделения их охраны) частей. Тем самым Пентагон, опираясь на поддержку ФРГ, реактивировал схему действий в кризисной обстановке, разработанную в период «холодной войны».

Наращивание сил кризисного реагирования в бундесвере запланировано по мере укрепления СОН: количество наземных дивизий в составе сил кризисного реагирования бундесвера должно удвоиться (с одной до двух), а бригад – вырасти в 2–4 раза (пока одна)³⁴. К началу 2020-х годов правительство ФРГ успело сделать лишь первые шаги по пути реализации данных планов.

В частности, в 2017–2020 годах численность личного состава бундесвера выросла со 179,8 до 186,9 тыс. военнослужащих, или всего на 4%³⁵. На этом фоне острейшей проблемой с середины 2010-х годов становится резкое сокращение масштаба присутствия бундесвера вне традиционной зоны ответственности НАТО. Нехватка войск, которые могут быть здесь использованы, означает существенное сужение возможностей ФРГ по сохранению (не говоря уже об упрочении) своего стратегического присутствия на международной арене.

Если в начале 2010-х годов здесь применялось до 9 тыс. военнослужащих, в 2014 году – 7, то во второй половине – лишь 3,5 [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath, 2018: 9–11], а к 2021 году – до 2,5 тыс.³⁶. Последний минимум носит временный характер, он обусловлен частичным выводом личного состава из-за пандемии. Ключевая причина отмеченного сокращения заключается в переводе наиболее боеспособных частей СОН в состав развертываемых группировок НАТО в Европе – без этой поддержки силы кризисного реагирования не в состоянии решать стоящие перед ними задачи. Тем самым возможности Берлина по борьбе с реальными вызовами нестабильности (а не гипотетической российской угрозой) резко сократились.

6

Значимо сужение спектра географических направлений, сопровождаемое частичным перенесением центра приложения усилий бундесвера с Ближнего и особенно Среднего Востока на Западную Африку. При развертывании заграничных миссий бундесвера ФРГ действовала в соответствии с концепцией стратегической сдержанности, отказываясь от боевого применения войск за пределами европейского континента. Из этого не следует, что такая возможность исключена в принципе. Бун-

³⁴ Bundeswehr-Pläne...

³⁵ Defence expenditure of NATO countries (2013–2020). NATO Public Diplomacy Division, 2020. Communiqué PR/CP (2020) 104. P. 12.

³⁶ Die aktuellen Einsätze der Bundeswehr. 06.01.2020. URL: <https://de.statista.com/infografik/14715/soldaten-der-deutschen-bundeswehr-nach-mission-im-ausland/> (дата обращения: 01.01.2021).

десвер воевал уже дважды (в 1995 и 1999 годах) на Балканах, когда ВВС Германии участвовали в операциях под эгидой НАТО. Прецеденты точечного (численностью до 2–3 взводов) применения германского спецназа зафиксированы в районе Алеппо (Сирия, июнь 2016 года, для поддержки сирийской оппозиции) и Мосуле (Ирак, ноябрь – декабрь 2016 года, поддержка сил Багдада)³⁷, хотя эти факты Министерство обороны ФРГ официально отрицает.

Формула отказа от боевого использования бундесвера не была изменена и при присоединении Германии к деятельности западной антитеррористической коалиции (декабрь 2015), хотя ИГ представляло тогда реальную угрозу для ФРГ и других стран ЕС. Этот пример показывает, что приверженность концепции стратегической сдержанности препятствует эффективному подключению Германии к противодействию международному радикализму. Выгодным тактическим ходом, направленным на преодоление проблемы, стало применение бундесвера по «разгрузке» войск государств-партнёров, непосредственно ведущих боевые действия.

В канцлерство А. Меркель бундесвер был задействован в пяти масштабных (от тысячи военнослужащих) операциях. В трёх из них – в Аденском заливе, в Ливане, а также Сирии и Ираке – в течение 5–7 лет от момента запуска миссий численность военнослужащих заметно сокращалась. В миссии ATALANTA эта динамика была следствием неудачных попыток ФРГ подключиться к решению «сомалийского вопроса». Симптоматично, что в 2018 г. Берлин свернул своё и без того ограниченное участие в военно-тренировочной миссии EUTM Somalia, хотя сама миссия продолжила работу. С существенными трудностями Германия столкнулась в попытках принять на себя роль одного из внешних гарантов безопасности в Ливане (негативное отношение к этой перспективе выказала Хизбалла), Ираке и особенно в Сирии, из-за неэффективных

действий Германии по борьбе с ИГ, в отличие от России и Ирана. Берлин всё ещё далёк от успешного решения задачи по выстраиванию на Ближнем Востоке системы безопасности со своим участием, которая минимизировала бы риск восстановления здесь позиций вооружённого исламизма.

Сохранение длительного (с момента начала участия бундесвера в миссии Международных сил содействия безопасности с 2002 года) и масштабного военного присутствия в Афганистане, с повторным (после 2002–2014) возобновлением роста усилий, свидетельствовало о значимости этой страны для внешней политики ФРГ. Это обстоятельство обусловлено не только и не столько важностью Афганистана для обеспечения национальной безопасности Германии – особенно принимая во внимание тот факт, что наиболее сильные международные террористические группировки в реалиях середины – второй половины 2010-х годов находились не в Центральной Азии, а на Ближнем Востоке. Афганистан важен ФРГ своей геополитической ценностью, позволяя демонстрировать действительно глобальный характер военного присутствия Германии на мировой арене, в том числе в относительной близости не только от России, но также КНР и Индии.

Стратегическая сделка, заключённая 29 февраля 2020 г. администрацией Д. Трампа с Талибаном, создала предпосылки для демонтажа военно-политического присутствия ФРГ в Афганистане. Германский истеблишмент, что иллюстрируют данные табл. 5, противился данному решению [Glatz, Kaim 2020], надеясь на полный или частичный срыв договорённостей даже в условиях готовности уже новой администрации Дж. Байдена выполнить договорённости с Талибаном.

В Мали, где наблюдалось наращивание усилий ФРГ по обеспечению мира и безопасности, ситуация выглядит в целом более позитивно. Здесь ключевой партнёр Германии – не США, а Франция, несущая

³⁷ Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, 2016. S. 53–86.

Таблица 5
Основные миссии бундесвера вне зоны ответственности НАТО

Миссия, территория/ акватория, эгида	Год запуска	Период роста/пика военных усилий	Предельный «потолок» численности военных (число воен- нослужащих)	Действую- щий «потолок» (число воен- нослужащих)	Численность де-факто, 20.08.2018 (число воен- нослужащих)	Численность де-факто, 31.08.2020 (число воен- нослужащих)
Средний и Ближний Восток						
Resolute Support, Афганистан, НАТО	2015 (после ISAF)	С 2016 г.	1300	1300	1095	1026
Борьба с ИГ, Сирия/Ирак, II западная коалиция	2015	2015–2017	1200	500	384	188
UNIFIL, Ливан, ООН	2006	2006/07	1400	300	124	118
Средиземное море						
Sea Guardian, ЕС	2016	С 2016 г.	650	650	227	359
IRINI, ЕС	2020	С 2020 г.	300	300	–	241
Западная Африка и Африканский Рог						
MINUSMA, Мали, ООН	2013	С 2016 г.	1100	1 100	828	863
EUTM Mali, Мали, ЕС	2013	С 2013 г.	450	450	162	71
ATALANTA, Аденский залив, ЕС	2008	2008–2013	1400	400	78	73

Источник: составлено автором по данным бундесвера. <https://www.bundeswehr.de> и Федеральной статистической службы ФРГ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения: 01.01.2021).

основной груз ведения боевых действий. В 2017–2018 годах Германия, действуя в логике «эффекта переплёскивания»³⁸, стала претендовать на роль гаранта-мироворца для стран «сахельской пятёрки», особое внимание уделяя сотрудничеству с Нигером и Буркина-Фасо³⁹. Это происходит на фоне заметного со второй половины 2020-х годов углубления отношений Германии с Тунисом, Алжиром, а также Египтом при президенте А.-Ф. Ас-Сиси (в том числе в связи с запуском механизма ЕС – ЛАГ в 2019 году).

Вместе с тем ситуация в Мали остаётся взрывоопасной: это показала неконституционная смена власти, организованная

военными 18–19 августа 2020 года (во многом по аналогии с ситуацией 2012 года, до начала активных действий Франции и Германии), выразившими недовольство тем, как Бамако борется, в том числе с внешней помощью, с угрозами нестабильности на своей территории. Это указывает, что конфликт в Мали пока не урегулирован. Соответственно, сохранение нарабатанных военно-политических позиций в Западной и Северной Африке (включая запуск Германией Берлинского формата для урегулирования ситуации в Ливии⁴⁰ и последующее активное участие в операции ЕС IRINI) потребует наращивания усилий.

³⁸ «Эффект переплёскивания» в данном случае означает необходимость приложения усилий по обеспечению мира в районах, сопредельных с основной зоной урегулирования вооружённого конфликта. В данном случае речь идёт о необходимости подкрепления усилий в самой Мали растущей военно-политической активностью в странах «сахельской пятёрки» в целом.

³⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19004, 06.05.2020. S. 6–12.

⁴⁰ Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. 19.01.2020. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (дата обращения: 01.01.2021).

7

Приведённые выше примеры демонстрируют заинтересованность руководства ФРГ, как минимум, в восстановлении военного присутствия на мировой арене на уровне первой половины 2010-х годов. Вновь следует подчеркнуть, что усиление сил кризисного реагирования стоит в планах реформирования бундесвера. СКР ещё с 2000-х годов насыщаются разведывательной автоматизированной (роботизированной) техникой, и это приносит свои плоды. К примеру, наличие группировки беспилотных летательных аппаратов (свыше 40 тактических беспилотников) позволило ФРГ с 2016 г. играть роль «рамочной нации» в вопросах разведки по миссии МИНУСМА.

При анализе планов по развитию бундесвера возникает логичный вопрос: как данные планы сочетаются с бессрочными добровольными ограничениями, которые приняла на себя ФРГ по Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года⁴¹. Юридически этот документ остаётся «краеугольным камнем» политики объединённой Германии в сфере безопасности и обороны.

Во-первых, в договоре установлен потолок численности военнослужащих бундесвера — 370 тыс. человек, в том числе в сухопутных войсках и ВВС 345 тыс.⁴² Предполагается, что в бундесвере будет 203 тыс. военнослужащих⁴³. При таких темпах роста к середине 2030-х годов численность военнослужащих вряд ли превысит 230–240 тыс. солдат и офицеров. Соответственно, сценарий приближения к 370 тыс. маловероятен. Процесс восстановительного роста вооружённых сил стран Запада в целом, стартовавший в середине 2010-х годов,

предполагает достижение существенно меньших абсолютных показателей (в первую очередь по численности личного состава, единиц ВиВТ), чем в «холодную войну». Это обусловлено отличительными чертами новой конфронтации, в первую очередь — сравнительно меньшим географическим охватом. Кроме того, значительную часть прироста мощи вооружённых сил должно обеспечить массовое внедрение роботизированной техники [Vogel 2020]. Следует отметить и сложности с набором добровольцев после отмены призыва в бундесвер с 2011 года. В результате в 2018 г. было принято прецедентное решение о допуске к военной службе проживающих в ФРГ выходцев из пока только трёх стран — участниц ЕС: Польши, Румынии и Италии.

Во-вторых, договор от 12 сентября 1990 г. закреплял добровольный отказ Германии от производства, владения и распоряжения всеми основными видами ОМУ/ОМП (ядерным, биологическим и химическим). В то же время на территории ФРГ со времён «холодной войны» остались склады ядерных боеприпасов США (водородные бомбы В-61) на военной базе Бюхель (федеральная земля Рейнланд-Пфальц) — положение, которое резко критикуют Левая партия и Зелёные. Упомянутые единицы ОМУ находятся под суверенитетом Соединённых Штатов, однако в случае необходимости могут быть переданы бундесверу; самолёты 33-й эскадры люфтваффе оснащены оборудованием для транспортировки и применения ядерного оружия. Показателен факт проведения в октябре 2020 г. неафишируемых Берлином учений по отработке принятия на борт и перевозке в боевой обстановке бомб В-61⁴⁴.

⁴¹ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 34–37.

⁴² Там же.

⁴³ Truppen-Aufstockung auf 203.000 Mann: Bundeswehr auf der Suche nach neuen Soldaten 29.11.2018. URL: <https://www.shz.de/deutschland-welt/politik/Aufstockung-Bundeswehr-auf-der-Suche-nach-neuen-Soldaten-id21813272.html> (дата обращения: 01.01.2021).

⁴⁴ Подготовка к «ядерной войне»: в ФРГ провели «тайные учения». 15.10.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/10/15/13320019.shtml> (дата обращения: 01.01.2021).

В-третьих, аналогичная ситуация сложилась с боевыми дронами (беспилотниками). Безусловно, негативный эффект от их применения несопоставимо ниже, чем в случае ОМУ. Вместе с тем, как справедливо указывают широкие круги германской общественности и депутатского корпуса (фракции Союза 90/Зелёные и Левой партии), принятие на вооружение боевых (оснащённых летальным оружием) дронов бундесвера нарушает формулу «мира и только мира, исходящего с немецкой земли», которая была зафиксирована в договоре 12 сентября 1990 года⁴⁵. Руководство ХДС/ХСС изыскивает юридические «лазейки», позволяющие формально не нарушать этого принципа, оснащая бундесвер боевой робототехникой. Между тем замалчивается важнейшее обстоятельство: крупная группировка боевых дронов размещена на базе ВВС США Рамштайн, и в случае необходимости ФРГ может быть предоставлен доступ к ним [Becker 2020: 4–8].

Таким образом, складывается интересная ситуация. В ряде узких мест наращивания военной мощи (доступ к ядерным боезарядам и боевым дронам) ФРГ может добиться положительного результата лишь в тесной кооперации с США — но такая помощь может быть оказана только при условии высокого уровня взаимного доверия, что невозможно без демонстрации официальным Берлином трансатлантической солидарности.

* * *

В конце 2010-х годов усложнение международной обстановки на всех уровнях — от глобального до внутреннего — заметно активизировало усилия ФРГ по укреплению позиций в военно-политической области. Постулируя приверженность принципам мультилатерализма, на практике Берлин наращивает вклад в разработку, принятие и реализацию многосторонних решений, в первую очередь с участием парт-

нёров по евроатлантическому сообществу. В политической сфере эти цели достигаются запуском двусторонних форматов взаимодействия, участием в переговорных площадках, где НАТО и ЕС представляют Германия и Франция. ФРГ с готовностью исполняет роль старшего партнёра в диалоге с малыми и средними государствами-членами Североатлантического альянса и Европейского Союза, в стремлении увеличить собственный вес в евроатлантическом регионе активно используя политическую конъюнктуру — например, в период президентства Д. Трампа.

Внешнеполитическую активность дополняет планомерное наращивание военной мощи, обеспечивающее расширение возможностей ФРГ при формировании многонациональных группировок внутри и вне зоны ответственности НАТО. Де-юре качественный и количественный рост потенциала бундесвера ограничен положениями договора от 12 сентября 1990 года. Де-факто Берлин вплотную приблизился к их частичному пересмотру в вопросах доступа к ОМУ и оснащения дронами. Появляются первые симптомы возможного отхода от концепции стратегической сдержанности как в традиционной зоне ответственности НАТО, так и вне её (в частности, в Западной Африке и Афганистане).

В конце 2010-х годов Берлин достиг заметного прогресса в углублении сотрудничества с широким кругом европейских партнёров по ЕС и НАТО. Шаги, предпринимаемые федеральным правительством для роста ресурсной базы (в том числе военного потенциала), создают потенциал для дальнейшего продвижения к статусу мировой державы.

В то же время резко возросли и препятствия на этом пути. Ключевым из них следует признать неготовность Берлина к выстраиванию кооперативных моделей безопасности с державами вне евроатлантического сообщества, что наглядно иллюстрирует современное состояние российско-

⁴⁵ Debatte um Kampfdrohnen für die Bundeswehr. 16.12.2020. URL: <https://www.dw.com/de/debatte-um-kampfdrohnen-für-die-bundeswehr/a-55963588> (дата обращения: 01.01.2021).

германских отношений. Кроме того, попытки дальнейшего укрепления позиций Германии встречают растущее (в том числе латентное) сопротивление со стороны других западных держав – в первую очередь США и Великобритании. Наконец, ФРГ

пока не удалось на практике выстроить схему эффективного участия в противодействии вооружённому исламизму, что иллюстрирует изменение ключевых точек приложения усилий в данной сфере во второй половине 2010-х годов.

Список литературы

- Максимычев И.Ф.* Конец меркелевской Европы? О предстоящем завершении одной политической карьеры // Перспективы. 2018. № 4. С. 66–83.
- Павлов Н.В.* Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 22–35.
- Пименова Е.В.* Эпоха, которая уходит. Какую Германию оставляет Ангела Меркель // Свободная мысль. 2019. № 2. С. 95–106.
- Синдеев А.А.* Германия и будущая модель европейского государства // Вестник Забайкальского университета. 2020. № 2. С. 82–89.
- Becker P.* Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekten. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020. Berlin, 2020. 31 S.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J.* Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 p.
- Glatz R.L., Kaim M.* Mandat verlängern – Abzug vorbereiten // SWP-Aktuell. 2020. März. № 18. 4 S.
- Glatz R.L., Zapfe M.* Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2018. August. № 62. 8 S.
- Knapp M.* Schwerpunkte der deutschen Außenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 734–745.
- Lang K.-O.* Polens unersetzbarer Partner // SWP-Aktuell. 2019. Juli. № 37. 8 S.
- Major C.* Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2019. 42 S.
- Major C., von Voss A.* Nordic-Baltic Security, Germany and NATO // SWP Comments. 2016. March. № 13. 8 S.
- Meier O.* Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags // SWP-Aktuell. 2019. April. № 20. 16 S.
- Von Ondazra N.* Boris Johnson auf Kurs No-Deal Brexit // SWP-Aktuell. 2019. September. № 47. 8 S.
- Vogel D.* Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 79. 4 p.
- Yegin M.* Turkey between NATO and Russia: The Failed Balance // SWP Comments. 2019. June. № 30. 8 p.

GERMAN STRATEGY AND TACTICS IN MILITARY- POLITICAL SPHERE BY 2020s FEATURES, BOTTLENECKS AND RESULTS

PHILIPP TRUNOV

INION RAS, Moscow 117997, Russia

Abstract

The article evaluates Germany's position in military-political field achieved by the end of Angela Merkel's era. The key dilemma for German establishment is to find a combination of the growing desire to strengthen positions in the world arena and restrictions as a result of historical responsibility for the

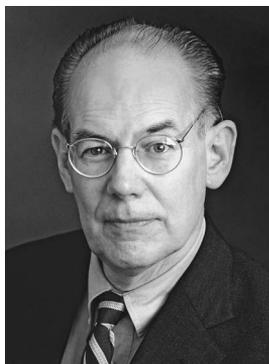
outbreak of World War II. It determines FRG's commitment to the principles of multilateralism and also strategic restraint (in the questions of combat and generally provocative usage of military tools). The paper issues the evolution of these elements of German foreign policy at the end of 2010-s. During the final period of Merkel's era German establishment has faced the growing number of challenges for FRG's leadership at the global, regional (Euro-Atlantic community) and internal levels. The article stresses the danger of further growth of «Alternative for Germany» positions for the retention of power by the elite. This danger stimulates the sharp intensification of FRG's political and military activity by the beginning of the 2020s. Trumpism and Brexit determines the growing importance of deepening contacts with France, small and medium states in military-political sphere for Germany. The scientific paper explores the dynamics and the results of this process at the interstate (on the examples of focus partners) and regional levels. The author also issues German steps directed to the strengthening of positions in the key international structures in the security sphere. The paper explores plans of the build-up of the Bundeswehr for the long-term perspective, the features and «narrow places» of the Bundeswehr modern usage inside and outside the NATO zone of responsibility. The author pays special attention to the correlation between the staring growing of military potential and the restrictions in the Treaty of the Final Settlement with Respect to Germany (1990). The paper concludes about key results and difficulties of the growing of German military-political positions in the world by the beginning of 2020s.

Keywords:

multilateralism; historical responsibility; strategic restraint; Bundeswehr; interstate relations; negotiation format.

References

- Becker P. (2020). *Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekte. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020*. Berlin. 31 S.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018). *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik. 52 S.
- Glatz R.L., Kaim M. (2020). Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell*. März. 18. 4 S.
- Glatz R.L., Zapfe M. (2018). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. August. 62. 8 S.
- Knapp M. (2007). Schwerpunkte der deutschen Aussenpolitik im Verhältnis zu den Vereinten Nationen seit 1990 // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. S. 734–745.
- Lang K.-O. (2019). Polens unersetzbarer Partner // *SWP-Aktuell*. Juli. № 37. 8 S.
- Major C. (2019). *Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2019. 42 S.
- Major C., von Voss A. (2016). Nordic-Baltic Security, Germany and NATO. *SWP Comments*. March. 13. 8 S.
- Maksimychiev I.F. (2018). Konets merkelevskoi Evropy? O predstoyashchem zavershenii odnoi politicheskoi kar'ery [The end of Merkel's Europe? On the upcoming end of a political career]. *Perspektivi*. 6. P. 66–83.
- Meier O. (2019). Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags. *SWP-Aktuell*. April. № 20. 16 S.
- Von Ondazra N. (2019). Boris Johnson auf Kurs No-Deal Brexit // *SWP-Aktuell*. September. № 47. 8 S.
- Pavlov N.V. (2019). Germaniya posle Merkel' (zhdat' li izmenenii vo vneshnei politike FRG?) [Germany after Merkel (whether to wait for changes in the foreign policy of Germany?)]. *Polis*. 6. P. 22–35.
- Pimenova E.V. (2019). Epocha, kotorya uchodit. Kaky'u Germaniyu ostavyaet Angela Merkel [Epoch which goes. What Germany leaves Angela Merkel]. *Svobodnaya mysl'*. 2. P. 95–106.
- Sindeev A.A. (2020). Germaniya i budushaya model evropeiskogo gosudarstva [Germany and the future model of the European state]. *Vestnik Zabaikal'skogo universiteta*. 2. P. 82–89.
- Vogel D. (2020). Bundeswehr und Weltraum. *SWP-Aktuell*. Oktober. 79. 4 S.
- Yegin M. (2019). Turkey between NATO and Russia: The Failed Balance. *SWP Comments*. June. 30. 8 p.

JOHN J. MEARSHEIMER

“YOU CAN ONLY HAVE SO MANY DEDICATED THEORISTS IN ANY PARTICULAR FIELD...”

John J. Mearsheimer is one of the towering figures in the International Relations scholarship. His magisterial book “Tragedy of Great Power Politics” reshaped theoretical landscape of the discipline by introducing Offensive Realism. Starting from the 1990s John J. Mearsheimer emerged as the most vocal and consistent champion of the Realist tradition in IR. He even received the unofficial title Mr Realism.

But even before that, in the 1980s, he had made an important contribution to the International Security Studies with his original research on conventional deterrence. He also published a biographical work on Basil Henry Liddell Hart, a major British military historian and theoretician of the early 20th century, as well as a book on the role of lies in international and domestic politics.

Throughout the last several decades John J. Mearsheimer has been actively involved in debates on the U.S. foreign policy in which he has not shied away from expressing views running against conventional wisdom. For example, in 1990 he was a strong supporter of the Operation “Desert Storm”, but in the 2000s he became a major critic of the American intervention in Iraq. During the 1980s, he emphasized that NATO deterrence of the Soviet Union was credible, but

after the end of the Cold War opposed the Alliance enlargement.

Publications by John J. Mearsheimer more than once caused heated debates. In this regard, the book on the role of the Israel lobby in the U.S. foreign policy that he co-authored with Stephen Walt produced resonated widely with American intellectual circles. In 2014, Foreign Affairs published another famous article by Professor Mearsheimer, which shifted most of the blame for the Ukrainian crisis onto the Western states.

John J. Mearsheimer graduated from United States Military Academy at West Point. He earned his doctorate at Cornell University. Starting from 1982 he has been teaching at the University of Chicago, where he holds the position R. Wendell Harrison Distinguished Service Professor. The latest book by Professor Mearsheimer called “The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities” came out in 2018.

*In 2019, Igor Istomin, chief editor of the *Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)* discussed with John J. Mearsheimer his research career, developments in IR theory and possible evolution pathways of great power politics. The interview was first published in Russian in the 2nd Issue of the journal in 2019. For the benefit of a broader audience, we republish it in English in full¹.*

¹ The journal expresses gratitude to Boris Nekrasov for his assistance in preparing interview for publication. The article includes a photograph of John J. Mearsheimer from his personal website (<https://www.mearsheimer.com/photos/>).

I.I.: *May I ask you, first and foremost, about how you decided to pursue an academic career?*

J.M.: Well, one would have never thought, if you knew me when I was young, that I would end up being a professor at the University of Chicago. I was not seriously interested in academics or international relations (IR) for most of my high school and college life. And in fact, I was mainly interested in sports. But when I was a junior in college – I was at West Point at the time – I took a mandatory course dealing with IR and I just loved it and loved the idea that there are IR theories that try to explain how the world works. And I decided right then and there that I was going to take more courses dealing with IR and related subjects in my senior year at West Point – which I did. I also decided that year that I was going to get a PhD in Political Science and focus on IR.

My first job after I graduated from West Point was in the Air Force and I was stationed in Los Angeles. I started going part time and then full time to the University of Southern California, where I got a master's degree in IR in 1974. And then in 1975 I left the Air Force and went to Cornell to get a PhD in Political Science. Once I was in that PhD program I discovered that I was actually quite good at coming up with theories and making arguments about how the world works; and of course, I loved what I was doing. It is very important to have great enthusiasm about the scholarly enterprise if you want to become a big time academic, which eventually became my goal. In short, I was really enthusiastic about the idea of becoming a scholar and I was good at theory, and those two factors together, I think, played a key role in helping me to become the person that I am today.

I.I.: *You already said that you had been in the military – as far as I understand you were first in the Army and then in the Air Force. And it was during the Vietnam War, when American society was badly divided. How did this historical period affect your scholarly perspective? Did it lead to your decision to go into IR?*

J.M.: I think that the Vietnam War affected my scholarly perspective in profound ways. It was not responsible for me becoming an IR

scholar. But it definitely influenced how I think about the world. I was in the American military from 1965 to 1975. I was an enlisted man in the army from 1965 to 1966 and then I went to the West Point from 1966 to 1970. After graduating, I was in the Air Force from 1970 to 1975. My time in the military was coterminous with the Vietnam War. The first American combat units landed at the Da Nang on March 8, 1965. I went into the American Army as an enlisted man on June 22, 1965. Saigon fell in the spring of 1975 and I left the Air Force shortly thereafter in the summer of 1975. So, my experience in the military and my life as a young man, or even as an older boy, was profoundly influenced by the Vietnam war, which, as you correctly point out tore the United States apart. The late 1960 and early 1970s were an incredibly contentious time in the United States. What I learned during those years that has had a marked influence on my thinking about IR, is that great powers like the United States and the Soviet Union should stay out of wars in places that we used to refer to as the Third World or the developing world.

I learned from the Vietnam War that you do not want to invade and end up occupying countries like Afghanistan or Iraq, which is why I was deeply opposed in 2002–2003 to the US invasion of Iraq. I thought it would end up looking much like our experience in Vietnam. And by the way I thought the same thing regarding Afghanistan. I understand that in the wake of 9/11 it was almost impossible for the United States not to invade Afghanistan. Nevertheless, I thought that once we had toppled the Taliban, we should have gotten out as quickly as possible. Otherwise, we would end up in the same situation that the Soviets ended up in when they went into Afghanistan in 1979. I might add that when the Soviets invaded Afghanistan, most people in the American national security community were shocked and thought that this was evidence that the Soviets were on the march and that they were going to shift the balance of power in their favor and against the United States. And at first it looked like the Soviets were going to win a quick and decisive victory in Afghanistan. My view at that time, however, was that the Soviets had made a

huge mistake and actually they had jumped into a giant quagmire, just like we had done in Vietnam. Of course, that proved to be the case and the Soviet military suffered a humiliating defeat in Afghanistan, just like the British had in the 19th century, and the Americans eventually will in Afghanistan. The bottom line is that great powers like the United States should stay out of places like Afghanistan, Iraq, and Vietnam. And actually, if two great powers are engaged in security competition, each should hope the other invades one of those smaller countries. All of this is a long way of saying that the Vietnam War taught me that it is very important for great powers to avoid invading and occupying countries in what we used to call the developing world or the third world.

I.I.: *Much of Cold War security studies was dominated by concerns about nuclear weapons. However, your first book was devoted to "Conventional Deterrence". How did you come around to writing about this topic?*

J.M.: Let me make two points the first of which deals with the background for my decision. It is important to understand that by 1975 when I started graduate school at Cornell University, there was not much new to say about nuclear deterrence. From 1945, when the first nuclear weapon was exploded, up until roughly 1965, an enormous amount of intellectual capital was spent in the United States, as well as other countries, studying nuclear deterrence and nuclear strategy. By 1975, there was just not much new to say about nuclear issues. So, anyone who started graduate school in 1975 was unlikely to work on nuclear deterrence. At the same time, there was hardly any literature on conventional deterrence. Indeed, I believe that my dissertation on "Conventional Deterrence", which eventually became my book with the same name, represents the first time that any scholar, policy-analyst, or policy-maker used the term conventional deterrence in an article or a book. I think I was the person who first introduced that term to the security literature.

This brings me to my second point concerning how I ended up writing "Conventional Deterrence"? It was really a case of pure dumb

luck. I took a course called "Strategy" in my second semester at Cornell with Professor Richard Rosecrance. This was during the spring semester of 1976. And in the first class he said: "Here is a list of possible topics that you can write papers on". One of the topics he listed was conventional deterrence. Anyway, when the class was over, I had a meeting scheduled with Professor Rosecrance. I went to his office, and he said to me as soon as I walked in: "John, what are you going to write your paper on for this course?". I hadn't given it any thought. The first topic that popped into my mind for reasons I cannot explain was conventional deterrence. So, I said to him right there without thinking about it that I was going to write my paper for the course on conventional deterrence. I believe he gave me an A- grade for the paper and I think I got an A- for the course. Anyway, that summer (this was the summer of 1976, when the course was finished) I ran into Professor Rosecrance on the Cornell campus and he said to me: "What have you done with the paper you wrote for me on conventional deterrence?" I said that I haven't done anything with it. He replied, why not? I said: "Well, you gave me an A- on it, so obviously it was not that good a paper". He said: "On the contrary, it was a brilliant paper." He said: "I only gave you an A- because I didn't want you to get a big head!". I was actually shocked, but anyway once he said the paper was terrific I began to work hard on that subject and I then decided to make it my dissertation topic. It was actually a brilliant suggestion on Professor Rosecrance's part, because, as I said to you earlier, nobody had written anything on the subject; and as you know, Igor, it is very important to choose topics that people have not written much about or anything at all. In sum, I was just plain lucky to end up writing about conventional deterrence, a subject that had virtually no literature, and one where I could use my ability to create theories and make interesting arguments. It was really the ideal way to start one's career.

I.I.: *Your most famous work, "The Tragedy of Great Power Politics", develops the theory of offensive realism, which is a more general theory of*

IR than the theory in "Conventional Deterrence", which has a more limited focus. How did it come to pass?

J.M.: This is another very interesting question about the trajectory of my career. When I began graduate school, I was not very knowledgeable about what is sometimes called grand IR theory. This would include the standard liberal, realist and Marxist theories of the day. I paid them some attention in graduate school, but not a lot, mainly because I got deeply interested in conventional deterrence, which was a middle-range theory. It was not grand theory, although I was certainly dealing with an important theoretical issue. I focused on that middle range theory for almost all the time I was a graduate student at Cornell, which was from 1975 to 1980. And then from 1980 to 1982, when I was a post-doctoral fellow at Harvard's Center for International Affairs, which was then run by Sam Huntington, I focused on transforming my dissertation on "Conventional Deterrence" into a book. In the fall of 1982, I started teaching at the University of Chicago, which is a very theoretical place. It is an institution that places great emphasis on big theories. So, when I began teaching in the 1982–1983 academic year, one of the first courses I taught was a seminar on IR theory. And as hard as it might be to believe, that was the first time – in the winter quarter of 1983 – that I read Waltz's seminal book – "Theory of International Politics". That book came out in 1979, but here it is in 1983 when I am first reading it. Why? Because before 1983 I was mainly thinking about conventional deterrence. But now I am at the University of Chicago thinking about grand theory in a serious way for the first time. That was the beginning of a journey that led to "The Tragedy of Great Power Politics".

I.I.: *When and why did you start to question Waltz's version of structural realism?*

J.M.: The truth is that when I first started teaching Waltz's "Theory" book, I found it hard to figure out exactly what his argument was. That was true for probably the first three times I taught the book. So, in the beginning, I was just trying to understand his theory, not

criticize it. At the time, many scholars thought that Waltz's version of realism was very offensive in nature. But I began to understand slowly and steadily that his theory was actually quite defensive in nature. It did not say that the structure of the system encourages states to pursue aggressive policies abroad. Indeed, it said the opposite. But something even more important happened sometime in the mid-1980s. My good friend Jack Snyder, who was teaching at Columbia, was writing his book: "Myths of Empire". Jack asked me to read his theory chapter, which is pure, unadulterated defensive realism. It's a much clearer version of defensive realism than Waltz's. I read Jack's theory chapter carefully to give him comments and I was very dissatisfied with his argument, because I thought it did not capture the fact that great powers are essentially aggressive actors in a realist world. That led me to start thinking more and more about Waltz's theory and to recognize that he too was ultimately a defensive realist. I then decided that I would write a book on realism that laid out the case for what would later be called Offensive Realism. So, in a very important way, "Tragedy" was a response not simply to Ken Waltz but to Jack Snyder as well. The first piece I published that reflected my realist perspective was "Back to the Future", which I wrote in 1990 as the Cold War was ending and we were entering a new world. And then, of course, "The Tragedy of Great Power Politics" was later published in 2001. I might add that some of my key ideas about offensive realism were laid out in "The False Promise of International Institutions", which was published in the mid-1990s.

I.I.: *You actually began establishing your credentials as "Mr. Realism" just as the Cold War was ending, which was a hard time to make the case for realism and when other theoretical perspectives were gaining ground. How is it that you remained committed to realism? Why weren't you tempted to become an institutionalist or a constructivist, or follow some other theoretical approach than realism?*

J.M.: There is no question that from roughly 1989 up until I would say about 2017 it was hard to be a realist, especially in the United

States, or more generally in the West. Francis Fukuyama's liberal perspective, which was reflected in his famous article, "The End of History", dominated Western thinking after the Cold War. So, when I made the argument – starting in 2001 in "Tragedy" – that China could not rise peacefully, most people thought that my claim was not serious. Some people would laugh at me and say that I had become a dinosaur – that I didn't understand that the world has undergone a fundamental transformation. I disagreed, of course. I believe that we live in a realist world and that realism does an excellent job of explaining how international politics works. So, I maintained a strong realist perspective throughout the period from 1989 up to 2017 and I think that was the period when some people came to refer to me as "Mr. Realism". Others, I might add, liked to refer to me as "the Prince of Darkness" because of my realist views.

If I could make one additional point that relates to your question, but I am sure we will talk about it later. As the post-Cold War period wore on and we moved into the early 2000s, I began to realize that realism does not do a good job of explaining the behavior of the single great power in unipolarity, which is how the world was structured at the time. As almost everyone agrees, the period from 1989 to 2016 was the unipolar moment, and the one great power was the United States. In that setting, it was impossible to talk about great power politics because there was only one great power. You need bipolarity as we had during the Cold War or multi-polarity, as we now have, for great power politics to be relevant. After all, you need two or more great powers to interact with each other to have great power politics. So, what I came to understand by the early 2000s – that I did not understand in the early 1990s – is that realism did not tell us much about how the United States acted in the unipolar moment. Specifically, it did not act according to the dictates of realism, because it did not have to worry about the balance of power, as it was the only great power on the planet. So, I wrote "The Great Delusion" as a way of explaining American foreign policy in unipolarity. My argument in that book, as you well know, is that

the United States behaved according to the dictates of liberalism, not realism, during the unipolar moment. The United States took a holiday from realism – because it had no great power competitors. So, my argument is that realism does an excellent job of explaining US-Soviet behavior during the Cold War because it was bipolar world. There was great power politics and realism explains in large part how the superpowers interacted with each other. With regard to the world that we are now moving into, which is a multi-polar world with Russia, China and the US as the three great powers, we are again in a situation where realist logic provides a powerful explanation for how those three states will interact with each other. But with regard to the unipolar moment, I do not think that realism tells us a lot about how the United States acted during that period, because great power politics was off the table.

I.I.: *Let me ask you a related question. What about other states in unipolarity? The United States might not have been behaving in accordance with realism, but was that true of the other states in the system?*

J.M.: This is a great question. Of course, most of the other countries in the system were acting according to realist dictates, especially the two key major states, China and Russia. It was the United States, the sole great power in the system that was not behaving according to Realist dictates. But let's unpack this a bit by talking about US-Russia relations in the context of NATO expansion, EU expansion, and the "color revolutions," which were all aimed at Eastern Europe. I believe that what the United States and its European allies were doing with these three measures was pursuing a liberal policy – I call it liberal hegemony. They were spreading NATO eastward, they were spreading the EU eastward, and they were promoting the "color revolutions" – all for the purpose of turning Eastern Europe into a sea of liberal democracies that were hooked on capitalism and integrated into all the key institutions that the West had created during the Cold War. I do not believe that NATO expansion was aimed at containing Russia, which would reflect a realist policy. Some people now argue

that NATO expansion was all about containing Russia, but there is little evidence that was the case. So, what I'm saying is that the West was operating according to a liberal playbook.

The Russians, on the other hand, were acting according to realist principles. The Russians saw NATO expansion, EU expansion, and the "color revolutions" as a direct threat to Russian security – as they should have. In essence, the two sides were playing according to different playbooks, which is one of the principal reasons that a major crisis erupted over Ukraine in February 2014. The Russians were operating according to realist dictates, while the Americans and their European allies were operating according to liberal dictates. The end result was that the Americans and their European allies were completely surprised by the crisis that broke out on February 22, 2014. If they had paid attention to basic realpolitik, they would not have been surprised by Russia's reaction to NATO expansion.

I.I.: *I would like to follow up this discussion by asking you to say more about which countries in the system are motivated by the offensive realist logic. Your book is called "The Tragedy of Great Power Politics" – so it deals primarily with great powers. But to what extent does your version of realism apply to the polices of small and medium-sized states? After all, you just described China and Russia as major states and said that Russia acted according to the realist playbook during the unipolar moment. Furthermore, your co-author and fellow realist Stephen Walt has developed his own realist theory to explain the behavior of small and medium-sized states in the Middle East. So, what is the relevance of your theory for states that are not great powers?*

J.M.: I am embarrassed to say that I don't have a good answer to this question. This is a subject that I should think hard about and write about. There is no question that I focus mainly on great powers in my realist works. And I make it clear that the theory is principally about great power politics. At the same time, there is no question that there are many instances where major powers and minor powers – those are two categories that I distinguish from great powers – act according to realist

dictates. Some good examples during the unipolar moment would be China and Russia, which were major powers, and Iran and North Korea, which were minor powers. There is little doubt that realist logic almost always applies to major powers, but it does not always apply to minor powers. Now, the question is: when does it apply to minor powers? If we are talking about Belgium and Luxembourg, realism doesn't tell you much about their behavior, mainly because they are tiny countries surrounded by countries like France and Germany that are far more powerful. But if you look at an area like the Middle East, which is the region Steve Walt focuses on in his book, you see that realism applies there, even though no great powers are physically located there. The Middle East is mainly filled with minor powers acting according to realist logic. So, Steve nicely shows that a realist template is very useful for explaining the international politics of the Middle East. It would probably make sense if somewhere down the road I systematically explored how my realist theory applies to major and minor powers.

I.I.: *In many of your lectures and writings, you claim that theory is a crucial element – maybe the crucial element – of the academic enterprise. However, many scholars find it difficult to come up with new theories. What is needed to create a solid theory?*

J.M.: I have a number of points to make on this key issue. First, it is important to understand that some people are naturally good at coming up with theories, while others are not. It is like sports. Some people are good at soccer, but others are not. Some people are good at swimming, while others are not. Not all IR scholars are natural theorists. In effect, I would argue that only a handful of IR scholars who I have known over the years are really good at developing their own theories. Second, you can only have so many dedicated theorists in any particular field and this includes IR, simply because if everyone was primarily a theorist and committed to coming up with his or her own theory of international politics we would have so many theories that we wouldn't be able to keep track of all of them. In short, only a

finite number of people are good at theory and we only need a finite number of people who are seriously devoted to developing theory. Third, developing sound theories requires an enormous amount of work, even if you are really good at that enterprise. It is a long and difficult process and it invariably involves a lot of anguish and pain. It is much easier to test a hypothesis drawn from an existing theory. You find or construct a database and then you test your hypothesis with a few cases or some high-tech statistical methods. Or you can run an experiment. But these enterprises are not as difficult as coming up with a novel theory.

Let me illustrate my point with some words about how long it took me to develop Offensive Realism. As I said earlier, I first started thinking seriously about IR theory and Realism in particular during the winter of 1983. But it wasn't until 2001 that "Tragedy of Great Power Politics" was published. In other words, it took me about 18 years to come up with a full-blown version of Offensive Realism. It was a long and painful process. And what is paradoxical to me about this process is that the theory is actually quite simple, which is the main reason it has been paid much attention all around the world. One might think, therefore, that it was easy for me to quickly come up with my theory. But again, that was not the case.

Let me tell you another personal story that hopefully further illuminates my point. When I first started thinking about coming up with my own theory, I did not include uncertainty about other states' intentions among the theory's underlying assumptions. Of course, that assumption is of enormous importance for making my theory work. I remember having lunch with a graduate student sometime in the mid-1990s to talk about my theory. He said to me during our meal: "You know, it is clear from listening to you talk that uncertainty about other states' intentions is embedded in your theory, but you're not paying it much attention. I listened carefully to him and I remember when I was walking home after lunch and thinking about our conversation, saying to myself, "He is exactly right about the need to put my point about intentions up in bright lights". So, I went home and re-wrote the theory so

that uncertainty about intentions was one of its principal assumptions. In retrospect, it seems quite amazing that I took so long to recognize the critical importance of that assumption. There is a handful of other key arguments in "Tragedy" that also took me years to figure out.

Again, my basic point is that coming up with a theory on any subject is not easy to do, even if it seems like it should be easy, given that good theories are simple by definition.

I.I.: *In your article with Stephen Walt on "Leaving Theory Behind," and on many other occasions, you emphasize that IR scholars today are preoccupied with methods and hypotheses-testing at the expense of theorizing. What is the right balance between developing new and testing existing theories? Furthermore, given that you are a prominent voice in academia, do you see any evidence that your criticism is causing the pendulum to move back toward greater emphasis on theory?*

J.M.: I think it is hard to pinpoint exactly what the right balance is. But you want to avoid a situation where IR scholars become committed to developing theories without any interest in testing them. You also want to avoid a situation where scholars dismiss theory as basically a waste of time and argue that testing hypotheses is what real social scientists should be doing. In the late 1980s and early 1990s, when rational choice or formal modeling was all the rage in Political Science, some IR scholars who worked in that realm had little interest in testing their models. And they were appropriately criticized for that approach. Again, you do not want a situation where scholars are developing theory for theory's sake. We want to develop theories and then test them against real world events to see how much explanatory power they have. But what happened in subsequent years – and this was clear by the first decades of the 2000s – is that we moved so far away from theory that we privileged empirical testing and experiments in ways that I don't think are healthy. This state of affairs is what caused Steve and me to write "Leaving Theory Behind". We tried to make the point that coming up with new theories and repairing or altering existing theories is terribly important –

as is testing those theories. We went to great lengths in writing that article to make it clear that we think that empirical methods and testing theories is an essential part of the social science enterprise. But at the same time, we must not lose sight of the importance of theory.

I.I.: *Coming back to the matter of IR theory, we have Waltz's theory of Defensive Realism and John Mearsheimer's theory of Offensive Realism. What are future prospects for developing new realist theories? Is there any space for innovative thinking about Realism?*

J.M.: This is a very hard question to answer, because if I thought there was a new realist theory that one could invent, I would either invent it myself or encourage an especially smart person to pursue that idea. I think that any theory – whether it is Waltz's, Morgenthau's or mine, to take three prominent realist theories – has problems. There is no such thing as perfect theory. Therefore, what will happen over time is that future scholars will find different ways of building on those realist theories and come up with new ones. To illustrate my point, I would note that in my case I stood on the shoulders of Waltz. In other words: I read Waltz, I was dissatisfied with his theory, and I set out to alter it in some fundamental ways and come up with a different realist theory. I would imagine that in the future scholars will read my work and Waltz's as well as the work of other realists like Jack Snyder, Steve Walt, Steve Van Evera, Charlie Glaser, and they will like certain aspects of those works and dislike others. They will then put together their own theory – drawing on those existing theories. But I am incapable of telling you what those new theories will look like. We just have to wait and see.

I.I.: *Let me ask a more specific question about the future of the Realist theory. Both your theory and Waltz's theory focus on the distribution of capabilities in the system. Many of the younger realist scholars, however, look at how changes in the balance of power affect the behavior of great powers. They pay special attention to the relationship between rising powers and declining powers and what that means for the prospects of*

a major war. Do you think this new emphasis on developing dynamic theories of change is a promising direction for Realism to take?

J.M.: There is a rich tradition in the realist literature of looking at dynamic change in material capabilities as a cause of war. Robert Gilpin became very famous making this argument. Indeed, his most famous book is called "War and Change". Ken Organski and Jacek Kugler, as well as Dale Copland, a former graduate student from the University of Chicago who now teaches at the University of Virginia, all wrote important books about how shifts in the balance of power lead to war. Here, too, I think that future scholars will build on this body of work and develop new theories about how dynamic change influences the likelihood of war. I believe that scholars like Waltz and me come at structure from a somewhat different perspective: we tend to focus more on what the existing distribution of power looks like rather than how it changes. Although there is room in both Waltz's theory and mine for change, that concept is not emphasized anywhere near as much in our theories as it is in Gilpin and Copland's theories.

I.I.: *How do you assess the IR field today, overall?*

J.M.: This is fascinating question. Let me answer it by comparing the IR field today with the field as it existed when I first started my PhD in 1975. I will make four basic points.

First, there are many more students studying for MA and PhD degrees in IR today than there were in 1975 when I began at Cornell; and this is especially true in security studies. The security field in the United States had been badly damaged by the Vietnam War. Thus, there were only a tiny number of security scholars in the United States in 1975, which was actually the beginning of the renaissance of that field. And there were not many security scholars outside of the United States. That situation has fundamentally changed. There are many first-rate security scholars in countries all over the world, including the developing world. It is really quite amazing how many more people who have been studying and teaching security today than we had in 1975.

The second big change is that globalization has created a situation where IR students all over the world are familiar with the same IR literature and effectively speak the same language. Everyone knows what the security dilemma is. I like to say that we security scholars live in a global village when it comes to how we talk and think about international politics. So, when I give a talk in Japan or Turkey or Russia, I find that the students and faculty in those countries fully understand all the concepts I employ and the arguments I make. And when the students ask questions from the audience, I almost always understand what they are talking about because again we are all reading the same works and speaking the same language.

Sometimes when I go to foreign countries to talk, my hosts will ask me what it is like taking questions from a Turkish or Japanese audience. I always say: "It's just like taking questions from an American audience, because these students here in Turkey or in Japan have read the same literature and effectively speak the same language as US students". As I said, we all know what the "security dilemma" is, we all know how uncertainty about intentions can lead to security competition among great powers, and so forth and so on.

The third development, which is probably more true of the United States than any place else, is that there is much less interest in policy issues among IR scholars at the top universities than there was in the mid-1970s. I would argue that back in the 1970s and 1980s, and even into the early 1990s, many IR scholars saw a close connection between IR theory and the policy world. They were seen as bound up with each other. Now, most young IR scholars, especially at elite universities, are not interested in engaging with big policy issues and engaging with the real world more generally, certainly compared to the way things were when I was beginning my career.

The fourth big change – and I think it is global in scope – is that the study of IR has become highly professionalized. IR scholars today view themselves as professional political scientists, a development that I think is closely tied up with the great emphasis we see today on

methods. You get training in methods so that you can become a scientist, a political scientist – you are part of a real profession. I think professionalization was nowhere near as pronounced back in the mid-1970s as it is today. And not surprisingly there was much less emphasis on methods back in the day than there is today. In the past, one was much more interested in becoming very well educated on a wide variety of substantive political issues so that you could think deeply about international politics not only in terms of the academic debates of the day, but also in terms of the policy debates. If you came up with an interesting argument or theory in those days, you would be anxious to spread the word in the policy world as well as academia. I think that IR scholars today have much less interest in engaging with the policy world. They are mainly interested in talking to each other, and that is because of professionalization.

So, again, I am making four general points. First, the number of IR scholars – especially security experts – is much greater today than it was when I started graduate school. Second, students of international politics operate in a global village. Three, IR scholars are much less interested in engaging with the policy world, especially in the US, than they were back in the mid-70s. Finally, professionalization has come to have a profound influence on how we do business.

I.I.: *Through the years, you have made a number of bold predictions that ran against conventional wisdom. They often seemed to have little impact on the government's decision-making process, although your predictions often proved to be right. To what extent does academic expertise affect a country's foreign policy?*

J.M.: It is a very difficult question to answer because it is hard for any scholar to have a good sense of how much influence he or she has on the policy-making process. There is no question that my outspoken opposition to the 2003 Iraq war had virtually no impact on the Bush Administration's thinking about whether to invade that country. The opponents were at most a speed bump on the road to war. The Bush Administration just ignored us. But, there

are instances where IR scholars have meaningful influence. One of the best examples of academics influencing policy involves the democratic peace theory. Hardly anyone had ever heard of the democratic peace theory until Michael Doyle wrote about it in a famous article in 1983. The idea that democracies do not fight other democracies quickly gained traction in the policy community and has had a profound influence on American foreign policy since the Cold War ended in 1989. That simple theory, which was barely known before 1983, came out of academia. While Michael Doyle was the first scholar to push that argument forward, others like Bruce Russett followed in his footsteps. Moreover, the democratic peace theory sits at the core of Francis Fukuyama's famous and influential article – "The End of History". This is surely a case where academics have had significant influence.

In my own case, I wrote a controversial article in 2014 on the Ukraine crisis, which broke out that year and has had poisonous effects on relations between Russia and the West. I argued that the crisis was largely the result of the West's policy of expanding the EU and NATO eastwards, coupled with promoting the "color revolutions" in Georgia and Ukraine. Moscow was not responsible for precipitating the trouble over Ukraine. I believe my article influenced the thinking of a good number of people about who was responsible for causing that crisis. I base that claim on numerous conversations with people who have told me that their views on the matter had been shaped by my article. Now, has the article helped to change the West's policy toward Russia? I think the answer is clearly no. But it may contribute in a small way down the road to working out a solution to that crisis, although I would not bet a lot of money on it. Moreover, even if the article eventually has that kind of influence, it is not clear we will be able to detect it, as the spread of ideas usually works in subtle and opaque ways.

I.I.: *For realists, who place little emphasis on the importance of ideas and instead emphasize the influence of the structure of the international system on state behavior, how can the ideas of IR scholars affect foreign policy?*

J.M.: Well, to be clear, there were no great power politics during the unipolar moment, simply because there was only one great power in the world – the United States. There were no other great powers it could interact with or had to worry about as a potential threat. In this world, the United States was free to ignore the balance of power and pursue an ideological foreign policy. Indeed, it pursued liberal hegemony, where it was determined to remake the world in its own image between 1989 and 2017. This was a world in which ideas mattered greatly, but it was not a realist world, at least for the United States. So, there are instances, although they are rare in international politics, where a great power's foreign policy is motivated mainly by ideas. But when the international system is either bipolar or multipolar, great powers are motivated mainly by concerns about the balance of power, not ideas. This was the case during the Cold War and in the multipolar world we are now entering. Structure is largely determinative for great power behavior when there is more than one of them in the system. Save for the unipolar moment, I believe that the United States has acted according to realist dictates. For example, if you look at how the United States is now behaving toward China and Russia, it is clear that we are back in a realist world and that liberal hegemony has come to an end. Some people would say that this is because Donald Trump is in the White House. I don't think so. The main reason that liberal hegemony is finished is because the system has gone from unipolar to multipolar, where realism takes over and ideas take a backseat.

I.I.: *Your latest book – "The Great Delusion" – deals with liberal hegemony, America's foreign policy during the unipolar moment, which you have been criticizing for many years now. However, many scholars claim that the days of US predominance are numbered and hence attempts to establish liberal hegemony are doomed to disappear anyway. So, what motivated you to write your new book?*

J.M.: I wrote "The Great Delusion" in large part to understand why the US foreign policy was such a disaster during the unipolar

moment. In the first decade after the Cold War ended, there was a tremendous amount of optimism in the United States – and in the West more generally – about the future of international politics. Hardly anyone foresaw all the trouble that we face today. Most people thought that peace was breaking out and that the world would become more and more peaceful as time went by. But something went badly wrong and that was especially true with regard to American foreign policy. Just consider the horrible mess the United States helped create in the greater Middle East. Moreover, look at the terrible state of US relations with Russia, and the failure of America’s attempt to “engage” with China. I wanted to explain these failures. I wanted to know what went wrong between 1989 and 2017. I wanted to explain the US foreign policy during the unipolar moment. What I eventually discovered is that Realism really does not explain American foreign policy during that period, mainly because the United States was so powerful that it did not have to worry about the balance of power. Thus, I came to understand that American policy was motivated by liberal ideology. So, that’s what “The Great Delusion” is all about.

I.I.: *And perhaps, if I may, the last question. You have discussed future relations between China and the United States at great length in “The Tragedy of Great Power Politics” and other publications. You have also discussed Russian – American relations during the unipolar moment, when American policy-makers were pursuing liberal hegemony. How do you assess the current dynamic between Moscow and Washington and do you have any of your usual bold predictions on where that relationship is headed?*

J.M.: I think it is deeply regrettable that the United States now has terrible relations with Russia. I do not think that Russia is a threat to the West and I also believe that the United States and its European allies are mainly responsible for this hostility, which has pushed

the Russians into the arms of the Chinese. The troubles are largely a consequence of the Ukraine crisis. I believe, however, as a good structural realist, that Russia will eventually end up aligning with the United States against China, if China continues its impressive rise. I think that the idea of Russia aligning with the United States against China will make sense, because Beijing is a greater threat to Moscow than Washington. The main reason is geography: China shares a border with Russia and has historically had bad relations with Russia. Of course, Russia does not fear China more than the United States today, but that is because China is not yet all that powerful and also because the United States and its allies have poisoned relations with Russia, thus causing it to ally with China. But I think that situation will reverse itself with the passage of time. By the way, we had a similar situation before World War II. The United States refused to recognize the Soviet Union until 1933, and even after that it was hostile toward Moscow throughout the 1930s and the early years of World War II. But that all changed rapidly after Nazi Germany invaded the Soviet Union on June 22, 1941 and especially after Hitler declared war against the United States on December 11, 1941. Both Moscow and Washington were then at war against Hitler’s Germany – a common threat that forced them to become close allies throughout World War II. Thus, those who believe that it is almost impossible to imagine the United States and Russia allying against China, should remember how the rise of Nazi Germany affected US-Soviet relations. Great powers do what they have to do to survive. And I believe that from both an American and Russian perspective, it will make good sense to join forces against China if Chinese power grows steadily in the years ahead.

Thank you so much. It seems like a perfect ending for a very thought-provoking and greatly inspiring interview.

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

АНДРЕЙ ВАВИЛОВ

Москва, Россия

Резюме

Настоящая статья посвящена анализу проявлений регионализма в условиях текущего социально-политического кризиса на Украине. С его развитием после государственного переворота в феврале 2014 года на Украине обострилась проблема регионализма. Общество продемонстрировало запрос на перераспределение полномочий между центром и регионами, выразившийся в многочисленных инициативах региональных органов власти и общественных организаций, нацеленных на расширение финансовой базы, функций и прав местных органов власти и самоуправления, а также в программных документах политических сил. При этом в отдельных случаях выдвигалась идея установления договорного характера взаимоотношений между центральной властью и регионами, что характерно для федеративной модели государственного устройства. В ответ на данный запрос исполнительная власть предприняла очередную попытку реформы местного самоуправления под лозунгом децентрализации государственного устройства. После 2014 г. на Украине проявились две разнонаправленные тенденции: центробежная и центростремительная, – соотношение которых предопределяет динамику и остроту политических проявлений регионализма на перспективу. Несмотря на многочисленные выступления в пользу автономии, регионализм остаётся в рамках жёсткой модели, сформированной в постсоветский период. Замораживание после 2014 г. процессов регионализации на Украине обусловлено конфликтом на юго-востоке страны, глубокой вовлечённостью в него ведущих держав – России, США и ЕС. После подписания Минских соглашений, реализация которых означает для Украины внедрение в систему государственного устройства элементов федеративных отношений, реформа государственного устройства и территориального управления оказалась неразрывно связанной со стратегией Киева в отношении самопровозглашённых республик Донбасса. Проявления регионализма воспринимались Киевом в значительной степени как угроза территориальной целостности страны, что существенно сужало возможности децентрализации. Кроме того, Россия и США на практике продемонстрировали различные подходы к трактовке и реализации Минских соглашений, что оказало негативное влияние на процессы регионализации на Украине. Характер процессов регионализации на Украине позволяет проводить параллели с ситуацией в Приднестровье, а также говорить об общности украинской и молдавской моделей жёсткого регионализма, отличительной чертой которых выступает превращение регионализации в инструмент достижения политических целей России и Запада в условиях конфликтного характера их взаимодействия на постсоветском пространстве.

Ключевые слова:

Украина; регионализм; регионализация; децентрализация; федерализм; украинский кризис; конфликт на Донбассе.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2020

Дата принятия к публикации: 14.05.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: anvavilov12@yandex.ru

Постсоветская Украина представляет собой сложный политический феномен, своеобразие которого в значительной мере связано с устойчивыми особенностями социокультурного и экономического уклада отдельных частей этой бывшей советской республики. Региональные различия, предопределённые историческими особенностями формирования границ Украинской ССР, стали важнейшей характеристикой общественно-политической жизни современной Украины.

При изучении региональной структуры украинского внутривнутриполитического пространства чаще всего используется конструктивистский подход, на базе которого выделяются различные региональные идентичности. В структуре политического пространства Украины отчетливо просматриваются два макрорегиона, население которых демонстрирует устойчивые идеологические различия в сфере государственного строительства, а также разные электоральные предпочтения. При этом в периоды обострения политической борьбы и нестабильности происходит заметная активизация политических проявлений региональных идентичностей.

К примеру, во время политического кризиса 2004 – 2005 годов, получившего обозначение «оранжевой революции», в западных и Киевской областях местные советы заявили о признании победы В. Ющенко на президентских выборах. Львовский облсовет сформировал исполнительный комитет, передав ему исполнительные полномочия, которые по действовавшему законодательству были прерогативой руководителя государственной администрации. В ответ на действия прозападной оппозиции депутаты местных органов власти Крыма, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Запорожской, Киевской, Кировоградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черкасской областей, городов Севастополя и Киева провели в Северодонцке Всеукраинский съезд, где был образован Межрегиональный союз органов местного самоуправления Украи-

ны. Одной из нереализованных инициатив съезда стало создание федеративной Юго-Восточной Автономной Республики со столицей в Харькове.

Произошедшие после кризиса 2013–2014 годов политические потрясения существенно изменили украинский политический ландшафт, привели к трансформации достаточно устойчивой географической электоральной структуры. Кроме того, Украина оказалась в центре острого конфликта, в который вовлечены ведущие мировые центры силы: Россия, США и Европейский Союз.

Анализ проявлений регионализма в сложившихся на Украине после 2014 г. условиях – актуальная теоретическая и практическая задача, решение которой будет способствовать концептуализации моделей регионализации в условиях острых политических конфликтов и заметного воздействия внешних игроков, позволит точнее оценить соотношение центробежных и центростремительных начал в политическом развитии страны и прогнозировать сценарии урегулирования острого международного кризиса вокруг Украины. Ситуация в этой стране предоставляет исследователям богатый эмпирический материал, изучение которого может внести заметный вклад в развитие современной регионалистики.

1

Зарождение региональных исследований как относительно самостоятельного направления политической науки относится к периоду после окончания Второй мировой войны. Изначально в фокусе исследовательского поиска находились интеграционные процессы в Европе, но со временем предмет и методы регионалистики существенно расширились. Оформились два основных концептуальных подхода к определению понятия «регион». В рамках первого регион предстаёт как объективное явление, обладающее рядом параметров, которые могут быть зафиксированы и оценены и которые существуют вне зависимости от выбранной методологии и аналитической задачи. При альтернативном под-

ходе регион рассматривается как аналитическая категория, выбор которой предопределён исследовательской задачей. В этом случае параметры региона вариативны, они зависят от факторов, положенных в основу исследования, а «иерархию регионов определяет только научная проблема. Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся» [Isseman 1993: 5–6]. Данный подход разделяет М. Шпидлер, полагая, что выделение региона в качестве инструмента «изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений, как правило, зависит от поставленных исследовательских задач и носит характер социального конструкта» [Spindler 2005: 100].

Первый подход условно можно назвать эмпирическим, а второй — конструктивистским. При этом акцент на функциональных аспектах региона характерен для экономических, социологических и политологических исследований.

Оба подхода не обязательно вступают в противоречие и могут дополнять друг друга. В этой связи многие определения понятия «регион» органично сочетают как эмпирическую, так и конструктивистскую составляющую. Например, по мнению Д. Замятина, регион представляет собой «политико-географический образ определённой территории и тем самым демонстрирует характерные черты и закономерности её развития» [Замятин 2004: 83–91]. А. Воскресенский даёт развёрнутое определение: регион — это «определённая территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделять эту территорию» [Воскресенский 2012: 30–58].

По мере теоретико-методологической проработки понятие «регион» обрело зна-

чительную степень универсальности, позволяющую использовать его на различных уровнях как для обозначения результатов и процесса сближения различных государств, так и для анализа организации внутреннего пространства государств. В этом случае, как отмечают российские учёные, понятие «регион» синонимично понятию «район» [Мир политической науки. 2004: 596; Дергачёв, Вардомский 2004: 10].

С понятием «регион» связано и такое явление, как регионализм, которое также может рассматриваться в двух формах — международной и внутригосударственной. Теоретическое осмысление внутривосточной формы регионализма началось во второй половине XX века. Политологи изучают эту форму регионализма в системе отношений «центр—периферия», занимаясь поиском оптимальных с практической точки зрения моделей перераспределения полномочий с государственного на местный уровень в интересах повышения эффективности управления. Э. Харрел определяет регионализм как «принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных процессов». При таком понимании содержание понятия «регионализм» раскрывается посредством ряда категорий: «социальная сплочённость этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; экономическая взаимодополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают на данной территории; совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями, политическая солидарность» [Hurrell 1995: 333]. По мнению А. Алексева, регионализм выступает в качестве «политико-экономического движения за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав» [цит. по: Есин 2009: 172]. П. Юкарайнен полагает, что термином «регионализм» зачастую обозначают различные процессы, такие как движение за этнические права, сепаратизм, децентрализация государственного устройства, транснациональное сотрудничество адми-

нистративно-территориальных образований, региональная сетевая интеграция и т.д. [цит. по: Есин 2009: 176].

Таким образом, понятие «регионализм» многозначно. Оно предстаёт и в качестве реального явления, и как идеология. Как *реальное явление*, внутригосударственный регионализм связан прежде всего с социокультурным разнообразием в многонациональных государствах, с процессами национальной консолидации и формирования наций в обществах, имеющих сложную структуру. При этом регионализм «внутренне присущ всем типам современных обществ, вне зависимости от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур» [Есин 2009; 176]. В этом контексте особое значение для региональных исследований имеет концепция многогосоставного общества А. Лейпхарта, предложившего для оценки глубины и степени региональных различий использовать индекс фрагментации, учитывающий особенности этнического и религиозного состава населения. Отметим, что универсальных индикаторов для измерения степени регионализма не существует. В американской политологии используются индексы дигармонии (анализ электральных предпочтений) и индекс централизации (анализ особенностей бюджетного процесса).

Как *политическая идеология*, регионализм предстаёт идейным конструктом, нацеленным на ослабление центральной власти за счёт передачи полномочий на региональный уровень и разностороннего укрепления территориальных общностей.

Проявления регионализма могут соответствовать административно-территориальному делению и форме государственного устройства страны, а могут выходить за их рамки, позволяя говорить о неформальной и неинституциональной территориально-политической структуре. В этом случае речь идёт о социокультурном многообразии, лежащем в основе региональных политических культур, которые, в свою очередь, отражаются во внутривнутриполитическом процессе. Самое распространённое основание для обособления региона —

региональная идентичность, проявляющаяся в самоидентификации его жителей, воплощая чувство принадлежности к региональному сообществу как носителю устойчивых специфических черт массового сознания. Как полагает Р. Фон, «регион существует там, где акторы, включая правительство, определяют и провозглашают свою особую идентичность» [Fawn 2009: 13]. По мнению С. Барзилова, регионализм «тесно связан с формированием мифов, символов и идеологий» [Барзилов 1997: 22]. М. Китинг указывает на то, что региональная идентичность позволяет рассматривать регион в качестве открытого пространства для многостороннего взаимодействия вне границ национального государства [Китинг 2003: 67–116].

Таким образом, большинство исследователей за основание и предпосылку регионализма принимают региональные идентичности. Широкое распространение в регионалистике конструктивистского подхода способствует укреплению связи феноменов идентичности и регионализма.

Когда регионализм проявляет себя в политической сфере, его связь с идентичностью приобретает отчётливо выраженное политическое измерение. Как указывает А. Пааси, «регионы и региональные идентичности в высшей степени являются политическими категориями» [Paasi 2003: 480]. А.А. Миллер характеризует идентичность как «разменную монету в непрерывном политическом торге, в котором участвуют элиты, представляющие центры силы и регионы» [Миллер 2003: 34].

Процесс, при котором на основе регионализма происходит дивергенция регионов и структурирование, в том числе политическое, внутригосударственного пространства, получил название «регионализация». По оценке М. Орешкиной, содержание процессов регионализации связано с «самоидентификацией и переопределением административных, экономических, политических ролей» [Орешкина 2003: 150]. Регионализация может носить управляемый и планомерный или спонтанный и взрывной характер. Активная форма регио-

нализации традиционно связана с автономистскими устремлениями регионов и их борьбой за расширение прав, полномочий и ресурсов.

В зависимости от характера процессов регионализации различают мягкий и жёсткий регионализм. В ситуации жёсткого регионализма регионализация либо не происходит, либо находится в узких рамках, установленных государством. Преобладает формальный подход к восприятию регионов, заданный существующими административно-территориальными границами и ограниченный многочисленными барьерами для регионального развития.

Постсоветская Украина – яркий пример жёсткого регионализма. На это указывают как специфика систем территориального управления и самоуправления, так и особенности политических проявлений регионализма, например тот факт, что, несмотря на заметное присутствие в общественно-политической жизни страны, идеи федерализации не смогли пробить себе дорогу в жизнь и не имели авторитетных сторонников в рядах ведущих политических сил.

Мягкий регионализм характеризуется свободными проявлениями местных отличий, «открытой географией» внутреннего пространства. Процесс регионализации развивается преимущественно снизу, не встречая административно-правовых барьеров, и вытекает из проявлений региональных идентичностей. Мягкому регионализму присущи децентрализованные формы административно-территориального устройства, федерализм, широкое внедрение в систему госуправления принципа субсидиарности. Принято выделять национальные модели регионализации: французскую, итальянскую, швейцарскую и т.д.

2

Государственный переворот в феврале 2014 г. и последовавшая за ним эскалация внутривластного кризиса стали самым

сильным потрясением за всю историю Украинского государства. Как и в 2004 году, региональные элиты на западе страны пошли на открытое неподчинение центральной власти и продемонстрировали готовность предпринимать неконституционные шаги. Были захвачены здания областных государственных администраций во Львове, Ивано-Франковске и Тернополе. В декабре 2013 года, в разгар противостояния в Киеве, областные советы этих регионов проголосовали за ликвидацию областных государственных администраций и заявили о непризнании власти действующего президента и правительства. Украинский политолог М. Погребинский характеризовал события того периода в западных регионах не просто как сепаратизм, «но как, возможно, начало процесса, который может закончиться переустройством Украины по типу конфедерации или федерации»¹.

Глубокий политический кризис в стране не только обусловил активное участие региональных элит в борьбе за власть и за выбор господствующей идеологии – он актуализировал общественные дискуссии о путях развития и роли отдельных регионов во внутренней политике страны. Как и в период становления украинской государственности, такая дискуссия развернулась в Галиции. В августе 2014 г. была зарегистрирована Украинская Галицкая партия, в основу программы которой легла идея децентрализации государственного устройства. В манифесте нового политического объединения было заявлено, что «влияние Галичины на государственное строительство и украинскую политику минимально, галичане не имеют реального влияния на положение дел не только на Украине, но и в самой Галичине. Галичины практически не существует. У нас нет ни своей партии, ни элиты, заботящейся о регионе и представляющей его интерес. Мы не стремимся сделать всех украинцев гали-

¹ Так не доставайся же ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. Lenta.Ru. 25 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/01/25/separated/>. (дата обращения: 10.02.2020).

чанами. Для построения единой украинской нации мы должны осознать важную вещь – мы разные, и эту нашу разность мы призваны преобразовать из источника конфликтов в конкурентное преимущество. Путь к этому пролегает через децентрализацию власти...»².

В январе 2014 г. во Львове была создана общественная организация «Европейская Галицкая ассамблея», что стало попыткой возрождения структуры, которая ярко проявила себя в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Летом того же года, в период наиболее ожесточённого противостояния на юго-востоке и неопределённости относительно будущего Украины, автономистские настроения в Галиции достигли пика: активно распространялись листовки в поддержку автономии и организовывались иные подобные акции. В марте 2016 г. совет г. Дрогобыч Львовской области принял обращение к Верховной Раде с призывом разработать и вынести на общественное рассмотрение законопроект об особом экономическом статусе Львовской области и перейти к выборности глав областных администраций³.

Специфика автономистских проявлений в Галиции определялась их идеологией, в основе которой лежали признание безальтернативности евроинтеграции и стремление двигаться в этом направлении с максимально возможной скоростью. Местная элита была убеждена в том, что социально-экономические реформы по европейским лекалам можно провести в региональном масштабе быстрее и эффективнее, чем в стране в целом. Причём в условиях, когда внутривнутриполитическое развитие отягощено ожесточённым гражданским конфликтом, интеграция в европейское экономическое и гуманитарное

пространство региона может быть осуществлена гораздо более высокими темпами, чем всей Украины. Например, мэром города Рава-Русская обратилась к Европейскому парламенту с предложением заключить соглашение об ассоциации с ЕС напрямую с городской общиной. Данная инициатива была поддержана мэром Луцка и городским советом Ивано-Франковска⁴. *Можно констатировать, что в некотором смысле «европейский выбор» на данном этапе стал более значимой ценностью, чем целостность Украины.* Западноукраинский автономизм отличала высокая степень нетерпимости, которая выразилась в отказе от компромиссов при выборе путей развития страны: будь то «оранжевая революция» или «революция достоинства» – ответом на не соответствующие ожиданиям галичан действия центральной власти становился выход за пределы правового поля.

Рост автономистских настроений в период сильной социально-политической турбулентности на Украине происходил и на Волини. Здесь, правда, сепаратистские проявления опирались на экономику, а не на идеологию, как в Галиции. Важнейшими источниками доходов региона стали добыча янтаря и сервисы, связанные с функционированием государственной границы; значительный объём этой деятельности приобрёл нелегальный характер.

Масштаб денежных потоков, формируемых в сфере теневой добычи янтаря, определил конфигурацию групп интересов в региональных элитах и оказывал решающее влияние на их отношения с Киевом. Распространились случаи неповиновения центральным исполнительным органам власти, в том числе правоохранительным органам. Имея в виду сложившийся политический, правовой и экономический

² Маніфест Української Галицької Партії. [Электронный ресурс]. URL: <https://uhp.org.ua/about/manifest/> (дата обращения: 20.01.2020).

³ На Львовщине местные депутаты выступили за выборность губернаторов. Корреспондент.NET. 1 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net/city/lvov/3661393-na-lvovschyne-mestnye-deputaty-vystupyly-za-vybormost-hubernatorov>. (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ Украинский город собрался самостоятельно вступить в ЕС. Obzrevatel. 23.11.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.obzrevatel.com/politics/O3195-ukrainskij-gorod-sobralysya-samostoyatelno-vstupit-v-es.htm> (дата обращения: 05.02.2020).

уклад, Волянь стали называть «Янтарной народной республикой». По оценке украинских наблюдателей, в области фактически не действовали законы Украины, а местная власть срослась с организованной преступностью, контролирующей добычу янтаря⁵. В отличие от ДНР и ЛНР, на западе Украины не поднимались флаги других государств, что создавало иллюзию контроля над регионом⁶.

В ноябре 2016 г. участники регионального форума в Житомире потребовали от центральных властей законодательно оформить исключительные права местных структур на добычу янтаря. Было создано общественное объединение «Наш янтарь».

Запрос на изменение модели взаимоотношений центра и регионов с перераспределением ресурсов и полномочий в пользу последних нашёл выражение в программах всех ведущих политических партий на выборах в Верховную Раду осенью 2014 г. Блок П. Порошенко, партия А. Яценюка «Народный фронт», Всеукраинское объединение «Батьківщина» и Оппозиционный блок включили в свои программы положение о децентрализации системы государственного устройства путём расширения финансовой самостоятельности местного самоуправления и реформирования государственных областных администраций⁷.

Прошедшие в октябре 2015 г. выборы в местные органы власти также отразили усиление тенденции к регионализации по-

литической жизни в стране и фрагментации политического пространства. Это выразилось прежде всего в том, что по итогам выборов успеха добились региональные партии, отстаивавшие в ходе избирательных кампаний политическую и экономическую повестку местного масштаба. Напротив, партия П. Порошенко «Солидарность», победившая годом ранее на парламентских выборах и получившая наибольшее число мандатов в областных советах, не смогла сформировать единоличного большинства ни в одном из них. От Оппозиционного блока не был избран ни один глава областного центра. Зато, например, Партия венгров Украины получила 9,44% и 8 мест в областном совете Закарпатской области, а также большинство в Береговском районном совете и некоторых других городских советах. На заседании Объединения приграничных органов самоуправления Закарпатья, проведённом сразу после местных выборов, ряд населённых пунктов заявили о готовности создать «отдельный венгерский район»⁸.

В 2016 г. по Украине прошёл «парад автономистских устремлений». Ряд областей призвали Киев к перераспределению полномочий между центром и регионами. В частности, в январе Киевский облсовет в обращении к президенту и парламенту предложил отказаться от назначения руководителей областных государственных администраций и ввести прямые выборы глав регионов⁹. В апреле областной совет

⁵ Кармазин И. Янтарная народная республика. Почему Киев теряет контроль над северо-западом Украины. Лента.Ру. 19 марта 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/19/yantarnaya/>. (дата обращения: 10.02.2020).

⁶ Там же.

⁷ Передвиборна програма партії «Блок Петра Порошенка». Режим доступа: <https://rada.election.com.ua/prg-blok-petra-poroshenko/>. Дата обращения: 15.09.2019 г., Програма політичної партії «Народний фронт» «Віновлення України». [Электронный ресурс]. URL: <https://rada.election.com.ua/prg-narodnyj-front/>. (дата обращения: 15.09.2019), Передвиборна програма «Всеукраїнського об'єднання «Батьківщина» «Україна переможе!» [Электронный ресурс]. URL: <https://rada.election.com.ua/prg-batkivshhina/>. (дата обращения: 19.09.2019).

⁸ Кароліна Дорі: Наша мета — створити окремих угорський район з центром у Берегові. Uzghorod.net.ua 14.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://uzghorod.net.ua/news/88302>. (дата обращения: 10.02.2020).

⁹ Киевский облсовет проголосовал за изменения в Конституцию в поддержку выборности губернаторов в Украине. Українські новини. 28 января 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ukranews.com/news/406561-kyevsky-oblsov-et-progoloso-val-za-yzmenenyya-v-konstytucyyu-v-podderzhku-vybornosty-gubernatorov-v-ukrayne>. (дата обращения: 01.02.2020).

Закарпатье потребовал предоставить региону автономный статус¹⁰.

Отдельные выступления и инициативы приобрели выраженную этническую окраску. В числе прочего в июле болгарская община обратилась к президенту страны с призывом создать в Одесской и Херсонской областях национально-территориальную автономию¹¹. В июне Ассамблея румын Буковины выступила с инициативой придать автономный статус территории компактного проживания румынской общины в Черновицкой области. С аналогичным призывом выступили гагаузы Одесской области¹². В декабре польская община Львовской области в обращении к властям Украины потребовала расширить автономию региона в сфере внешнеторговых контактов¹³. В том же месяце «Народный совет русинов Закарпатья» выступил за признание результатов референдума 1991 года, на котором жители высказались за наделение области статусом «специальной самоуправляемой территории». При этом глава Закарпатского областного совета предупредил Киев об угрозе донбасского сценария в регионе¹⁴.

Некоторые автономистские выступления сопровождалось призывами заключать между центром и регионами догово-

ры о разграничении полномочий, что характерно для федеративной модели взаимоотношений между центром и регионами. В течение 2016 г. Одесский, Кировоградский и Житомирский областные советы выступили с инициативами таких документов. С таким же требованием в октябре 2016 г. обратились Киевский, Ивано-Франковский и Львовский областные советы¹⁵.

Таким образом, одним из последствий глубокого социально-политического кризиса, в который погрузилась Украина после государственного переворота в феврале 2014 года, стала активизация борьбы за расширение ресурсов и полномочий местных властей.

Ослабление центральной власти в условиях социокультурного, экономического и политического своеобразия украинских регионов, по мнению украинских экспертов, стало главной причиной развития их автономистских устремлений. Как отмечает украинский политолог М. Погребинский, отсутствие мощной общеукраинской партии, неспособность Киева оказать финансовую помощь регионам, управленческая несостоятельность правительства вынудили региональные элиты взять власть в свои руки с помощью местных партийных проектов¹⁶. Другой украинский экс-

¹⁰ Політичний скандал на Закарпатті: обласні депутати просять у Києва автономії. Ukrinform.ua. 04.04.2016 г. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-politics/1995515-politichnij-skandal-na-zakarpatti-oblasni-deputati-prosat-u-kieva-avtonomii.html> (дата обращения: 10.02.2020).

¹¹ Болгарская диаспора Украины требует от Порошенко территориальной автономии. Голос.УА. 04.07.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://golos.ua/news/bolgarskaya-diaspora-ukrainy-trebuuet-ot-poroshenko-territorialnoj-avtonomii>. (дата обращения: 22.01.2020).

¹² Гагаузская община обратилась к Порошенко с просьбой создания автономии. Gagauzinfo.MD. 18.07.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gagauzinfo.md/index.php?newsid=26848>. (дата обращения: 22.01.2020).

¹³ Польская община потребовала от Киева автономии для Львовской области. КиевСМИ. 25 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://kievsmi.net/novosti/ukraina/594073-polskaya-obshhina-potrebovala-ot-kieva-avtonomii-dlya.html> (дата обращения: 23.01.2020).

¹⁴ Глава Закарпатского облсовета пригрозил Киеву «донецким сценарием». Vesti.ua. 23.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.ua/strana/216822-hlava-zakarpatskoho-oblcoveta-prihrozil-kievu-donetskim-ctsenariem> (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁵ Три области Украины объединились в борьбе за независимость от Киева. EurAsiaDaily. 31.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/10/31/tri-oblasti-ukrainy-obedinilis-v-borbe-za-nezavisimost-ot-kieva> (дата обращения: 23.01.2020).

¹⁶ Погребинский М. Центр без места. Помогут ли Киеву итоги региональных выборов 28.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/columns/2015/10/28/ukr_elections/. (дата обращения: 29.12.2019).

перт, Р. Бортник, также указывал на то, что центру не хватает ресурсов для контроля над всей территорией страны, что ведёт к её фрагментации¹⁷.

Политические проявления регионализма актуализировала и радикализация курса центральной власти после государственно-го переворота в феврале 2014 года. Установившийся режим открыто продемонстрировал не просто нежелание считаться с мнением значительной части украинского общества, учитывать его социокультурное своеобразие, но и готовность навязывать свою волю силовым способом. Следует согласиться с тезисом о том, что события 2014 г. стали катализатором усиления региональных противоречий и актуализировали местные идентичности [Крылов, Гриценко 2015: 151].

Агрессивная политика Киева в языковой сфере, которая выражалась не столько в поддержке украинского языка, сколько в ужесточении ограничений и запретов на использование других языков, прежде всего русского, курс на создание поместной церкви, означавший слом многовековой религиозной традиции, естественным образом провоцировали со стороны регионов, население которых было носителем идентичности, отличной от западноукраинской, ответные шаги, направленные на защиту существующего социально-политического уклада. В этом контексте актуализация политического регионализма в рассматриваемый период представляет собой защитную реакцию со стороны части украинского общества. Вместе с тем и в предшествующие периоды развития Украины, как указывает А. Зоткин, всплески автономистских настроений в значительной степени представляли собой «ре-

акцию самозащиты в условиях неудовлетворённости неразрешимостью вопросов их культурно-цивилизационной самоидентификации» [Зоткин 2010: 102].

Росту автономистских и сепаратистских настроений способствовало и резкое ухудшение социально-экономической ситуации в стране, сопровождавшееся снижением доверия к центральной власти и падением её авторитета.

3

Центральному правительству пришлось реагировать на автономистские выступления в регионах. Следуя за ведущими политическими партиями, исполнительная власть взяла на вооружение лозунг децентрализации¹⁸ власти и предприняла попытку разработать и предложить обществу очередной проект реформы местного самоуправления. Прежде планы подобных преобразований заявлялись неоднократно. Сложившаяся на Украине система местного самоуправления в значительной мере сохранила советские черты и нуждалась в модернизации, на что единодушно указывали украинские эксперты [Ярошенко, Семигулина 2015: 178]. В частности, они отмечали, что на Украине сочетаются централизм, слабое местное самоуправление и ошутимая территориальная разобщённость [Умланд, Романова 2019: 149]. В Конституции страны в соответствии с положениями Европейской хартии местного самоуправления была декларирована организационная, финансовая и правовая автономия местного самоуправления, но на практике эти положения не воплощались. Действующее законодательство не создавало юридических оснований и механизмов для реальной неза-

¹⁷ Кармазин И. Янтарная народная республика. Почему Киев теряет контроль над северо-западом Украины. Лента.Ру 19 марта 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/19/yantarnaya/>. (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁸ Понятие «децентрализация» используется для обозначения распространённого концептуального подхода, в соответствии с которым реформирование системы управления на местах осуществляется за счёт передачи полномочий от системы государственной власти не входящим в неё публично-правовым институтам, образующим систему местного самоуправления. В отличие от децентрализации, деконцентрация предполагает перераспределение государственной власти между различными её уровнями.

висимости муниципалитетов. Кроме того, предпосылками децентрализации также выступали хроническое недофинансирование полномочий, делегированных государством на уровень местного самоуправления, несовершенная и непрозрачная система межбюджетных отношений, а также явная ограниченность и недостаточность источников доходов муниципалитетов. В большинстве некрупных общин органы местного самоуправления были не в состоянии осуществлять предоставленные им полномочия [Умланд, Романова 2019: 149].

После своего избрания на пост президента В. Янукович выдвинул программу «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», рассчитанную на 2010–2013 годы. Эта инициатива включала в себя реформу межбюджетных отношений, в том числе повышение финансовой независимости и увеличение инвестиционных ресурсов местных бюджетов, достижение финансовой обеспеченности делегированных на местный уровень полномочий¹⁹. В апреле 2013 г. был утверждён проект концепции реформирования местного самоуправления, который, однако, не успели воплотить в жизнь²⁰.

В 2014 г. правительство Украины утвердило концепцию реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти²¹. В марте 2015 г. президент Украины сформировал комиссию для разработки конституционных изменений, которые включали в себя положения, затрагивающие децентрализацию. Реформа децентрализации нашла отражение практически во всех значимых программных документах в сфере государственного строительства того периода: Государственной стратегии регионального развития на период до 2020 года²², Стратегии развития Украины 2020²³, Программе деятельности кабинета министров Украины²⁴ и ряде других, что свидетельствовало о серьёзности намерений Киева.

Концепция реформы, в основу которой положен польский опыт, предполагала создание на местах трёхуровневой системы управления, которая инкорпорировала бы общины как базовый уровень местного самоуправления, районы (предполагалось разделить территорию Украины на 120–130 территориальных единиц) и регионы (области). Одним из первых шагов в направлении реализации на практике описанной модели стало принятие законов «О сотрудничестве территориальных общин»²⁵ и

¹⁹ Програма економічних реформ на 2010–2014 роки «Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава» від 2 червня 2010 року. [Электронный ресурс]. URL: https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010_06_02. (дата обращения: 10.02.2020).

²⁰ Реформа и содержание. Виктор Янукович подготовил глобальные изменения в местном самоуправлении. Коммерсант Украина. 22.03.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2151611>. (дата обращения: 10.01.2020).

²¹ Концепція реформування місцевого саморядування та територіальної організації влад в Україні. Схвалено розпорядженням Кабінету Міністрів України від 1 квітня 2014 р. № 333-р [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-%D1%80#Text> (дата обращения: 18.03.2021).

²² Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року : Постанова Кабінету Міністрів України від 06.08.2014 р. № 385. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/385-2014-%D0%BF#Text> (дата обращения: 18.03.2021).

²³ Про Стратегію сталого розвитку «Україна – 2020»: Указ Президента України від 12.01.2015 р. № 5/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5/2015#Text> (дата обращения: 18.03.2021).

²⁴ Про Програму діяльності Кабінету Міністрів України: Постанова Верховної Ради України від 11.12.2014 р. №26-VIII. [Электронный ресурс]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T140026.html (дата обращения: 18.03.2021).

²⁵ Про співробітництво територіальних громад: Закон України від 17.06.2014 р. № 1508-VII. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1508-18#Text> (дата обращения: 18.03.2021).

«О добровольном объединении территориальных общин»²⁶, нацеленных на создание путём слияния сельских и районных советов объединённых территориальных общин и превращение их в основную форму местного самоуправления. Одновременно были внесены изменения в налоговый и бюджетный кодексы Украины, призванные укрепить ресурсную базу создаваемых укрупнённых общин²⁷. В соответствии с указанной концепцией около 11 000 местных общин предполагалось объединить примерно в 1200. К сентябрю 2019 г. было сформировано 951 укрупнённая община, охватившая примерно треть населения страны [Умланд, Романова 2019: 151].

Кроме того, концепция инициированной администрацией П. Порошенко реформы предполагала, что функции исполнительной власти на местах будут возложены на создаваемые исполнительные комитеты местных советов. Также в рамках реформы было намечено ликвидировать областные и районные администрации, создавая на уровне районов и регионов институт представителей президента (префектов), наделённых преимущественно контрольными и надзорными функциями. Право назначать префектов по представлению правительства сохранял за собой глава государства. Формируемым общинам должны быть приданы дополнительные функции по финансированию ряда расходных статей местных бюджетов; соответственно, общины наделяются правами и ресурсами. Речь шла о том, чтобы передать

общинам средства от сбора некоторых налогов. В частности, в местные бюджеты были переданы поступления от оказания административных услуг, увеличена до 60% направляемая на места доля подоходного налога, расширена база налога на недвижимость и ряд других отчислений [Цена реформ 2019: 169].

Следует отметить, что децентрализация системы государственного управления проводилась во исполнение обязательств Киева перед европейскими партнёрами. В Соглашении об ассоциации Украины с ЕС закреплён принцип субсидиарности, согласно которому функции управления должны быть по возможности сконцентрированы на низовых уровнях самоуправления, и декларировалось, что стороны будут способствовать сотрудничеству в сфере региональной политики и многоуровневого управления²⁸. Украина ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления. В 2016 г. правительство страны и Европейская комиссия подписали соглашение о реализации программы «U-LEAD с Европой: Программа для Украины по расширению прав и возможностей на местном уровне, подотчётности и развитию» стоимостью 97 млн евро²⁹. С 2019 г. началось осуществление второго этапа реформы, в рамках которого основные усилия направлены на изменение административно-территориального деления на уровне районов.

Западные партнёры предоставили Украине существенную финансовую и техниче-

²⁶ Закон України «Про добровільне об'єднання територіальних громад». 5 лютого 2015 року № 157-VIII. [Електронний ресурс]. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/157-19http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150157.html. (дата обращения: 20.02.2020).

²⁷ Про внесення змін до Податкового кодексу (в частині податкової реформи): Закон України від 28.12.2014 р. № 71-VIII. [Електронний ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/71-19#Text> (дата обращения: 18.03.2021). Про внесення змін до Бюджетного кодексу (в частині реформи міжбюджетних відносин): Закон України від 28.12.2014 р. № 79-VIII / Законодавство України. [Електронний ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/79-19#Text> (дата обращения: 18.03.2021).

²⁸ Европейский опыт и украинские реалии (Днепропетровщина и другие регионы) — Децентрализация и социальные стандарты. Днепр вечерний. 02.04.2018. [Електронний ресурс]. URL: <http://dv-gazeta.info/eurochoice/evropeyskiy-opyit-i-ukrainskie-realii-dnepropetrovshhina-i-drugie-regionyi-detsentralizatsiya-i-sotsialnye-standartyi.html>. (дата обращения: 10.01.2020).

²⁹ Киев и ЕС подписали договор о выделении €97 млн на децентрализацию. ТАСС. [Електронний ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3231314>. (дата обращения: 11.02.2020).

скую помощь для осуществления реформы: был создан Совет доноров по реформе децентрализации на Украине; во всех областях Министерство регионального развития при участии международных партнёров учредило центры развития местного самоуправления, США выделили два спонсорских проекта PULSE и DOBRE, в качестве консультанта по проведению административной реформы был приглашён бывший премьер-министр германской федеральной земли Саксония Г. Милбрандт [Умланд, Романова 2019: 153].

На ход реформы системы государственного управления в период президентства П. Порошенко определяющее влияние оказали конфликт на юго-востоке и Минские соглашения, ставшие политико-правовой основой его урегулирования. Согласно п. 3 Минских соглашений Киев взял на себя обязательство «провести децентрализацию власти, в том числе путём принятия Закона Украины “О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей” (Закон об особом статусе)»³⁰. Данное положение получило развитие и в п. 11 так называемого пакета договорённостей «Минск-2»: «Проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу к концу 2015 года новой Конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учётом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей в соответствии с мерами, указанными в примечании, до конца 2015 года»³¹.

Реализация Минских соглашений привела бы к децентрализации Украины на федеративных принципах, предполагающих договорный характер взаимоотношений центра и самопровозглашённых республик.

Можно говорить о том, что вокруг конфликта на Донбассе сформировалась международная политико-правовая подсистема, которую образуют действия и устремления влиятельных политических игроков – России, США и ЕС. Поскольку Россия приняла активное участие в выработке Минских соглашений и всегда открыто и последовательно выступала за их выполнение, то правомерно утверждать, что позиция Москвы характеризуется нацеленностью на запуск по меньшей мере локальной регионализации Украины. Такие инициативы европейской дипломатии, как «формула Штайнмайера» и «план Мореля», свидетельствуют, что Брюссель допускает реализацию концепции, заложенной в Минских соглашениях. Между тем ключевая политическая установка Вашингтона заключается, как минимум, в безоговорочной поддержке политики центрального правительства Украины по торпедированию Минских соглашений и стремлении заблокировать потенциальный процесс регионализации в условиях острого конфликта.

После подписания Минских соглашений децентрализация государственного устройства оказалась прочно увязанной с процессом урегулирования на юго-востоке страны. В феврале 2015 г. спикер парламента В. Гройсман заверил, что предложенный властью проект децентрализации устроит «все регионы Украины, в том числе Луганскую и Донецкую области»³². Н. Савченко, которая на короткий период превратилась в

³⁰ Протокол по итогам консультаций Трёхсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию мирного плана президента Украины Петра Порошенко и инициатив президента России Владимира Путина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/home/123258?download=true>. (дата обращения: 10.02.2020).

³¹ «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений». URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4804>. (дата обращения: 10.02.2020).

³² До октября Киев проведёт децентрализацию, которая устроит всех – Гройсман Корреспондент.net, 17 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/3480524-dokhtabria-kyev-provedet-detsentralyzatsiyu-kotoraia-ustroyt-vsekh-hroisman>. (дата обращения: 12.12.2019).

заметного политического деятеля и «зеркало» общественного мнения, в сентябре 2016 г. заявила, что «особый статус не может быть никакой для Донецка, для Донбасса, для Луганска. Он должен быть прописан грамотно для всей Украины. В стране давно назрело время децентрализации, за это стоял Майдан»³³. При этом системная реализация реформы требовала внесения изменений в Конституцию страны.

В июле 2015 года, заручившись одобрением проекта реформы по децентрализации со стороны Венецианской комиссии Совета Европы, президент П. Порошенко внёс на рассмотрение Верховной Рады проект изменений в Конституцию, который 31 августа был принят в первом чтении. Предполагалось внесение в переходные положения Конституции пункта о том, что особый статус Донбасса будет закреплён отдельным законом. При очевидной поддержке со стороны Запада (на голосовании присутствовала помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд) проект реформы не был согласован с представителями самопровозглашённых республик Донбасса и был ими отвергнут как не соответствующий Минским соглашениям.

Выводя свой проект, П. Порошенко заявил, что «децентрализация сделает страну сильнее и крепче и станет надёжной прививкой бациллы федерализации»³⁴, но даже при такой трактовке президента проект был решительно отвергнут. Голосование по изменениям в Конституцию проходило на фоне организованных в Киеве протестных акций радикалов. Представители националистических сил в парламенте

заверили, что во втором чтении будут голосовать против децентрализации и не позволят набрать конституционное большинство в 300 голосов. Кроме того, проект подвергся критике как недостаточно проработанный и сбалансированный с точки зрения соотношения интересов центра и местного самоуправления³⁵.

В июне 2016 г. П. Порошенко сообщил, что не будет инициировать второе чтение в парламенте по изменениям в Конституцию в части децентрализации до создания условий в сфере безопасности на востоке страны³⁶. Превратившись в элемент стратегии Киева по саботажу Минских соглашений и предмет внутривнутриполитической борьбы, конституционная реформа оказалась замороженной, а вместе с ней затормозился и деформировался весь процесс децентрализации, который до 2019 г. осуществлялся в целом фрагментарно.

Вместе с тем работа по созданию территориальных общин продолжилась, хотя и привела к противоречивым результатам. С 2014 по 2017 год объём доходов местных бюджетов в долларовом исчислении не только не вырос, но по сравнению с 2013 г. снизился [Украина после Евромайдана 2019: 9]. Кроме того, если в 2013 г. размер трансфертов составлял 125% собственных доходов местных бюджетов, то в 2017 г. он достиг 141%, то есть усилилась финансовая зависимость местных бюджетов от центрального правительства, в то время как целью реформы провозглашалось снижение такой зависимости. В результате укрупнения общин не удалось преодолеть и диспропорцию между чиновниками местных органов власти и органов местно-

³³ Савченко предложила наделить особым статусом всю Украину. РБК. 25 сентября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2016/57e6fd3d9a794798e23feeb9>. (дата обращения: 12.12.2019).

³⁴ Порошенко рассказал, как в Украине победить «бациллу федерализации». Обозреватель. 01.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/81064-poroshenko-rasskazal-kak-v-ukraine-pobedit-batsillu-federalizatsii.htm>. (дата обращения: 12.02.2020).

³⁵ Разделяй и властвуй. Децентрализация власти по плану Порошенко. Лента.RU. 2 июля 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/02/decentralization/> (дата обращения: 12.02.2020).

³⁶ Порошенко заявил, что децентрализация возможна только при полной безопасности в Донбассе. ТАСС. 28 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3410449>. (дата обращения: 14.02.2020).

го самоуправления, которая сохранилась как отношение $\frac{3}{4}$ к $\frac{1}{4}$ [Цена реформ 2019: 169]. Оценивая итоги первого этапа реформы, украинские эксперты констатировали, что ни один из её компонентов не был реализован в полном объёме [Цена реформ 2019: 169].

Ситуация вокруг принятия пакета изменений в Конституцию, связанных с децентрализацией, выявила ряд важных черт внутривластной ситуации в стране. Воссоединение Крыма с Россией и конфликт на юго-востоке стали базой для национальной консолидации и придали мощный центростремительный импульс политическому развитию страны. Правительство развернуло интенсивную информационную кампанию, в рамках которой события в Крыму и на Донбассе интерпретировались как результат агрессии против Украины. Такая интерпретация мобилизовала украинское общество на принятие мер, представленных как противодействие угрозам территориальной целостности и безопасности страны. Эксперты Национального института стратегических исследований указывали, что сложная социально-экономическая ситуация, незавершённость реформы по децентрализации власти, рост социальной несправедливости создают благоприятную почву для формирования и распространения сепаратистских движений в стране [Міжнародний досвід... 2016: 5]. Другие эксперты высказывали мнение, что процесс региональной консолидации чреват этнополитическими рисками, которые в среднесрочной перспективе (2–5 лет) могут стать угрозой территориальной целостности Украины [Дегтеренко 2016: 18]. Проблематика социокультурного и политического регионализма неизбежно увязывалась с глубоким кризисом российско-украинских отношений и конфликтом на юго-востоке страны.

Элита рассматривала регионализацию как потенциальный барьер украинизации и инструмент формирования дополнительных каналов воздействия на украинскую политику извне, в первую очередь со стороны России.

Автономистские выступления рассматривались в широком контексте внешнеполитических условий, в которых Украина оказалась после февраля 2014 года, и рассматривались как угроза безопасности и вызов территориальной целостности. В 2015 г. экс-глава Службы внешней разведки Украины Н. Маломуж заявил, что у всех соседей Украины есть к ней территориальные претензии, которые они предъявят в удобное для этого время³⁷. В качестве источника угроз территориальной целостности рассматривались действия не только России, но и других сопредельных стран, в частности Венгрии. После 2014 г. Будапешт последовательно и всё активнее проводил курс на укрепление венгерской идентичности и поддержку венгров Закарпатья. В частности, для них был введён упрощённый порядок получения венгерского гражданства, запущены программы социальной поддержки. В районах компактного проживания венгров была развёрнута сеть бесплатных консультативных пунктов для содействия в уклонении от мобилизации в армию. В венгерском правительстве была создана должность спецпредставителя по развитию Закарпатья и Карпатского региона. Крайне негативную реакцию Венгрии вызвал принятый на Украине в сентябре 2017 г. закон «Об образовании», ст. 7 которого ввела запрет на использование венгерского языка в сфере образования. Венгерский посол в Киеве Э. Кешкенъ заявил, что до отмены спорных статей этого закона Будапешт не поддержит ни одной инициативы Украины в рамках ЕС и НАТО³⁸. Эти и другие действия Будапешта спровоцирова-

³⁷ Минимум 5 стран готовы ввести свои войска на Украину. Политнавигатор. 09.09.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politnavigator.net/minimum-5-stran-gotovy-vvesti-svoiv-vojjska-na-ukrainu.html>. (дата обращения: 13.01.2020).

³⁸ Закарпатский конфликт: взгляд из Будапешта. Как венгры опять пытаются опекать свое национальное меньшинство на Украине. ИноСМИ. 19.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190119/244417886.html> (дата обращения: 19.03.2021).

ли гневную реакцию Киева, расценившего их как посягательство на украинский суверенитет, что серьёзно ухудшило украинско-венгерские отношения.

Как было показано выше, ряд региональных автономистских инициатив по своему содержанию предполагали перестройку системы государственного устройства фактически на принципах федерализма³⁹. В то же время после подписания Минских соглашений стало очевидно, что идея федерализации не находит широкой поддержки ни в украинском обществе, ни среди элит и воспринимается преимущественно как инструмент разрушения украинской государственности. Это подтверждает опрос, проведённый Центром Разумкова: федерализацию поддерживали не более 17% населения, тогда как 63% выступили против⁴⁰. Лозунг федерализации отсутствовал в программах политических партий на выборах в парламент в 2014 году. Правда, в выступлениях отдельные представители Оппозиционного блока затрагивали эту тему, в частности, В. Рабинович заявлял, что «оптимальное землеустройство для Украины — это немецкая или швейцарская система. Это 6–7 земель»⁴¹.

Сформировавшийся по итогам государственного переворота политический режим фактически криминализировал предложения по федерализации, заблокировав широкие общественные дискуссии на эту тему. В разгар внутривнутриполитического кризиса, последовавшего после государственного переворота в феврале 2014 года, Верховная Рада приняла изменения в Уголовный кодекс, ужесточившие наказание за умышленные действия, совершённые с целью изменения границ территории или государственной

границы Украины⁴², трактовка которых стала зачастую включать и призывы к изменению государственного устройства страны. В результате нетерпимого отношения властей к лозунгу федерализации отдельные элементы федерализма стали обсуждаться в рамках дискуссий о децентрализации. Таким образом, события в Крыму и острый конфликт на юго-востоке оказали сильное влияние на восприятие украинским обществом и элитой проблемы реформирования государственного устройства, существенно ограничив пространство возможных подходов к её разрешению.

Как отмечалось выше, в числе причин актуализации автономистских настроений в 2014–2015 годах указывалось отсутствие мощной общеукраинской партии. С 2017 г. начинается становление политического проекта В. Зеленского «Слуга народа». На парламентских выборах 2019 г. пропрезидентская партия повторила успех самого В. Зеленского и смогла впервые в истории Украины сформировать однопартийное большинство в Верховной Раде. По общему мнению, эта победа стала результатом протестного голосования, то есть недовольство украинского общества удалось перевести с регионального уровня на общегосударственный, укрепив при этом центростремительную тенденцию.

Программы политических партий на выборах 2019 г. свидетельствовали о сохранившейся актуальности темы децентрализации. В программе партии «Слуга народа» децентрализацию предлагается осуществить в соответствии с европейскими нормами: передать максимум возможных полномочий исполкомам местных советов, превратить государственные администрации

³⁹ Современное понимание федерализма включает в себя форму административно-территориального устройства, связанные с ней политические идеологию и практику, а также формирующий-ся на их базе социокультурный феномен.

⁴⁰ Опрос показал отношение украинцев к федерализации. «Взгляд». 11 октября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2019/10/11/1002597.html>. (дата обращения: 13.01.2019).

⁴¹ Децентрализация в Украине невозможна из-за политиков, — Рабинович. 24 канал. 22 октября 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://24tv.ua/ru/detsentralizatsiya_v_ukraine_nevozmozhna_izza_politikov_rabinovich_n499640. (дата обращения: 22.09.2019).

⁴² Закон України «Про внесення змін до Кримінального кодексу» України. [Электронный ресурс]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T141183.html. (дата обращения: 12.12.2019).

в «префектуры европейского типа»⁴³. В программе партии «Европейская солидарность» П. Порошенко говорилось о «завершении децентрализации и дальнейшем проведении административной реформы»⁴⁴. Оппозиционная платформа «За жизнь» также последовательно выступала за осуществление децентрализации, предлагая предоставить районным советам возможность формировать исполнительные комитеты⁴⁵.

На фоне стремительного падения рейтингов популярности правящей партии одним из главных результатов прошедших в октябре 2020 г. местных выборов стало укрепление региональных политических сил, что, вероятно, придаст импульс новому витку проявлений регионализма на Украине.

* * *

После потрясений 2013–2014 годов в украинском обществе, как и ранее в периоды социально-политической нестабильности, произошла заметная актуализация широкого круга вопросов и проблем, связанных с регионализмом. Его проявления основывались на различиях региональных идентичностей; в отдельных случаях на первый план выходили обстоятельства, обусловленные спецификой местной экономики. Активизации регионализма во многом способствовало ослабление центральной власти, значительное ухудшение социально-экономической обстановки в стране и избранный центральным правительством жёсткий курс, в основу которого были положены идеи украинизации, форсированного национального строительства в условиях политических и экономических вызовов. Можно говорить о том, что после 2014 г. на Украине получили развитие две разнонаправленные тенденции, центробежная и центростремительная, соотношение которых определяет динамику и на-

правленность процессов формирования новой модели взаимоотношений центра и регионов, а также общий «градус» политических проявлений регионализма.

При этом украинский регионализм не приобрёл нового качества: его развитие по-прежнему протекает в рамках жёсткой модели. В соответствии с концепцией А. Пааси, в рамках которой выделяются четыре стадии формирования регионов, применительно к современной Украине с разной степенью условности можно констатировать завершённость двух первых стадий: формирование территориального сознания и определение границ регионов, а также формирование идеологической и символической формы региональных проектов [Paasi 2003: 475–485]. Ещё не произошло формирование политических институтов и их встраивание в систему отношений центр–регионы.

Консервация жёсткого регионализма на Украине на фоне острого внутреннего гражданского конфликта с последующим переводом его в «замороженное» состояние осуществляется в целом по сценарию, который ранее был реализован в Молдавии. Напомним, что в 1992 г. Приднестровье столкнулось с попыткой насаждения этнократического молдавского проекта в регионе, жители которого не разделяли навязываемой им идентичности. После короткого вооружённого противостояния при участии российских военнослужащих был установлен мир, Приднестровье обрело государственность де-факто, которая остаётся не признанной не только Кишинёвом, но и другими членами международного сообщества. Попытки разрешения Приднестровского конфликта также изначально предпринимались с участием ряда внешних игроков. При этом на смену четырёхстороннему формату (Россия, Молда-

⁴³ Передвиборна програма партії «Слуга народу». [Электронный ресурс]. URL: www.sluga-narodu.com/program. (дата обращения: 29.09.2019).

⁴⁴ Передвиборна програма Політичної партії «Європейська Солідарність». [Электронный ресурс]. URL: <https://eurosolidarity.org/program/>. (дата обращения: 30.09.2019).

⁴⁵ Предвыборная программа политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» «Мир! Ответственность! Забота!». [Электронный ресурс]. URL: <http://zagittya.com.ua/page/rukovodstvo.html>. (дата обращения: 02.10.2019).

вия, Украина, Румыния) в 2005 г. пришёл формат «5+2» (Молдавия, Приднестровье, Россия, Украина, ОБСЕ + ЕС и США).

Следует отметить, что Молдавия, как и Украина, являет собой пример выраженной региональной гетерогенности. Наряду с Приднестровьем на территории Молдавской республики есть Гагаузская автономия с преобладающим тюркским православным населением, Тараклийский район, где проживают болгары, а на севере имеются районы, характеризующиеся относительно компактным проживанием русских. В 2003 г. Россия выдвинула «план Козака», в основе которого лежала идея превращения Молдавии с асимметричную федерацию, включавшую в себя два региона с особым статусом: Приднестровскую Молдавскую Республику и Гагаузскую автономию. План был отклонён молдавским руководством, как отмечают некоторые исследователи, под сильным политическим давлением со стороны Запада [Троицкий 2016: 33, Харитоновна 2015: 68]. Тем самым процесс регионализации в Молдавии оказался заложником внешнеполитических факторов и был заморожен. В Молдавии, как и на Украине, сформировалась модель жёсткого регионализма. Центр занял бескомпромиссную позицию в отношении не только Приднестровья, но и Гагаузской автономии. После референдума об отложенном

статусе Гагаузии (февраль 2014 года), который можно считать самым ярким после конфликта в Приднестровье проявлением регионализма, начался процесс поэтапного демонтажа отдельных атрибутов Гагаузской автономии, сопровождающийся усилением политического и финансового контроля со стороны Кишинёва.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод об общности украинской и молдавской моделей жёсткого регионализма. Их отличительной чертой выступает сильное воздействие внешних игроков, которое проявляется в том, что процессы регионализации становятся инструментами достижения политических целей в борьбе за влияние в регионе, а сами процессы регионализации в определённой степени отражают сложившийся баланс сил противоборствующих сторон.

Анализ и оценка соотношения центростремительных и центробежных тенденций, влияния внешних и внутренних факторов регионализации в государствах, отличающихся выраженными региональными различиями и при этом оказавшихся полем регионального и глобального политического соперничества, представляются перспективными направлением концептуализации моделей жёсткого регионализма в рамках замороженных конфликтов на постсоветском пространстве.

Список литературы

- Барзилов С., Новиков А., Чернышёв А. Особенности развития политико-идеологических процессов в российской провинции. Саратов; М., 1997. 95 с.
- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 12. С. 30–58.
- Дегтеренко А.М. Етнополітичні загрози та ризики національної консолідації: регіональний вимір. Аналітична записка // Національний інститут стратегічних досліджень України. 24 с. Режим доступа: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2016-12/nats_konsol-eee72.pdf (дата обращения: 22.12.2019).
- Дергачёв В., Вардомский Л. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 519 с.
- Есин Р. Современный регионализм: новые направления в теории // Проблемы управления. 2009. № 3 (32). С. 170–181.
- Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506 с.
- Зоткин А. Автономизм на Украине как механизм реализации политических интересов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. №3. С. 84–110.
- Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40). С. 67–116.
- Крылов М., Гриценко А. Идентичности на Украине: вызовы современности — эхо прошлого? // Мир перемен. 2015. № 2. С. 142–156.

- Міжнародний досвід боротьби із сепаратизмом: висновки для України. Міжнародний досвід боротьби із сепаратизмом: висновки для України: аналіт. доп. / О.О. Резнікова, А.О. Місюра, С.В. Дрьомов, К.Є. Войтовський. — К.: НІСД, 2016. — 52 с. (Сер. «Національна безпека», вип. 12). Режим доступу: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2017-01/Separatism_druk-8a53a.pdf. (дата обращения: 20.12.2019).
- Миллер А. Центр и окраина: Метаморфозы проблемы в 18–19 вв. Отношения власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге: Летний сад, 2003. 254 с.
- Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М.: Просвещение, 2004. 796 с.
- Орешина М.А. Регион как объект социально-гуманитарных исследований // Политическая наука / РАН ИНИОН. М., 2003. № 3. С. 142–152.
- Троицкий Е.Ф. Политика Европейского Союза в отношении Приднестровского конфликта (1992–2015 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 28–42.
- Украина после Евромайдана. Пять лет кризиса и надежд: рабочая тетрадь № 54/2019. — М.: НП РСМД, 2019. 60 с.
- Умланд. А., Романова В. Реформа децентрализации в Украине в 2014–2019 гг.: первые достижения и будущие вызовы // Идеология і політика. 2019. № 3(14). С. 148–169.
- Харитонов Н.И. Подходы к урегулированию приднестровского конфликта // Обозреватель — Обсервер. 2015. № 7. С. 56–74.
- Цена реформ / Под ред. В.М. Якушика. Днепр: Середняк Т.К., 2019. 209 с.
- Ярошенко І., Семигулина І. Проблемні питання реалізації реформи децентралізації влади в Україні // Проблеми економіки. 2015. №4. С. 177–187.
- Spindler M. Die Region als soziale Konstruktion // Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Ökonomie. Wiesbaden: VS Verlag, 2005. 183 s.
- Fawn R. Regions and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // Review of International Studies. 2009, Vol. 35. Supplement S1, 35 p.
- Hurrell A. Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. P. 331–358.
- Isseman A. Lost in Space? On the History, Status and Future of Regional Science // The Review of Regional Science. 1993. Vol. 23. P. 5–6.
- Paasi A. Region and Place: Regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485.

CURRENT POLITICAL MANIFESTATIONS OF REGIONALISM IN THE CONTEXT OF THE POWER CRISIS IN UKRAINE

ANDREY VAVILOV
Moscow, Russia

Abstract

This article analyzes the manifestations of regionalism in the context of a deep socio-political crisis in Ukraine. With the development of the political crisis that followed the coup d'etat in February 2014 in Ukraine, there was a noticeable actualization of issues and problems related to regionalism, society as a

whole demonstrated a request for the redistribution of powers between the power center and the regions. This is reflected in numerous initiatives of regional authorities and public organizations aimed at expanding the financial base, functions and rights of local authorities and self-government, as well as in policy documents of political forces. At the same time, in some cases, the idea of establishing a contractual relationship between the Central government and the regions was put forward, which is typical for the Federal model of government. In response to this request, the Executive branch made another attempt to implement local government reform under the slogan of decentralizing the country's state structure. Since 2014, Ukraine has developed two multidirectional trends – centrifugal and centripetal, the ratio of which will determine the dynamics and severity of political manifestations of regionalism. Despite numerous autonomist statements, Ukrainian regionalism remains within the "rigid" model formed in the post-Soviet period. The conflict in the South-East of the country and the deep involvement of the leading powers – Russia, the United States and the European Union—are the determining factor that predetermined the "freezing" of regionalization processes in Ukraine after 2014. After the signing of the Minsk agreements, the implementation of which means for Ukraine to introduce elements of Federal relations into the system of state structure, the reform of the state structure and territorial administration has become inextricably linked with Kiev's strategy towards the self-proclaimed republics of Donbas. Manifestations of regionalism were perceived by Kiev to a large extent in the context of threats to the territorial integrity of the country, which significantly limited the possibility of implementing the policy of decentralization. In addition, Russia and the United States have demonstrated in practice different approaches to the interpretation and implementation of the Minsk agreements, which has had a negative impact on the regionalization processes in Ukraine. The nature of the processes of regionalization in Ukraine allows to draw Parallels with the situation in Transnistria and around him, and to talk about common Moldovan and Ukrainian models hard regionalism, the hallmark of which is the transformation of the regionalization processes in a tool to achieve political goals of Russia and the West in conflict with the nature of their interaction on post-Soviet space.

Keywords:

Ukraine; regionalism; regionalization; decentralization; federalism; Ukrainian crisis; conflict in the Donbas.

References

- (2004). *Mir politicheskoy nauki*. Kn. 1. Kategorii [World of political science. Vol. 1. Categories]. M.: Prosveshhenie. 796 p.
- (2016). *Mizhnarodnij dosvid borot'bi iz separatizmom: visnovki dlja Ukraini. Mizhnarodnij dosvid borot'bi iz separatizmom: visnovki dlja Ukraini*. [International experience in the fight against separatism: conclusions for Ukraine. International experience in the fight against separatism: conclusions for Ukraine]. NISS. 52 p. Available at: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2017-01/Separatism_druk-8a53a.pdf. (accessed: 20.12.2019).
- (2019). *Ukraina posle Evromajdana. Pjat' let krizisa i nadezhd: rabochaja tetrad'*. [Ukraine after Euromaidan. Five years of crisis and hope: a workbook]. RIAC. # 54/2019. 60 p.
- Barzilov S., Novikov A., Chernyshev A. (1997). *Osobennosti razvitiya politiko-ideologicheskikh protsessov v rossijskoy provincii* [Features of the development of political and ideological processes in the Russian province]. Saratov. 95 p.
- Degterenko A.M. (2016). *Etnopolitichni zagrozi ta riziki nacional'noi konsolidacii: regional'nij vimir*. [Ethnopolitical threats and risks of national consolidation: regional dimension]. NISS. P.18. Available at: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2016-12/nats_konsol-eee72.pdf. (accessed: 22.12.2019).
- Dergachev V., Vardomskij L. (2004). *Regionovedenie*. [Regional studies] Moscow: JuNITI-DANA. 519 p.
- Esin R. (2009). Sovremennyy regionalizm: novye napravleniya v teorii [Modern regionalism: new directions in theory]. *Problemy upravleniya*. No. 3 (32). P. 170–181.
- Fawn R. (2009). Regions and Their Study: Wherefrom, What for and Where to? *Review of International Studies*. Vol. 35. Supplement S1. 35 p.
- Hurrell A. (1995). Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*. Vol. 21. P. 331–358.
- Isseman A. (1993). Lost in Space? On the History, Status and Future of Regional Science. *The Review of Regional Science*. Vol. 23. P. 5–6.

- Jaroshenko I., Semigulina I. (2015). Problemni pitannja realizacii reformi decentralizacii vladi v Ukraïni [Problematic issues of implementing the decentralization of power reform in Ukraine]. *Problemi ekonomiki*. No. 4. P. 177–187.
- KHaritonova N. (2015). Podhody k uregulirovaniju pridnestrovskogo konflikta [Approaches to the settlement of the Transnistrian conflict]. *Obozrevatel' – Observer*. No. 7. P. 56–74.
- Kiting M. (2003). *Novyj regionalizm v Zapadnoj Evrope* [New regionalism in Western Europe]. Logos. No. 6 (40). P. 67–116.
- Krylov M., Gritsenko A. (2015). Identichnosti na Ukraine: vyzovy sovremennosti – jehi proshlogo? [Identities in Ukraine: challenges of modernity-echoes of the past?]. *World of change*. Vol. 2. P. 142–156.
- Miller A. (2003). Tsentri i okraina: Metamorfozy problemy v 18-19 vv. Otnosheniya vlasti i obshhestvennogo mneniya v Rossii k Ukraine i Belorussii [Center and outskirts: Metamorphoses of the problem in the 18th and 19th centuries. Relations of the government and public opinion in Russia to Ukraine and Belarus]. In Gel'man V., Hopf T. (eds) *Tsentri i regionalnye identichnosti v Rossii*. Spb.; M.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v S-Peterburge: Letnij sad. 254 p.
- Oreshina M. (2003). Region kak ob'ekt social'no-gumanitarnyh issledovanij. [The region as an object of social and humanitarian research]. *Politicheskaja nauka*. No. 3. P. 142–152.
- Paasi A. (2003). Region and Place: Regional identity in question. *Progress in Human geography*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485.
- Spindler M. (2005). Die Region als soziale Konstruktion. In Spindler M. *Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen ekonomie*. Wiebaden: VS Verlag. 183 s.
- Troitskij E. (2016). Politika Evropejskogo Sojuza v otnoshenii Pridnestrovskogo konflikta (1992–2015 gg.) [Policy of the European Union towards the Transnistrian conflict (1992–2015 years)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 3. P. 28–42.
- Umland A., Romanova V. (2019). Reforma detsentralizacii v Ukraine v 2014–2019 gg.: pervye dostizheniya i budushhie vyzovy [Decentralization reform in Ukraine in 2014–2019: first achievements and future challenges]. *Ideologiya i politika*. No. 3(14). P.148–169.
- Voskresenskij A. (2012). Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsistem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsij v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes, and regional transformations in modern international relations]. *Sravnitel'naja politika*. No. 12. P. 30–58.
- Zamyatin D. (2004). *Metageografiya: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: image space and images of space]. Moscow: Agraf. 506 p.
- Zotkin A. (2010). Avtonomizm na Ukraine kak mehanizm realizacii politicheskikh interesov [Autonomism in Ukraine as a mechanism for the realization of political interests]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. No. 3. P. 84–110.

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОДНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

ДМИТРИЙ ЛАНКО

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ДМИТРИЙ НЕЧИПОРУК

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Резюме

Статья подводит итоги выполнения международно-политических задач Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 г. и даёт оценку новым вызовам международному сотрудничеству, с которыми Россия столкнётся в наступающем десятилетии в области охраны и использования трансграничных вод. За 2010-е годы изменилась как ситуация в сфере обеспеченности водными ресурсами России, её соседей и всего мира, так и научные подходы к оценке влияния дефицита воды на международную политику. Приверженцы большинства из них сходятся в том, что дефицит воды чаще приводит к международному сотрудничеству. Соглашаясь с таким подходом и развивая его, авторы подвергают критике гипотезу, согласно которой дефицит воды, как правило, служит источником конфликтов и что оптимальным инструментом смягчения этих конфликтов являются многосторонние международные институты. Данный подход основывается на гоббсовском понятии естественного состояния войны всех против всех за ограниченные ресурсы, единственной альтернативой которому являются институты принуждения, пусть и не всегда совершенные. Одновременно другие подходы, опирающиеся на политическую философию Томаса Гоббса, разделяют международно-политические процессы, обусловленные страхом, от тех, которые вызваны дефицитом. Последние, по Гоббсу, имеют иную логику развития. Конфликты, как правило, обуславливаются страхом, включая и страх дефицита, но дефицит как таковой чаще порождает сотрудничество. Если многосторонние институты подчас и способны смягчать конфликты, то в условиях дефицита воды более эффективными оказываются двусторонние и минилатеральные – создаваемые меньшим числом сторон – институты сотрудничества. Это подтверждает и рассматриваемый в статье опыт взаимодействия России с соседними государствами в области охраны и использования трансграничных водных ресурсов. Авторы делают вывод, что международно-политической составляющей водной стратегии России на предстоящий период более соответствует подход, предполагающий, что дефицит воды чаще порождает сотрудничество, чем конфликты. Двусторонние и мини-латеральные институты сотрудничества, в отличие от многосторонних соглашений, способны предложить странам, делящим общие водотоки, инструменты взаимодействия, более подходящие к условиям конкретного бассейна.

Ключевые слова:

Россия; водная политика; дефицит пресной воды; международное сотрудничество; многосторонние институты; мини-латерализм; Гоббс.

Анализ соглашений РФ с соседними странами в области использования трансграничных вод выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-68-46044.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2020

Дата принятия к публикации: 12.03.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: d.lanko@spbu.ru

nechiporuk79@mail.ru

В 2020 г. истёк срок действия Водной стратегии Российской Федерации, принятой в 2009 году¹. Между тем разработка новой редакции Водной стратегии затянулась. Возникшая пауза позволяет не только уточнить список тактических задач на ближайшие десять–пятнадцать лет, чтобы сформулировать, с одной стороны, максимально амбициозные, а с другой – максимально реалистичные планы, но и переосмыслить принципиальные вопросы, касающиеся основополагающих положений стратегии. В настоящее время важнейший из таких основополагающих принципов основывается на предположении о том, что дефицит воды якобы порождает конфликты. Это предположение было сформулировано в 1980-х годах тогдашним министром иностранных дел Египта Б. Бутросом-Гали, впоследствии ставшим Генеральным секретарем ООН [Reichert 2003]. За прошедшие десятилетия, как будет показано в настоящей статье, это предположение не получило достаточного подтверждения, хотя оно и сегодня крайне популярно в среде экспертов и исследователей.

В 2000-х годах тезис о конфликтогенности дефицита воды широко применялся при формировании основополагающих принципов международно-политических аспектов водной политики России. Российские исследователи неоднократно писали о «конфликтном аспекте глобальной проблемы дефицита воды» (например, [Орлов и др. 2011: 49]). Принятая в 2015 г. Стратегия национальной безопасности России называет дефицит воды в качестве одного из вызовов наряду с изменением климата². Руководитель Федерального агентства водных ресурсов Д.М. Кириллов

отмечал, что «недостаток [водных] ресурсов уже приводит к напряжению в отношениях между государствами»³. Целью данной статьи является критическое переосмысление предположения об изначальном конфликтном потенциале дефицита воды, включая как теоретические, так и практические аспекты, что поможет сформулировать конкретные рекомендации для российской водной дипломатии.

По мнению авторов статьи, дефицит воды гораздо чаще приводит к возникновению международного сотрудничества на двусторонней или мини-латеральной (то есть между тремя–пятью странами) основе, чем способствует обострению существующих международных конфликтов.

В теоретико-философском плане дефицит воды является частным случаем «нужды», которую Т. Гоббс рассматривал как самостоятельную категорию, отличную от категории «страха». Если страх, включая страх дефицита, порождает конфликты, то дефицит как таковой порождает сотрудничество. Осознание этого на рубеже XX и XXI веков способствовало повороту в научных исследованиях международных отношений, посвящённых международной политике в условиях дефицита воды. В начале XXI века возросло число работ, рассматривающих ситуацию дефицита воды как возможность наладить трансграничное сотрудничество между государствами.

К тезису об угрозе конфликта в случае дефицита воды прибегают главным образом сторонники контроля водных ресурсов со стороны многосторонних институтов глобального управления. Нам же представляется, что контроль многосторонних институтов над мировыми запасами воды не-

¹ Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2009 г. № 1235-р URL: <http://government.ru/docs/10049/> (дата обращения: 26.03.2021).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/294430 (дата обращения: 26.03.2021).

³ Кириллов Д.М. Дороже нефти: интервью с Руководителем Федерального агентства водных ресурсов Д.М. Кирилловым // Комсомольская правда. 2020. 25 июня. <https://www.kp.ru/daily/27147.3/4241488/> (дата обращения: 26.03.2020).

выгоден государствам, обладающим значительными запасами воды, включая Россию. Более того, в условиях усугубляющегося дефицита воды, в том числе в отдельных регионах России и в соседних странах, многосторонние институты демонстрируют неспособность предложить эффективные модели управления водными ресурсами. Как показывает случай Центральной Азии, который будет рассмотрен в настоящей статье, сокращающиеся водные ресурсы вкупе с неспособностью многосторонних институтов предложить эффективные модели управления ими не приводят к обострению региональных конфликтов. Напротив, наблюдаются пусть и символические, но шаги к налаживанию сотрудничества между странами региона с разной водной обеспеченностью.

Россия обладает значительным позитивным опытом двустороннего сотрудничества в области использования трансграничных вод. Продвижение этого опыта на международной арене может стать элементом российской водной дипломатии, способствующим укреплению российской «мягкой силы» в целом. Анализ нормативно-правовой базы сотрудничества России с её соседями в этой области, результаты которого будут представлены ниже, позволяет уточнить специфику российского опыта. Одновременно результаты этого анализа позволяют сформулировать важнейшую задачу российской водной дипломатии на предстоящий период, которая заключается в налаживании сотрудничества с соседями в данной области на минилатеральной основе. С одной стороны, это проистекает из особенностей российских пограничных водных систем, с другой стороны, минилатеральное сотрудничество предлагает альтернативу в случаях, когда многосторонние институты не справляются с задачей эффективного управления водными ресурсами.

1

Дискуссия о конфликтном потенциале дефицита ресурсов уходит корнями в политическую философию Томаса Гоббса,

которая даёт основания некоторым исследователям заключить, что «материальный дефицит является ... причиной конфликта в естественном состоянии» [Newey 2010, p. 66]. В «Левиафане» Т. Гоббса понятие дефицита («нужды» в переводе А. Гутермана [Гоббс 2019], «need» в английском издании [Hobbes 2004]) часто появляется в паре с понятием страха. Страх и дефицит, в понимании Гоббса, делают естественное состояние таким, какое оно есть. В главе VIII «Левиафана» страхом и дефицитом объясняется «пользование несправедливыми или бесчестными средствами» [Гоббс 2019: 76], а в главе X – «рабское положение» [Гоббс 2019: 97]. В главе XIII, где естественное состояние характеризуется как «война всех против всех», страх и дефицит определяются как «страсти, делающие людей склонными к миру» [Гоббс 2019: 136]. Тем не менее дефицит не есть страх. В этой связи в главе IV «Левиафана» дефицит, но не страх объявляется «матерью всех изобретений» [Гоббс 2019: 30].

Международная политика обуславливается как страхом, так и дефицитом, хотя два этих фактора оказывают на неё разное влияние, что можно увидеть в трудах приверженцев неореализма и неолиберализма в теории международных отношений, написанных под влиянием «Левиафана». Говоря о влиянии Т. Гоббса на неореализм, М. Дж. Смит отмечает, что «понимание международного естественного состояния как состояния войны разделяется практически всеми, кто называет себя реалистами» [Smith 1987: 13]. В условиях страха, полагают неореалисты, «гегемония делает сотрудничество более осуществимым» [Gilpin 2001: 94], но в условиях дефицита сотрудничество может возникнуть и без гегемонии. Например, по мнению С.Д. Краснера, сотрудничество позволяет «структурировать международную торговлю, распределить радиочастоты между станциями, вещающими из разных государств, упорядочить исследования космоса и определить единые правила добычи полезных ископаемых с морского дна» [Krasner 1982: 498].

Влияние Т. Гоббса на неолиберализм меньше, чем на неореализм. Л. Штраусс писал, что «[е]сли мы можем назвать либерализмом ту политическую доктрину, которая рассматривает как фундаментальный политический факт права человека... и отождествляет функцию государства с защитой или сохранением упомянутых прав, то мы должны сказать, что основателем либерализма был Гоббс» [Штраусс 2007: 174]. Основываясь на либеральных представлениях об уважении прав человека и основных свобод как о наиважнейшем принципе международного права, основоположник научной школы по изучению конфликтного потенциала дефицита ресурсов П.Г. Глейк предложил исследователям международных отношений концепцию «права человека на воду» [Gleick 1998]. Он же стал одним из наиболее последовательных сторонников тезиса о конфликтном потенциале дефицита воды. Для подтверждения этого тезиса в одной из своих работ он даже допустил возможность использования гидротехнических сооружений в качестве оружия в конфликте между государствами [Gleick 1993].

В отличие от неореалистов, неолибералы не различают аспекты международной политики, обусловленные страхом и дефицитом, рассматривая обусловленную дефицитом политику как разновидность политики, обусловленной страхом — страхом дефицита. Право на воду выступает в их трудах не как цель, но как средство избежать международных конфликтов из-за воды. Обеспечение права на воду, по их мнению, является задачей многосторонних международных институтов. Например, Ф. Ченевал [Cheneval 2007] ссылается на Т. Гоббса, доказывая, что многосторонние институты приобретают всё большее значение в условиях транснациональных угроз, включая дефицит воды. Для неолибералов в «Левиафане» значимо противопоставление Европы XVII века, где люди жили под властью, «державшей всех в страхе» [Гоббс 2019: 133], и современной ей Америки, где «дикие народности... не имеют никакого правительства» [Гоббс 2019:

135]. По аналогии, сегодня они обнаруживают в каждом регионе мира «зоны стабильного мира», поддерживаемого, по их мнению, многосторонними институтами глобального управления, и «зоны войны» [Solingen 1998], где рекомендации таких институтов отвергаются.

Таким образом, дефицит — не менее значимый мотив международно-политического поведения, чем страх, но влияние этих двух движущих сил различно. Неолибералы рассматривают многосторонние институты глобального управления как средство против страха, в то время как неореалисты скептически относятся к потенциалу таких институтов. Тем не менее возможность сотрудничества на двусторонней и мини-латеральной основе в условиях дефицита подтверждают и неореалисты. По поводу способности многостороннего сотрудничества преодолевать страх дефицита ведутся споры, но дефицит без страха — «мать всех изобретений», по мнению Т. Гоббса, — способствует возникновению разнообразных форм сотрудничества в зависимости от условий, характерных для каждого конкретного случая.

2

В начале XXI века научные школы, изучающие влияние водных ресурсов на международную политику, пережили трансформацию. Ранее большинство из них следовали традиции, заложенной ещё в годы «холодной войны» (например, [Cooley 1984]), рассматривавшей дефицит воды в качестве фактора международных конфликтов. Между тем в XXI веке начала формироваться тенденция рассматривать дефицит воды также и в качестве фактора международного сотрудничества [Grover 2007]. Ведь любой, кто читал «Маугли» Р. Киплинга, знает, что когда начинается засуха и вода «...остаётся лишь в одном только месте, то на время водооя в джунглях прекращается всякая охота». Россия не сталкивается с острыми засухами в своих трансграничных бассейнах. Тем не менее приверженцы идеи о многостороннем контроле над водными ресурсами, в том

числе в России, зачастую в своей аргументации апеллируют именно к крайним формам дефицита воды.

Они умалчивают, что «избыточный аффективный мотив [в международных конфликтах] опаснее того, который мотивирован условным дефицитом» [Сушенцов 2010: 78]. В начале XXI века тезис о большем конфликтном потенциале избыточности по сравнению с дефицитом был признан многими исследователями международных отношений в области использования вод. Например, в 2000-х годах группа исследователей Института мира в Осло под руководством Н.П. Гледича выявила, что вероятность начала военного конфликта между государствами при прочих равных условиях выше, если граница между ними пересекает общую реку [Gleditsch et al. 2006]. Нельзя не заметить, что военные действия чаще всего ведутся в долинах рек не из-за невозможности поделить ресурсы реки мирными способами, но из-за того, что ведение военных действий в горах крайне затруднено. Недаром переходы Альп армиями Ганнибала и А.В. Суворова получили столь широкую известность.

Неудивительно, что впоследствии эта группа исследователей была вынуждена заняться главным образом внутригосударственными конфликтами, поскольку число случаев межгосударственных конфликтов из-за воды оказалось невелико. Одновременно была сделана попытка определить факторы межгосударственного сотрудничества в условиях дефицита воды [Böhmelet et al. 2014]. Сама идея, что обусловленный влиянием человека на окружающую среду дефицит ресурсов, включая воду, приводит не столько к конфликту, сколько «к международному сотрудничеству, ставя перед государствами и транснациональными группами задачи, которые не могут быть решены без взаимодействия» [Hoerger-Dixon 1999: 5], была сформулиро-

вана еще в 1990-х годах. Опираясь на эту гипотезу, Я. Селби подтвердил, что вероятность вооружённых конфликтов из-за воды на межгосударственном уровне невелика, в отличие от конфликтов из-за нефти [Selby 2005]. При этом частота таких конфликтов на внутригосударственном уровне выше.

Группа исследователей университета штата Орегон под руководством А.Т. Вулфа исследовала договорную базу международного сотрудничества в водной сфере. Собранный ими коллекция насчитывает более шестисот соглашений, начиная с российско-австрийского соглашения 1871 г. о регулировании уровня воды в пограничных реках Висла и Сан ради обеспечения навигации⁴. Его подписание стало первым шагом на пути к русско-австрийскому договору 1873 г. и к созданию Союза трёх императоров. Однако коллекция не содержит соглашений, подписанных после 2007 года, и последним документом с участием России в ней является соглашение с Беларусью в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов 2002 года. Более того, отчёт о работе этой группы не содержит анализа таких соглашений с участием постсоветской России, поскольку изучались только соглашения, заключённые на английском, французском, испанском, немецком, польском и португальском языках [Giordano et al. 2014: 249].

Выводы исследователей, даже и без учёта российского опыта, представляются оптимистичными. Основное заключение работы – «большая часть... трансграничных бассейнов в настоящее время официально регулируются по крайней мере одним договором» [Giordano et al. 2014: 261]. Необходимость делить общий бассейн чаще ведёт к сотрудничеству между государствами, заставляя их заключать международные соглашения, чем провоцирует конфликты между этими государствами.

⁴ Transboundary Freshwater Dispute Database // Programme in Water Conflict Management and Transformation, College of Earth, Ocean and Atmospheric Sciences, Oregon State University. URL: <https://transboundarywaters.science.oregonstate.edu/content/transboundary-freshwater-dispute-database> (accessed: 26.03.2021).

Другая группа исследователей, также опирающаяся в своей работе на гипотезу Т.Ф. Гомера-Диксона, показала, что наиболее часто сотрудничество возникает в ситуациях среднего дефицита воды, в то время как при остром либо незначительном дефиците вероятность сотрудничества ниже [Dinar, Dinar, Kurukulasiriya 2011]. Наконец, однажды возникшие двусторонние институты сотрудничества скорее сохраняются, чем исчезают в случае обострения конфликтов между данными государствами по иным, не связанным с распределением водных ресурсов причинам.

З

Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 г. не содержала упоминаний конфликтного потенциала дефицита воды, слово «конфликт» в ней вообще ни разу не упоминалось. Тем не менее в ней много говорилось о международном сотрудничестве, которое является «ключевым аспектом государственной политики в сфере водных отношений» и «важнейшим механизмом реализации Стратегии». Аналогично в тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2015 году, дефицит пресной воды упоминался в качестве вызова безопасности государства наряду с последствиями изменения климата. Вместе с тем и здесь дефицит воды не назывался в качестве причины возникновения международных конфликтов. Вместо этого в документе указывалось на международное сотрудничество как на инструмент «противодействия угрозам в области экологической безопасности и рационального природопользования».

Оба документа признавали потенциал дефицита воды для международного сотрудничества, но не разделяли чётко многостороннее сотрудничество, с одной стороны, и региональную, двустороннюю и мини-латеральную кооперацию – с другой.

Необходимость такого разделения обуславливается существованием двух типов экологических угроз: локальных и глобальных [Bhagwati 2004: 158]. Первые зачастую затрагивают безопасность двух или нескольких сопредельных государств, однако лишь вторые затрагивают безопасность всех стран мира, вне зависимости от удалённости от источника загрязнения. Одним из немногих примеров глобальных экологических угроз выступает изменение климата, упоминаемое в Стратегии национальной безопасности вместе с дефицитом воды.

В XXI веке мировые промышленные лидеры в Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии стали внедрять, пусть и медленно, модели рационального природопользования, позволяющие смягчить последствия изменения климата. Это должно положительно сказаться на судьбе таких столь отдалённых от указанных регионов стран, как островные государства Океании, само существование которых оказалось под угрозой в результате поднятия уровня Мирового океана вследствие изменения климата. Это будет способствовать и повышению точности гидрометеорологических прогнозов [Scher, Messeri 2019], включая прогнозы формирования в зимний период запасов снега в районах, расположенных к северу от сороковой параллели северной широты [Adam, Hamlet, Lattinmaier 2009]. Другими словами, предпринимаемые усилия напрямую касаются России, где снег играет существенную роль в круговороте воды, усугубляя или сокращая (в зависимости от количества осадков, выпадающих в холодное время года) дефицит воды в отдельных российских регионах.

Попытки решения проблемы дефицита воды также предпринимаются на глобальном уровне, в первую очередь, в рамках достижения шестой Цели устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 года⁵.

⁵ United Nations General Assembly. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. New York, September 25–27, 2015. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed: 26.03.2021).

Страны мира стремятся обеспечить доступность и устойчивое управление водоснабжением и санитарией для всего населения Земли, в частности, если того требуют обстоятельства, посредством трансграничного сотрудничества. В практическом плане это означает стремление к тому, чтобы в 2030 г. все без исключения страны мира, вынужденные делить трансграничные речные бассейны, подписали бы соглашения, регулирующие использование их вод. Принимая во внимание бесконечное многообразие трансграничных речных бассейнов и особенностей отношений делящих их государств, ЦУР содержат крайне расплывчатые требования к содержанию таких соглашений.

Уточнение таких требований, к чему призывает ряд исследователей (например, [Hussein, Menga, Greco 2018]), представляется излишним. Ведь это негативно повлияет на достижимость ЦУР в условиях, когда по состоянию на 2020 г. даже экономически развитые страны не предоставляли статистические данные по 40–50% индикаторов [Gennari, Navarro 2020]. Сверх того, это противоречит решению задачи по обеспечению российского «суверенитета над водотоками Сибири и Дальнего Востока» [Likhacheva 2020: 173–176] и шире – над всеми водными ресурсами страны. Дефицит воды является локальной угрозой, поскольку внедрение моделей рационального водопользования в бассейне одной реки не сможет сократить дефицит воды в бассейне другой реки. Если смягчение последствий глобальных угроз требует многостороннего сотрудничества на глобальном уровне, то растущий дефицит воды стимулирует

региональное, двустороннее и мини-латеральное сотрудничество.

4

Попытки глобального управления водными ресурсами отвечают интересам России лишь в той мере, в какой они стимулируют её соседей к подписанию двусторонних и мини-латеральных соглашений с Москвой об использовании трансграничных вод. Когда же они превращаются в навязывание конкретных положений таких соглашений под предлогом того, что альтернативой их принятия станет конфликт, якобы неизменно возникающий в условиях дефицита воды, такие попытки становятся контрпродуктивными. Важный с точки зрения российских интересов пример в данном контексте представляют усилия Европейской экономической комиссии ООН навязать единую модель взаимодействия в области использования дефицитных водных ресурсов региона странам Центральной Азии под предлогом смягчения региональных конфликтов⁶, которые так и не были поддержаны государствами Центральной Азии.

На дефицит воды как на важнейший элемент контекста международных конфликтов в регионе Центральной Азии указывает ряд авторов [Hummel 2017; Menga 2017], в том числе и российские специалисты [Боришполец 2010; Ким 2018], а также исследователи из самих стран Центральной Азии [Аскеева и др. 2017; Жансаутова и др. 2018]. Готовность вести «последовательную совместную работу... с международными организациями с целью недопущения конфликтных ситуаций» в условиях, когда «доступ к чистой воде – это, по сути дела,

⁶ ЕЭК ООН. Качество воды трансграничных рек в Центральной Азии: инициирована платформа для сотрудничества. Сообщение для прессы от 20 сентября 2011 г. URL: <https://unece.org/ru/press/kachestvo-vody-transgranichnykh-rek-v-centralnoy-azii-inicirovana-platforma-dlya> (дата обращения: 26.03.2021); *Либерт Б.* Проект концепции стратегии СПЕКА по водным, энергетическим ресурсам и окружающей среде. Представлен на Четырнадцатой сессии Руководящего совета СПЕКА, Ашгабат, Туркменистан, 21 ноября 2019 г. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/SPECA/documents/gc/session14/Draft_Concept_of_the_SPECA_Strategy_on_WEE_Russian.pdf (дата обращения: 26.03.2021).

⁷ *Токаев Ж.К.* Выступление на заседании Дискуссионного клуба «Валдай». Сочи, Россия. 2019. 3 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 26.03.2021).

один из вызовов безопасности Центральноазиатского региона»⁷, периодически демонстрируют и лидеры стран региона, расположенных в низовьях крупных трансграничных рек – Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, чья обеспеченность водой зависит от объемов отбора в странах, расположенных в верховьях этих рек, – Таджикистане и Киргизии.

Однако даже Казахстан, Узбекистан и Туркменистан не готовы согласиться с рекомендациями ЭК ООН, которые предполагают не только установление многостороннего контроля за отбором воды из трансграничных рек в Таджикистане и Киргизии, но и за водопользованием в самих этих странах. Тем более не согласны с установлением такого контроля Душанбе и Бишкек. Последние могли бы уступить часть прав по бесконтрольному отбору воды из трансграничных рек, но лишь в обмен на содействие многосторонних институтов в «решении проблем бедности, борьбе со стихийными бедствиями» и «облегчении долгового бремени» вплоть до «списания задолженности по официальным двусторонним кредитам»⁸, причём в объёмах, существенно превышающих возможности самих многосторонних институтов.

Текст Водной стратегии России содержит призыв к «усилению [её] роли... в решении глобальных проблем в области охраны и использования водных ресурсов... в решении водохозяйственных проблем Центральной Азии». Объединение в одном предложении глобальных проблем и отдельного региона создаёт впечатление, что данную проблему невозможно решить на локальном уровне без участия институтов глобального управления. Однако по-

следние уже доказали свою неэффективность в контексте водохозяйственных проблем региона. Это не означает, впрочем, что там произойдёт обострение конфликтов, вызванных дефицитом воды. Напротив, в последнее время наблюдается снижение остроты полемики между Узбекистаном и Таджикистаном по вопросу об использовании общих вод.

В частности, Ш.М. Мирзиёев активно критиковал строительство Рогунской гидроэлектростанции в Таджикистане на реке Вахш, будучи премьер-министром Узбекистана в период правления президента И.А. Каримова. Став президентом страны, он также какое-то время поддерживал предложенные Генеральным секретарем ООН А. Гутеррешем проекты Конвенций ООН об использовании водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи⁹. Однако после своего визита в Таджикистан в марте 2018 года¹⁰ Ш.М. Мирзиёев отказался от критики Рогунской ГЭС, усмотрев в поставках производимой на ней электроэнергии потенциал для экономического развития своей страны. Пусть и символическое, улучшение таджикско-узбекских отношений становится примером позитивного влияния двустороннего и мини-латерального сотрудничества в области охраны и использования трансграничных вод в условиях, когда предлагаемые многосторонними институтами решения оказываются несостоятельными.

5

Россия заключила соглашения о сотрудничестве в области использования трансграничных вод с десятью соседними государствами – это больше, чем у любой другой страны мира. Одно из этих соглашений

⁸ Рахмон Э. Выступление на Международной конференции высокого уровня по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода выполнения Международного десятилетия действий «Вода для жизни», 2005–2015. Душанбе, Таджикистан, 8 июня 2010 г. URL: https://mfa.tj/uploads/main/2013/03/kitobi_ob_rus.pdf (дата обращения: 28.12.2020).

⁹ Мирзиёев Ш.М. Начало российско-узбекистанских переговоров в расширенном составе. 2017. 5 апреля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/54222> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁰ Панфилова В. Рахмон и Мирзиёев побратались: между Душанбе и Ташкентом почти не осталось нерешённых вопросов // Независимая газета. 2018. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-03-12/5_7187_rahmon.html (дата обращения: 26.03.2021).

является трёхсторонним – с Финляндией и Норвегией¹¹. Заключены двусторонние соглашения с Финляндией¹², Украиной¹³, Монголией¹⁴, Эстонией¹⁵, Беларусью¹⁶, Китаем¹⁷, Азербайджаном¹⁸, Казахстаном¹⁹ и Абхазией²⁰. Соглашение с Украиной перестало действовать в 2014 году, не заключены пока соглашения с Латвией, Литвой, Грузией и Северной Кореей. В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа текстов этих соглашений, которые показывают, в чём именно заключается российский опыт сотрудничества с соседями в области использования трансграничных вод.

Результаты сравнительного анализа текстов межгосударственных соглашений России об использовании общих вод показывают, что важнейшими элементами трансграничного сотрудничества в водной

сфере выступают обмен информацией о проводимых сторонами этих соглашений водохозяйственных и водоохраных мероприятиях, а также обмен данными мониторинга вод. И совещания уполномоченных, и совместные комиссии являются эффективными инструментами сотрудничества, а выбор конкретного инструмента зависит от контекста конкретного соглашения, от особенностей трансграничного речного бассейна, хозяйственной деятельности в нём и характера отношений с конкретной страной. Упоминание в текстах соглашений иных международных документов, а также отраслей экономики, зависящих от выполнения данного соглашения, также обусловлено контекстом.

Российский опыт реализации этих соглашений в их многообразии востребован как на постсоветском пространстве, в пер-

¹¹ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик, Правительством Норвегии и Правительством Финляндии о регулировании режима озера Инари посредством гидроэлектростанции и плотины Кайтакоски от 29 апреля 1959 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=6790> (дата обращения: 26.03.2021).

¹² Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о пограничных водных системах от 24 апреля 1964 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3283> (дата обращения: 26.03.2021).

¹³ Соглашение между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 19 октября 1992 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3281> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод от 11 февраля 1995 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3282> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных вод от 20 августа 1997 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3279> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Белоруссия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 24 мая 2002 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3280> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод от 29 января 2008 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3278> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур от 3 сентября 2010 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3276> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов от 7 сентября 2010 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=3277> (дата обращения: 26.03.2021).

²⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов от 6 октября 2011 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=6789> (дата обращения: 26.03.2021).

Таблица 1
Соглашения России с соседними странами в области использования трансграничных вод

Критерий анализа	Год заключения соглашения									
	1959	1964	1992	1995	1997	2002	2008	2010 (а)	2010 (б)	2011
Основной инструмент сотрудничества – совещание уполномоченных	X		X	X						
Основной инструмент сотрудничества – совместная комиссия		X			X	X	X	X	X	X
Стороны обмениваются информацией о водохозяйственных мероприятиях	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Стороны обмениваются данными мониторинга вод				X	X	X	X	X	X	X
Упомянется электроэнергетика и/или рыболовство	X	X								
Упомянутся многосторонние конвенции					X	X		X	X	X
Упомянутся двусторонние договоры						X	X			
Упомянется необходимость координации с другими совместными комиссиями								X		X

*Примечание: полные названия заключённых соглашений приведены в сносках на стр. 113. С учётом того, что в 2010 г. было заключено два соглашения, они обозначены: с Азербайджаном – 2010(а), с Казахстаном – 2010(б).
Источник: составлено авторами.*

вую очередь в Центральной Азии, так и в более широком плане, например странами БРИКС. В частности, на полях Йоханнесбургского саммита БРИКС 2018 г. Россия и Южно-Африканская Республика подписали Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в области водных ресурсов²¹, затрагивающий также вопросы гидроэнергетики. Новая редакция Водной стратегии России могла бы содержать в дополнение к требованиям по «развитию международного сотрудничества в области использования и охраны водных объектов» также и другие меры по продвижению уже имеющегося опыта такого сотрудничества, не ограничиваясь исключительно поддержкой зарубежных проектов, основывающихся на российском опыте, как это зафиксировано в нынешней редакции Водной стратегии.

В данном контексте приоритетную значимость приобретает возможность проведения десятой сессии встречи сторон Водной конвенции ЕЭК ООН в 2024 г. в России. Хотя, как было показано выше,

Секретариат ЕЭК ООН не смог привлечь экспертов, которые предложили бы единую модель взаимодействия в области использования дефицитных водных ресурсов Центральной Азии, устроившую бы все или хотя бы большинство стран региона, проводимая благодаря его усилиям раз в три года встреча сторон Водной конвенции была и остаётся одним из самых представительных международных форумов в сфере водной дипломатии.

Реализация международно-политических задач, поставленных в предыдущей редакции российской Водной стратегии, не всегда была успешной. Например, документ предполагал появление к 2020 г. «двухсторонней и многосторонней договорной базы о совместном использовании и охране трансграничных водотоков, в частности в отношении рек Самура, Немана и Западной Двины». Применительно к Самуру эта задача была решена, но применительно к Неману и Западной Двине – нет. Представляется, что задачи по заключению соглашений по Неману и Западной Двине

²¹ Президент Российской Федерации. Переговоры с Президентом ЮАР Сирилом Рамафозой. 2018. 26 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58107> (дата обращения: 26.03.2021).

должны не просто быть автоматически перенесены в новую редакцию Стратегии, но её текст мог бы содержать результаты анализа причин, почему такие соглашения не были заключены в 2010-х годах.

Сформировать договорную базу о совместном использовании Немана и Западной Двины трудно потому, что бассейны этих рек являются общими не для двух стран, как большинство трансграничных бассейнов России, а для трёх: России, Беларуси и Литвы в первом случае, России, Беларуси и Латвии – во втором. Для того чтобы подчеркнуть отличие сотрудничества трёх–пяти стран как от двустороннего, так и от многостороннего с большим числом участников, для обозначения такого сотрудничества введён термин «мини-латерализм» [Kahler 1992]. До сих пор у России был лишь один успешный опыт реализации трёхстороннего соглашения о совместном использовании трансграничного водного бассейна – соглашение с Финляндией и Норвегией 1959 года. Тем не менее начиная с середины 2010-х годов всё большее число исследователей называют мини-латерализм эффективным форматом решения международных проблем, причём по разным причинам. Так, более половины всех научных работ, рассматривающих проблему мини-латерализма в контексте международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, были опубликованы с момента выхода статьи Р. Фолкнера в 2015 г. [Falkner 2015].

Либералы рассматривают распространение мини-латерализма как следствие кризиса однополярной системы, сформировавшейся после окончания «холодной войны», что ведёт к становлению новой системы международных отношений, основанной на подлинно многостороннем глобальном управлении [Hampson, Heinbecker 2011]. Напротив, реалисты видят в мини-латерализме следствие кризиса многосторонних институтов глобального управления, ранее эффективно регулировавших, например, сферы международной торговли и финансов [Wremmer 2014; Жариков 2017]. Вне зависимости от того, является ли рост

значимости мини-латерализма следствием кризиса однополярности или многосторонности, он предлагает удачный формат решения проблем с учётом региональной и локальной специфики. Он полностью отвечает целям развития договорной базы по совместному использованию трансграничных вод между Россией и её соседями.

* * *

С момента утверждения Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 г. в стране совершенствовалась система государственного управления использованием и охраной вод, включая международное сотрудничество. Тем не менее некоторые международно-политические задачи, заявленные в Стратегии, остались невыполненными. Прошедшее десятилетие, ознаменовавшееся важными изменениями внутри России, в сопредельных странах, а также на глобальном уровне, побуждает формулировать новые стратегические задачи международно-политического характера. Новая редакция Водной стратегии могла бы включать в себя положение о дефиците воды, характерном для ряда регионов России, а также для соседних приграничных регионов, что придало бы этому документу значимость для выстраивания взаимоотношений России с сопредельными странами в указанной сфере.

Продолжая поддерживать проекты по созданию водохозяйственных объектов по российскому образцу в государствах с дефицитом водных ресурсов, Москва могла бы сделать ставку на приоритетные проекты приграничного сотрудничества, в которых сопредельные с Россией регионы соседних стран участвовали бы в общих проектах вместе с субъектами Российской Федерации. Новая редакция Водной стратегии могла бы упомянуть, что дефицит воды не только требует углубления международного сотрудничества, но и стимулирует его. В условиях, когда дефицит воды способствует кооперации, курс на ускорение формирования общих институтов на двусторонней или мини-латеральной основе будет способствовать росту влияния России. Промедление

же в этом вопросе приведёт к тому, что лидерство отойдёт к другим странам.

Новая редакция Водной стратегии могла бы разграничить международное сотрудничество в водной сфере на глобальном, региональном и двустороннем, мини-латеральном уровнях. Взаимодействие на глобальном уровне отвечает интересам России в той мере, в какой оно стимулирует углубление сотрудничества на других уровнях. Если же участие в тех или иных программах сотрудничества на глобальном уровне требует от России отказаться от обязательств по отношению к своим соседям либо требует от соседей России отказаться от обязательств перед ней, то участие в таких программах не соответствует российским интересам. Тревогу вызывают глобальные институты, претендующие на ведущую роль под предлогом того, что альтернативой её признанию станет конфликт, якобы неизбежно возникающий в условиях дефицита воды.

Кроме того, обновлённая Водная стратегия могла бы разграничить различные типы проектов по созданию водохозяйственных объектов по российскому образцу в государствах с дефицитом водных ресурсов и выстроить иерархию приоритетности таких проектов. Эта касается как проектов приграничного сотрудничества, так и приоритетных проектов в сопредельных с Россией регионах. В первую очередь, мы имеем

в виду Центральную Азию, где проблема дефицита воды стоит наиболее остро. Это касается и проектов, реализуемых вдали от российских границ. Всё это будет способствовать распространению российского опыта рационального использования и охраны водных объектов. При этом Москве не следует забывать и о других инструментах продвижения своего опыта, включая форумы глобальных и региональных институтов управления в водной сфере.

Поддержка и проведение научных исследований назывались в числе мер, нацеленных на реализацию Водной стратегии России ещё в старой её редакции. В условиях, когда кризис однополярности и глобальных многосторонних институтов управления увеличивает значимость мини-латерального сотрудничества в международных отношениях, российские исследователи-международники могли бы разработать модели трёх-пятисторонних переговоров и сотрудничества в таком формате. Это содействовало бы не только реализации новой редакции Водной стратегии России, в которой непременно будут поставлены задачи по формированию правовой базы трёхстороннего сотрудничества в конкретных трансграничных бассейнах, но и совершенствованию системы государственного управления России в части обеспечения международного сотрудничества в целом.

Список литературы

- Аскеева Г., Габдулина Б., Нечаева Е., Смакова Ж. Трансграничное водное сотрудничество стран Центральной Азии в контексте обеспечения региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20. № 1. С. 71–84.
- Боришполец О.П. Вода как *regretuum mobile* центральноазиатской политики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 5. С. 24–36.
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Рипол-классик, 2019. 624 с.
- Жансаутова А., Нечаева Е., Казбекова Н. Политические риски в обеспечении водной безопасности: опыт стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 4. С. 27–37.
- Жариков М.В. Финансовый минилатерализм как инструмент антикризисной политики стран БРИКС // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 60–62.
- Ким Х. Дружественность и враждебность в поведении стран Центральной Азии: опыт моделирования на основе контент-анализа // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2. С. 156–174.
- Орлов А.А., Чечевишников А.Л., Чернявский С.И., Федорченко А.В. Проблема пресной воды: глобальный контекст политики России // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18). С. 45–52.
- Сушенцов А.А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3. С. 70–84.

- Штраусс Л.* Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. 312 с.
- Adam J.C., Hamlet A.F., Lattenmaier D.P.* Implications of Global Climate Change for Snowmelt Hydrology in the Twenty-First Century // *Hydrological Processes*. 2009. Vol. 23. No. 7. P. 962–972.
- Böhmelt T., Bernauer T., Buhaug H., Gleditsch N.P., Tribaldos T., Wischnath G.* Demand, Supply, and Restraint: Determinants of Domestic Water Conflict and Cooperation // *Global Environmental Change*. 2014. Vol. 29. P. 337–348.
- Brummer C.* *Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law, and Financial Engineering Are Redefining Economic Statecraft*. New York: Cambridge University Press, 2014. 219 p.
- Cheneval F.* The Hobbesian Case for Multilateralism // *Swiss Political Science Review*. 2007. Vol. 13. No. 3. P. 309–335.
- Cooley J.K.* The War over Water // *Foreign Policy*. 1984. No. 54. P. 3–26.
- Dinar S., Dinar A., Kurukulasiriya P.* Scarcity and Cooperation along International Rivers: An Empirical Assessment of Bilateral Treaties // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 3. P. 809–833.
- Falkner R.* International Negotiations: Towards Minilateralism // *Nature Climate Change*. 2015. Vol. 5. No. 9. P. 805–806.
- Gennari P., Navarro D.K.* Are We Serious about Achieving the SDGs: A Statistician's Approach // *SDG Knowledge Hub*. 2020. January 14. URL: <https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/are-we-serious-about-achieving-the-sdgs-a-statisticians-perspective/> (accessed: 26.03.2021).
- Gilpin R.* *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. 440 p.
- Giordano M., Drieschova A., Duncan J.A., Sayama Y., De Stefano L., Wolf A.T.* A Review of the Evolution and State of Transboundary Freshwater Treaties // *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 245–264.
- Gleditsch N.P., Furlong K., Hegre H., Lacina B., Owen T.* Conflicts over Shared Rivers: Resource Scarcity or Fuzzy Boundaries? // *Political Geography*. 2006. Vol. 25. No. 4. P. 361–382.
- Gleick P.H.* The Human Right to Water // *Water Policy*. 1998. Vol. 1. No. 5. P. 487–503.
- Gleick P.H.* *Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security* // *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 79–112.
- Grover V.I.* (ed.) *Water: A Source of Conflict or Cooperation?*. Enfield: Science Publishers, 2007. 360 p.
- Hampson O., Heinbecker P.* The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century // *Global Governance*. 2011. Vol. 17. No. 3. P. 299–310.
- Homer-Dixon T.F.* *Environment, Scarcity and Violence*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 272 p.
- Hummel S.* Relative Water Scarcity and Country Relations along Cross-Boundary Rivers: Evidence from the Aral Sea Basin // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 4. P. 795–808.
- Hussein Y., Menga F., Greco F.* Monitoring Transboundary Water Cooperation in SDG 6.5.2: How a Critical Hydropolitics Approach Can Spot Inequitable Outcomes // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. No. 10. P. 36–40.
- Kahler M.* Multilateralism with Small and Large Numbers // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 681–708.
- Krasner S.D.* Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 497–510.
- Likhacheva A.* Global Water Challenge and Prospects for Russian Agenda // *Russia in a Changing World* / ed. by G. Diesen, A. Lukin. Singapore: Springer, 2020. P. 161–178.
- Menga F.* *Power and Water in Central Asia*. Oxon and New York: Routledge, 2018. 182 p.
- Newey G.* Leviathan and the Liberal Moralism in International Theory // *International Political Theory after Hobbes: Analysis, Interpretation and Orientation* / Ed. by R. Prokhovnik, G. Slomp. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 56–77.
- Peichert P.* The Nile Basin Initiative: A Catalyst for Cooperation // *Security and Environment in the Mediterranean* / Ed. by H.G. Brauch, P.H. Liotta, A. Marquina, P.F. Rogers. Berlin, Heidelberg: Springer, 2003. P. 761–774.
- Scher S., Messari G.* How Global Warming Changes the Difficulty of Synoptic Weather Forecasting // *Geophysical Research Letters*. 2019. Vol. 46. No. 5. P. 2931–2939.
- Selby J.* Oil and Water: The Contrasting Anatomies of Resource Conflicts // *Government and Opposition*. 2005. Vol. 40. No. 2. P. 200–224.
- Smith M.J.* *Realist Thought from Weber to Kissinger*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1987. 256 p.
- Solingen E.* *Regional Orders at Century's Dawn: Global and Domestic Influences on Grand Strategy*. Princeton: Princeton University Press, 1998. 334 p.

INTERNATIONAL POLITICS OF RUSSIA'S WATER STRATEGY

DMITRY LANKO

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russia

DMITRY NECHIPORUK

Tyumen State University, Tyumen, 625003, Russia

Abstract

The article summarizes the outcomes of the implementation of the Water Strategy of the Russian Federation for the period up to 2020 in its part concerning international politics and assesses the new challenges to international cooperation in the field of protection and use of transboundary waters that Russia is expected to face in the coming decade. 2010s witnessed both the changing situation in the field of water availability in Russia, its neighbor countries and the whole world, and the changing scholarly approaches to the impact of water scarcity on international politics. Most of the approaches agreed that water scarcity more often leads to international cooperation. While agreeing with this approach, the authors critically assess the assumption that water scarcity is more often a source of conflicts, and that multilateral international institutions are the best tool to mitigate these conflicts. The authors find that this approach is based on Hobbesian notion of the natural condition of war of all against all for scarce resources, the only alternative to which are institutions of coercion, albeit not always perfect. The authors also find that other approaches based on Hobbesian political philosophy separate the international political processes caused by fear and by scarcity, the two most important “passions that incline men to peace”, according to Hobbes. Fear, including fear of scarcity, tends to drive conflicts, but scarcity as such is more likely to generate cooperation. While multilateral institutions are sometimes capable of mitigating conflicts, in conditions of water scarcity bilateral and unilateral, i.e., created by a small number of parties, institutions of cooperation turn out to be more effective. The experience of Russia's interaction with its neighbors in the field of protection and use of transboundary water resources considered in the article provides with yet another evidence of that. The authors conclude that the international politics component of Russia's water strategy for the coming period is more consistent with the approach that assumes that water scarcity generates cooperation rather than conflicts. They also conclude that bilateral and unilateral institutions of cooperation offer countries destined to share a common river basin instruments of interaction that are more suitable for the conditions of a particular basin than multilateral institutions can offer.

Keywords:

Russia; water policy; water scarcity; international cooperation; multilateral institutions; unilateralism; Hobbes.

References

- Adam J.C., Hamlet A.F., Lattenmaier D.P. (2009). Implications of Global Climate Change for Snowmelt Hydrology in the Twenty-First Century. *Hydrological Processes*. Vol. 23. No. 7. P. 962–972.
- Askeeva G., Gabdulina B., Nechaeva Y., Smakova J. (2017). Transboundary Water Cooperation in Central Asia and Regional Security. *Central Asia and the Caucasus*. Vol.18. No. 1. P. 64–75.
- Böhmelt T., Bernauer T., Buhaug H., Gleditsch N.P., Tribaldos T., Wischnath G. (2014). Demand, Supply, and Restraint: Determinants of Domestic Water Conflict and Cooperation. *Global Environmental Change*. Vol. 29. P. 337–348.
- Borishpolets O.P. (2010). Voda kak perpetuum mobile Tsentral'noaziatskoy politiki [Water as Perpetuum Mobile of the Central Asian Politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. No. 5. P. 24–36.

- Brummer C. (2014). *Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law, and Financial Engineering Are Redefining Economic Statecraft*. New York: Cambridge University Press. 219 p.
- Cheval F. (2007). The Hobbesian Case for Multilateralism. *Swiss Political Science Review*. Vol. 13. No. 3. P. 309–335.
- Cooley J.K. (1984). The War over Water. *Foreign Policy*. No. 54. P. 3–26.
- Dinar S., Dinar A., Kurukulasiriya P. (2011). Scarcity and Cooperation along International Rivers: An Empirical Assessment of Bilateral Treaties. *International Studies Quarterly*. Vol. 55. No. 3. P. 809–833.
- Falkner R. (2015). International Negotiations: Towards Minilateralism. *Nature Climate Change*. Vol. 5. No. 9. 805–806.
- Gennari P., Navarro D.K. (2020). Are We Serious about Achieving the SDGs: A Statistician's Approach *SDG Knowledge Hub*. January 14. URL: <https://sdg.iisd.org/commentary/guest-articles/are-we-serious-about-achieving-the-sdgs-a-statisticians-perspective/> (accessed: 26.03.2021)
- Gilpin R. (2001). *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 440 p.
- Giordano M., Drieschova A., Duncan J.A., Sayama Y., De Stefano L., Wolf A.T. (2014). A Review of the Evolution and State of Transboundary Freshwater Treaties. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. Vol. 14. No. 3. P. 245–264.
- Gleditsch N.P., Furlong K., Hegre H., Lacina B., Owen T. (2006). Conflicts over Shared Rivers: Resource Scarcity or Fuzzy Boundaries? *Political Geography*. Vol. 25. No. 4. P. 361–382.
- Gleick P.H. (1998). The Human Right to Water. *Water Policy*. Vol. 1. No. 5. P. 487–503.
- Gleick P.H. (1993). Water and Conflict: Fresh Water Resources and International Security. *International Security*. Vol. 18. No. 1. P. 79–112.
- Grover V.I. (ed.) (2007). *Water: A Source of Conflict or Cooperation?* Enfield: Science Publishers. 360 p.
- Hampson O., Heinbecker P. (2011). The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century. *Global Governance*. Vol. 17. No. 3. P. 299–310.
- Hobbes T. (2004). *Leviathan, Or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth, Ecclesiasticall and Civill*, With an Essay by the late W.G. Pogson-Smith, Introduction by Jennifer J. Popiel. New York: Barnes and Noble. 556 p.
- Homer-Dixon T.F. (1999). *Environment, Scarcity and Violence*. Princeton: Princeton University Press. 272 p.
- Hummel S. (2017). Relative Water Scarcity and Country Relations along Cross-Boundary Rivers: Evidence from the Aral Sea Basin. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 4. P. 795–808.
- Hussein Y., Menga F., Greco F. (2018). Monitoring Transboundary Water Cooperation in SDG 6.5.2: How a Critical Hydropolitics Approach Can Spot Inequitable Outcomes. *Sustainability*. Vol. 10. No. 10. P. 36–40.
- Kahler M. (1992). Multilateralism with Small and Large Numbers. *International Organization*. Vol. 46. No. 3. P. 681–708.
- Kim H. (2018). Druzhestvennost' i vrazhdebnost' v povedenii stran Tsentral'noy Azii [Amity – Enmity Patterns in Central Asia: Modelling with the use of Content Analysis]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 2. P. 156–174.
- Krasner S.D. (1982). Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables. *International Organization*. Vol. 36. No. 2. P. 497–510.
- Likhacheva A. (2020). Global Water Challenge and Prospects for Russian Agenda. In: Diesen G., Lukin A. (eds) *Russia in a Changing World*. Singapore: Springer. P. 161–178.
- Menga F. (2018). *Power and Water in Central Asia*. Oxon and New York: Routledge. 182 p.
- Newey G. (2010). Leviathan and the Liberal Moralism in International Theory. In: Prokhovnik R., Slomp G. (eds) *International Political Theory after Hobbes: Analysis, Interpretation and Orientation*. New York: Palgrave Macmillan. P. 56–77.
- Orlov A.A., Chechevishnikov A.L., Chernyavskiy S.I., Fedorchenko A.V. (2011). Problema presnoy vody: global'nyy kontekst politiki Rossii [The Problem of Fresh Water: the Global Context of Russia's Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 3 (18). P. 45–52.
- Peichert P. (2003). The Nile Basin Initiative: A Catalyst for Cooperation. In: Brauch H.G., Liotta P.H., Marquina A., Rogers P.F. (eds) *Security and Environment in the Mediterranean*. Berlin, Heidelberg: Springer. P. 761–774.
- Scher S., Messori G. (2019). How Global Warming Changes the Difficulty of Synoptic Weather Forecasting. *Geophysical Research Letters*. Vol. 46. No. 5. P. 2931–2939.
- Selby J. (2005). Oil and Water: The Contrasting Anatomies of Resource Conflicts. *Government and Opposition*. Vol. 40. No. 2. P. 200–224.

- Smith M.J. (1987). *Realist Thought from Weber to Kissinger*. Baton Rouge: Louisiana State University Press. 256 p.
- Solingen E. (1998). *Regional Orders at Century's Dawn: Global and Domestic Influences on Grand Strategy*. Princeton: Princeton University Press. 334 p.
- Strauss L. (1965). *Natural Right and History*. Chicago and London: University of Chicago Press. 336 p.
- Sushentsov A.A. (2010). Typologiya povedeniya v mezhdunarodnykh konfliktakh [Types of Behaviour in International Conflicts]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 8. No. 3. P. 70–84.
- Zhansautova A., Nechaeva Y., Kazbekova M. (2018). Political Risks in Ensuring Water Security. Central Asian States' Experience: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 19. No. 4. P. 24–34.
- Zharikov M.V. (2017). Finansovyy minilateralizm kak instrument antikrizisnoy politiki stran BRICS [Financial Minilateralism as an Instrument of the BRICS' Anti-Crisis Policy]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 6. P. 60–62.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И ИРАНОМ

СЕРГЕЙ ЛУНЁВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ВЛАДИМИР ЮРТАЕВ

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются особенности и потенциал складывающихся между Индией и Ираном отношений стратегического партнёрства. Актуальность исследования определяется прежде всего необходимостью осмыслить новые вызовы и тенденции, возникшие в результате становления Индии как великой державы и резкого повышения роли Ирана в Евразии. Анализ основных подходов Индии и Ирана к созданию новой системы международных отношений в Азии был осуществлён с учётом основных трендов развития стратегической ситуации и позиций других ведущих держав в регионе. Показана роль проектной дипломатии в энергетической и транспортной сферах в формировании пояса доверия на Среднем Востоке и в Центральной Азии, включая урегулирование ситуации в Афганистане. Отмечено, что одна из базовых черт развития Индии – исключительная преемственность – находила своё выражение в политике балансирования, в том числе в Юго-Западной Азии, где одним из ключевых игроков выступает находящийся под американскими санкциями Иран, внешнеполитическая линия которого сохранила приверженность целям исламской революции и доминирования в регионе. За последние два года во внешнеполитическом курсе Индии происходит заметное укрепление позиций проамериканских сил, что может взорвать существующий более полувека консенсус по внешней политике. В центре внимания автора находятся проблемы участия Индии и Ирана в реализации китайской инициативы «Пояса и пути» и Международного транспортного коридора Север–Юг (Юго-Восточная Азия–Индия–Иран–Россия–Европа). Анализ индийско-иранских экономических отношений включает в себя также крайне важную для развития сотрудничества сферу энергетики: поставки иранских углеводородов в Индию; перспективы покупки Индией сжиженного газа; строительство стратегического газопровода из Ирана в Индию, включая морской путь, и возможное участие России в данном проекте, представлена оценка перспектив индийско-иранской торговли.

Ключевые слова:

Индия; Иран; Большой Ближний Восток; Центральная и Южная Азия; Персидский залив; транспорт; энергетика; санкции; международный терроризм; политика балансирования.

Данное исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00142.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2020

Дата принятия к публикации: 12.03.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: silounev@gmail.com

Взаимосвязи между Индией и Ираном (Персией) были установлены ещё 6 тысяч лет назад. В древний и средневековый периоды территории двух стран часто попадали в состав различных империй. В исторической перспективе характер отношений двух стран многократно менялся от дружественных до откровенно враждебных. В середине XX века при шахском режиме, который вступил в стратегический союз с Пакистаном, политические связи Индии и Ирана были напряжёнными, но экономические развивались успешно, прежде всего в сфере энергетики (импорт Индией углеводородов). После антишахской революции Нью-Дели одним из первых признал правительство Хомейни, но Ирано-иракская война чрезвычайно осложнила геэкономическое положение азиатского гиганта (к 1980 г. 70% закупаемой нефти Индия получала из Ирана и Ирака)¹.

В постбиполярный период началось резкое сближение Ирана и Индии, связанное с быстрыми и радикальными изменениями в мировой системе. Сдвиги произошли по всем основным макропараметрам, в том числе и в отношении роли и значения основных мировых центров. Новым феноменом стало превращение Индии в великую державу. После слома «баланса сил» на Ближнем Востоке в результате свержения режима С. Хусейна Соединёнными Штатами в 2003 г. и особенно – после подписания в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СПВД²) по урегулированию иранской атомной проблемы в мировой системе резко возросла роль Ирана. Ситуацию осложняет нарастание интра-

конфессиональных противоречий между шиитским Ираном и суннитским Пакистаном, где 15% населения составляют шииты. Аналогичная тенденция имеет место в отношениях Пакистана с союзником, Саудовской Аравией, на фоне прямого противостояния суннитской Саудовской Аравии и шиитской Исламской Республики Иран (ИРИ).

Неоднозначную роль в развитии индийско-иранских отношений играют США. С одной стороны, Индия вместе с Ираном выступает против гегемонии единственной сверхдержавы, особенно её односторонних и агрессивных действий. С другой – в течение постбиполярного периода Индия вела курс на укрепление двусторонних отношений с Соединёнными Штатами, что в ряде случаев дестабилизировало её внешнеполитические подходы. В частности, Нью-Дели неожиданно полностью изменил свою позицию по ядерной программе Ирана, проголосовав в МАГАТЭ в 2006 г. за передачу данного вопроса в Совет Безопасности ООН, который наложил экономические санкции на Тегеран³. Такая перемена объясняется не только давлением администрации Дж. Буша-младшего, но и крайней заинтересованностью азиатского гиганта в заключении соглашения с США о сотрудничестве в сфере атомной энергетики, по которому Нью-Дели стал получать ядерные топливо и технологии, не подписав Договор о нераспространении ядерного оружия⁴.

Нью-Дели поддержал санкции против Тегерана, введённые согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1929 от 9 июня 2010 года. Аналитики связывали

¹ Honsa C. Iran-Iraq war leaves India scrambling for oil and trade // The Christian Science Monitor, 28.10.1980.

² Совместный всеобъемлющий план действий (СПВД, Барджам, JCPOA) между Ираном и группой шести международных посредников был заключён в июле 2015 г. и вступил в силу в январе 2016 г.

³ В тот период КНР выполняла девиз Дэн Сяопина «не высовываться», а Россия, по выражению некоторых экспертов, в отношении Ирана занимала наблюдательную позицию (см.: Bhadrakumar M.K. The Rise of Russia // Asia Times, 20.07.2006).

⁴ Agreement for Cooperation Between the Government of the United States of America and the Government of India Concerning Peaceful Uses of Nuclear Energy (123 Agreement) // The US Department of State. Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2007/aug/90050.htm> (дата обращения: 15.11.2020).

это «как с всё большим доминированием американского фактора в индийской политике, так и с обещанием Б. Обамы поддержать Индию в вопросе о вхождении в число постоянных членов Совета Безопасности ООН в случае его реформирования»⁵. Тем не менее до середины 2010-х годов Индия и Иран сохраняли ровные отношения. О необходимости укрепления двустороннего взаимодействия и активизации политики Индии в зоне Персидского залива вновь заговорили в 2016 году, после снятия международных санкционных ограничений в отношении ИРИ в результате подписания СВПД.

Основой углубления двусторонних отношений между Индией и Ираном стала взаимная заинтересованность в укреплении региональной безопасности и стабильности, активном участии в реализации масштабных евразийских проектов в транзитно-транспортной и энергетической сферах, решении проблемы «суннитского экстремизма», якобы существующей в регионе. Значимую роль в их сотрудничестве играет энергетика, в обеих странах – отрасль стратегического значения, во многом определяющая их социально-экономическое развитие. В этой связи целесообразно рассматривать энергетический диалог Ирана с Индией не просто как элемент системы хозяйственных связей, но и как инструмент политического диалога между государствами, перехода партнёрства на новый уровень и создания глобального режима энергетической безопасности.

Немаловажную область взаимного интереса представляет транспортная логистика, прежде всего возможность создания полноценного Международного транспортного коридора (МТК) «Север–Юг». Пространство МТК включает в себя практически все страны Юго-Западной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии,

а также – Россию и страны Северной и Центральной Европы. Реализация международной инициативы Китая «Пояс и путь» предложена государствам не только Евразии, но и Африки. Поэтому для заинтересованных в реализации данных масштабных проектов задачей номер один является обеспечение согласованного контроля над евразийским пространством. Предложения Председателя КНР Си Цзиньпина в ходе визита в Казахстан в сентябре 2013 г. о создании «Экономического пояса Шёлкового пути», а в ходе поездки в Индонезию в октябре 2013 г. о прокладывании «Морского Шёлкового пути» вызвали разную реакцию в Индии и Иране. Обе страны видят экономические преимущества морского пути. Но для Индии неприемлемо укрепление Китая в регионе. Эти же соображения возникают у Нью-Дели в отношении сухопутного маршрута из Китая, проходящего через Пакистан (к тому же идущего по спорным территориям Кашмира). Для Ирана весьма привлекательны оба маршрута, но особенно морской путь. Прямое противостояние Индии и Пакистана и косвенное – Ирана с Пакистаном по существу блокирует интерес к сухопутному пути по политическим причинам. Более того, реализация проекта способна превратить Иран и особенно Индию в реальных противников формирования единого транспортно-коммуникационного пространства в Евразии. Проект МТК «Север–Юг» позволил бы снять наматившиеся проблемы.

Истории развития отношений между Индией и Ираном в начале XXI века посвящено не так много научных публикаций [Михайличенко 2005], в то время как вопросы внешней политики двух стран подробно рассмотрены в трудах отечественных и зарубежных учёных⁶. Авторы видели своей задачей восполнить существующий пробел в освещении основных

⁵ Месамед В.И. Иран–Индия: традиционные связи в тени новых реалий. Институт Ближнего Востока, 03.06.2015 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24670> (дата обращения: 08.09.2020).

⁶ См., например: [Юртаев 2012; 2018; 40 лет... 2020].

тенденций развития ирано-индийских отношений на этапе становления отношений стратегического партнёрства в контексте анализа роли этих ведущих государств в процессах формирования новой системы международных отношений на Евразийском континенте.

1

О намерении выстраивать отношения стратегического партнёрства между Ираном и Индией было заявлено при подписании Тегеранской (2001) и Делийской (2003) деклараций, определивших рамки двусторонних отношений. В период 2006–2013 годов при президенте ИРИ М. Ахмадинежаде в условиях политического и санкционного давления со стороны США и стран ЕС иранская внешняя политика была скорректирована «на восток». После заключения СВПД в 2015 г. руководство Исламской Республики Иран (ИРИ) взяло курс на развитие многоуровневых отношений с Индией, что нашло отражение в иранской политике «Поворот на Восток-2». Тегеран придавал приоритетную значимость Индии, подчёркивая её статус великой мировой цивилизации и потенциально третьей экономики мира к 2030 году⁷.

Заинтересованность Тегерана в налаживании с Индией отношений многоуровневого стратегического партнёрства определялась:

- целями и приоритетами национальной политики развития с опорой на собственные силы в условиях санкций;

- позиционированием Ирана как ключевого центра евразийского транзита на Среднем Востоке, системного элемента Шёлкового пути (Инициатива «Пояс и путь», МТК «Север–Юг», «Новый Шёлковый путь» и др.);

- стремлением Тегерана к созданию международного режима, способного противостоять глобальной гегемонии США, нацеленностью ИРИ на участие в глобальном управлении через формирование четы-

- рёхугольника «Пекин–Нью-Дели–Тегеран–Москва» и на участие в БРИКС;

- стремлением минимизировать внешние угрозы «под зонтиком безопасности» Шанхайской организации сотрудничества;

- стремлением к лидерству в Юго-Западной Азии в условиях обострения соперничества между суннитами и шиитами и задачей борьбы с «суннитским экстремизмом»;

- желанием сохранить баланс сил на Южном Кавказе и в Центральной Азии с учётом угрозы формирования тюркского коридора между Турцией и Пакистаном через Азербайджан, Узбекистан и Афганистан, что грозит Ирану изоляцией с севера и востока, поскольку расширяет геополитическое влияние Турции и способствует расширению НАТО на Восток.

2018 год был объявлен Ираном переломным в истории сотрудничества с Индией. Тегеран в отношении Нью-Дели фактически реализует политику «предпочтительный партнёр» (*partner of choice*), что обусловлено сразу несколькими императивами. В политическом отношении дружба с Индией может смягчить не самые лучшие отношения с США, в экономическом – означает ёмкий рынок для иранских энергоресурсов, в военном – получение поддержки и доступа к современной технике, в культурном – дивиденды от многовековой лингвистической, исторической и цивилизационной близости [Erhan, Petre 2018: 1047].

2

Важнейшей составляющей индийско-иранских отношений предстаёт энергетика, которая играет ключевую роль для Индии, лишённой собственных углеводородных ресурсов. К тому же для Нью-Дели чрезвычайно значим выход через Иран на север, к Афганистану и Центральной Азии, и на запад [Pethiyagoda 2018: 3]. В последнее время Индия стала уделять большее внимание к этой части Индийского океа-

⁷ *Джелалпур Мохсен*. Мозаика взаимных интересов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iran-newspaper.com/newspaper/page/6> (in Persian) (дата обращения: 08.11.2020).

на, несколько нарастив здесь свой военно-морской потенциал⁸.

Выход к Афганистану и Центральной Азии через Иран интересен Индии не только как возможность получить доступ к энергетическим ресурсам, но и из-за стремления к региональной безопасности. В Нью-Дели большое значение придают задаче ослабления позиций «трёх сил зла»: международного терроризма, религиозно-радикализма и национального сепаратизма. На политическом уровне принято говорить о необходимости препятствовать их проникновению в Индию, особенно в Кашмир. Интересам страны отвечает и предотвращение появления направленного против неё мощного мусульманского блока — данную идею Исламабад высказал почти 30 лет назад. Нью-Дели считает нежелательной активизацию великих держав в связи с ситуацией в Афганистане (Афганистан в Индии относят к южноазиатскому региону; страна была принята в Ассоциацию стран Южной Азии в 2007 году).

Реализация стратегических интересов Индии в Центральной Азии проходила в контексте реализации Политики связывания с Центральной Азией (Connect Central Asia Policy, 2012), активное продвижение которой связывают с визитом премьер-министра Индии Н. Моды во все пять стран Центральной Азии 6–13 июля 2015 года [Menon, Sharganya 2019].

Развитие отношений с Ираном Индия рассматривает также как инструмент снижения антииндийских настроений в исламском мире и некоторого ограничения активности Пакистана. При этом Индия долгое время продолжала политику лавирования между Ираном и США, между Ираном и Саудовской Аравией, между Ираном и Израилем [Joshi 2015: 253], развивая сотрудничество с Тегераном по значимым для себя сферам.

Э

Можно говорить о геоэкономических (для Индии участие в совместном проекте с Ираном означает как доступ к Афганистану и Центральной Азии, так и способ обеспечения растущей потребности в энергии и сырье; снижается обеспокоенность китайским проектом «Пояс и путь»), геополитических (создаёт предпосылки для образования союза против доминирования в Евразии третьей силы; повышает уровень безопасности и стабильности в Центральной Евразии; соединяет очень разные торговые стратегии; предполагает совместное участие в урегулировании афганской проблемы; повышает возможности отражения террористической угрозы; позволяет стабилизировать ситуацию в Юго-Западной Азии) и цивилизационных (актуализирует потенциал цивилизационной комплементарности; способствует развитию диалога между культурами и цивилизациями; усиливает значимость фактора цивилизационной идентичности в международных региональных отношениях, что может ослабить набирающую силу тенденцию к выстраиванию региональных отношений на базе конфессиональной идентичности) основаниях для ирано-индийского взаимодействия в сфере транспорта и транзита.

Ключевое значение имеет создание системы мультимодальных транспортно-логистических центров на пространстве МТК «Север–Юг», на маршрутах которого Иран видит себя в качестве стратегического узла, равно как и для маршрутов Нового Шёлкового пути (инициатива «Пояс и путь»). В ирано-индийских отношениях с 2014 г. заметен рост заинтересованности обеих сторон к сотрудничеству в рамках МТК «Север–Юг». Решая задачу модернизации национальной экономики, Иран предлагает странам-участникам проекта новое прочтение концепции,

⁸ Премьер-министр Индии Манмохан Сингх считал, что «повышение международного статуса Индии повышает её стратегическое значение в регионе от Персидского залива до Малаккского пролива» (Freedom to use: 4), а новая стратегия «Обеспечение морской безопасности» 2015 года, принятая при Н. Моды, ставит перед военно-морскими силами Индии задачу обеспечивать безопасность судоходства во всём Индо-Тихоокеанском регионе (эта концепция впервые была официально признана Нью-Дели именно в данном документе).

в котором МТК рассматривается как своего рода интеграционное объединение, нацеленное на формирование новых междуна-родно-ориентированных производственных и торговых полюсов роста. Активизация участия Индии в этом проекте происходила в рамках курса правительства Н. Моди на расширение связей со странами Персидского залива, Ираном и Афганистаном.

Тегеран предполагает на каждом направлении сформировать не менее двух основных маршрутов. В рамках первоначальной схемы на север ведут западный и восточный прикаспийские сухопутные коридоры и водный путь через Каспийское море на Финляндию. Иран стремится достичь коммерческой состоятельности своих новейших портов на Каспии (Амирабад, Энзели и др.) через взаимодействие с портами России (Астрахань, Оля, Махачкала) и Казахстана (Актау). При этом Тегеран опирается на близкое к завершению строительство нового порта в Чабахаре и почти завершённое строительство ж/д Астара–Решт–Казвин. На запад подготовлены коридоры: Иран–Ирак–Иордания–Сирия–страны Средиземного моря, где ключевое значение отводится порту Басра; и через Азербайджан и Грузию на Украину и в страны ЕС. На запад в принципе ориентированы и маршруты северного направления МТК «Север–Юг», идущие через Россию. На юг ориентирован водный маршрут на Индию и к странам бассейна Индийского океана из Бендер-Аббаса и Чабахара, а также через Пакистан из иранского Систана и Белуджистана. На восток и северо-восток ведут два маршрута через Афганистан (в Центральную Азию и Монголию, в Пакистан и Китай). Первый коридор проходит из Бендер-Аббаса и Чабахара в Герат–Мешхед–Мазари-Шариф–Термез, а второй – из Чабахара в Захедан–Зарандж–Кабул, далее на север – в Мазари-Шариф и на восток – в Джелалабад и Пакистан.

США в связи с положительной оценкой роли Индии в Афганистане не препятствуют реализации данного маршрута в Афганистан, что в принципе облегчает его создание. Ключевой становится роль г. Мазари-Шариф как узла стратегических коммуникаций на данном направлении. Возможен и третий маршрут, предложенный в 2010 г. Ташкентом: Узбекистан–Туркменистан–Иран–Оман–Катар.

Таким образом, «Каспийский крест» становится «Каспийской звездой», где национальные интересы ИРИ реализуются прежде всего по оси «северо-восток–юго-запад». Направление по оси «юго-восток–северо-запад» призвано обеспечивать про-западные связи ИРИ⁹. В этой конфигурации Тегеран видит своё место в новом Шёлковом пути и определяет свою стратегическую значимость для Китая. Маршруты Север–Юг должны связывать Иран с Россией и Индией, также открывая индийскому бизнесу и торговле путь в страны ЕС и Центральную Азию, возможно – в Монголию.

Индия недовольна пересечением маршрутов «Север–Юг» с широтными маршрутами инициативы «Пояса и пути» в таких узлах, как Каспийский регион, казахский проект «Нурлы Жол» («Светлый путь»), а также иранский участок Шёлкового пути, который планируется соединить с железной дорогой Казвин–Решт–Энзели–Астара [Караваев, Тишехьяр 2019: 7]. Международный транспортный коридор пересекает территории Индии, Ирана, Афганистана, стран Центральной Азии, Монголии с возможным продолжением на запад в Европу. Участие России возможно как через Казахстан, так и путём сопряжения данного коридора с восточным направлением МТК «Север–Юг» (через маршруты Казахстан–Туркменистан–Иран и Захедан–Мешхед). Ключевые точки на этом маршруте – Чабахар–Захедан–Мазари-Шариф.

⁹ В надежде на улучшение отношений с США Иран до введения американских санкций предлагал сформировать в рамках МТК «Север–Юг» транзитные маршруты в обход России, предоставляющие странам Азии путь на европейский рынок.

Международный проект Чабахар, по выражению Н. Модии «Золотые ворота» [Федорова 2018: 363], для Индии важен как альтернатива китайской инициативе «Пояса и пути», заменяя собой пакистанский порт Гвадар и обеспечивая доступ в Афганистан и Центральную Азию в обход Пакистана [Rant 2018: 18]. При заключении в мае 2016 г. трёхстороннего соглашения между Афганистаном, Индией и Ираном в развитие порта Чабахар Индия предполагала вложить 500 млн долларов. 24 февраля 2019 г. в Кабуле произошло официальное открытие транспортного и транзитного коридора¹⁰.

Развитие проекта с опорой на Чабахар Тегеран рассматривал в качестве ключевого элемента стратегического партнёрства с Нью-Дели, как следует со слов лидера исламской революции А. Хаменеи¹¹ и президента ИРИ Х. Рухани¹². Изначально этот проект предполагалось реализовать в формате дву- и трёхсторонних отношений с участием Индии и Ирана. «Тройственное транзитное соглашение», получившее известность как «Чабахарское соглашение», было заключено в мае 2016 г. на встрече президентов Афганистана (А. Гани), Ирана (Х. Рухани) и премьер-министра

Индии (Н. Модии)¹³. 23 октября 2018 г. по итогам первого заседания Координационного исполнительного Совета в Тегеране Иран, Индия и Афганистан подписали «Трёхстороннее транзитное соглашение по Чабахару», в котором было заявлено о создании региональной ассоциации транзитных перевозчиков с участием частных компаний и формировании постоянной рабочей группы по выполнению соглашения¹⁴.

Тегеран рассматривает порт Чабахар не просто как важнейший транзитный перекрёсток, но как системообразующий элемент нового центра промышленного производства, столп бункеровочной отрасли. Порт предполагается ориентировать на экспорт продукции региона. Согласно законопроекту о развитии зоны свободной торговли «Чабахар», на территории 67 тыс. гектаров будут находиться терминалы «Шахид Бехешти» и «Шахид Калантари» и сталелитейный комплекс в Макране, который в течение 2020-х годов должен выйти на производство до 10 млн тонн стали в год¹⁵; к 2023 г. ожидается ввод в эксплуатацию строящегося с 2012 г. нефтехимического комплекса стоимостью около 18 млрд долларов.

¹⁰ Большая игра вокруг иранского порта Чабахар // Завтра, 19.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/events/bol_shaya_igra_vokrug_iranskogo_porta_chabahar (дата обращения: 08.11.2020).

¹¹ Лидер Исламской революции: Приветствую расширение отношений между Индией и Ираном. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newdelhi.mfa.ir/index.aspx?siteid=159&pageid=30403&newsview=483628> (in Persian) (дата обращения: 08.11.2020).

¹² Доктор Рухани на встрече с премьер-министром Индии: Тегеран приветствует всестороннее расширение и углубление отношений с Дели. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newdelhi.mfa.ir/index.aspx?siteid=159&pageid=30403&newsview=507222/1397/11/> (in Persian) (дата обращения: 08.11.2020).

¹³ Сайт Министерства иностранных дел Индии – Remarks by Prime Minister at Chabahar Connectivity event (May 23, 2016). [Электронный ресурс]. URL: // <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?26838/Remarks+by+Prime+Minister+at+Chabahar+Connectivity+event+May+23+2016>

¹⁴ سند اجرائی موافقتنامه سه جانبه چابهار بین ایران ، هند و افغانستان امضا شد [Подписано Трёхстороннее исполнительное соглашение по Чабахару между Ираном, Индией и Афганистаном]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newdelhi.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=159&pageid=30403&newsview=541978> (дата обращения: 08.11.2020) (на перс. яз.).

Подписано трёхстороннее исполнительное соглашение по Чабахару между Ираном, Афганистаном и Индией. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newdelhi.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=159&pageid=30403&newsview=541978> (in Persian) (дата обращения: 08.11.2020).

¹⁵ Тегеран готовится к санкциям, расширяя свой главный портовый проект // Вестник Кавказа, 23.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/Tegeran-gotovitsya-k-sanktsiyam-rasshiryaya-svoy-glavnyy-portovyy-proekt%C2%AO.html> (дата обращения: 08.11.2020).

С учётом стратегического значения проекта, руководство ИРИ приняло решение о привлечении средств Национального фонда развития Ирана для завершения к 2021 г. строительства железной дороги Чабахар–Захедан. Её протяжённость со вспомогательными линиями составляет 750 км, стоимость строительства 950 млн долларов¹⁶. Благодаря повышению пропускной способности железнодорожных дорог и сокращению бюрократических издержек иранская сторона намерена увеличить свою долю в общем объёме в 100 млн тонн грузов, перевозимых совокупно всеми прикаспийскими странами¹⁷.

28 декабря 2017 г. Иран официально начал строительство железной дороги Мешхед–Захедан, связывающей страны Центральной Азии с побережьем Индийского океана и включающей Чабахар в железнодорожную сеть Европы через восточный маршрут МТК «Север–Юг» (Казахстан–Туркменистан–Иран). Ожидается, что перевалка транзитных грузов может вырасти с 3 до 10 млн тонн в год¹⁸.

По мнению экспертов, ввод в строй порта Чабахар на треть сократит издержки на транспортировку грузов из Индии в страны СНГ¹⁹.

4

Индия и Иран накопили позитивный опыт сотрудничества в таких значимых отраслях экономики, как нефтяная (поставки нефти и нефтепродуктов, строительство

нефтеперерабатывающего завода в Ченаи), нефтегазовая и химическая промышленность, энергетика, металлургия, транспорт. Во взаимной торговле действует режим наибольшего благоприятствования. В условиях санкций ИРИ удовлетворяла свои потребности в поставках стратегических товаров и материалов, в том числе и вооружений, путём реэкспорта. В свою очередь, «Иран во многом нивелировал антииндийскую дипломатию Пакистана и других стран в международных исламских структурах»²⁰.

Среди основных причин взаимного интереса к расширению торгово-экономических связей следует назвать сферу энергоресурсов, прежде всего потребность Индии в энергоносителях и выходе на новые рынки Ближнего Востока и Центральной Азии. Углеводороды были основной статьёй индийского импорта из Ирана, и нефтеперерабатывающие заводы Индии ориентированы на «мягкую» иранскую нефть. Экспорт в Иран из Индии включал продукты нефтепереработки, рис, металл, детали машин и инструменты, медикаменты, химикаты, резину, чай и другие продукты сельского хозяйства. В 2020 г. своей ближайшей задачей стороны объявили увеличение товарооборота между двумя странами до 25 млрд долларов к 2024 году. Представители 70 индийских компаний на переговорах в Торгово-промышленной палате Ирана в 2020 г. указывали, что основной вклад в рост товарооборота должен внести бизнес двух стран²¹.

¹⁶ Иран выделит дополнительные средства на строительство железной дороги Чабахар–Захедан // Каспийский вестник, 09.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/iran-vydelit-dopolnitelnye-sredstva-na-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-chabahar-zahedan/> (дата обращения: 08.11.2020).

¹⁷ Leaders agrees with withdrawal from NDFI for completing Chabahar-Zahedan railway // Mehr News, 03.09.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.mehrnews.com/news/149649/Leader-agrees-with-withdrawal-from-NDFI-for-completing-Chabahar-Zahedan> (accessed: 08.11.2020).

¹⁸ Иран начал строить железную дорогу для связи Средней Азии с побережьем Индийского океана. ИТАР-ТАСС, 28.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4850467> (дата обращения: 08.11.2020).

¹⁹ Место порта Чабахар в политике Ирана – взгляд Mehr News // Каспийский вестник, 12.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/mesto-porta-chabahar-v-politike-irana-vzglyad-mehr-news/> (дата обращения: 08.11.2020).

²⁰ Месамед В.И. Иран–Индия: традиционные связи в тени новых реалий. 3 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24670> (дата обращения: 29.05.2021).

²¹ Баев А. Индия намерена удвоить товарооборот с Ираном // Известия, 12.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/518149> (дата обращения: 08.11.2020).

Индия и Иран в равной мере заинтересованы во взаимной торговле нефтью и газом. Тегеран, в течение последних 30 лет находящийся под западными санкциями, крайне нуждается в надёжных покупателях. В 2013/14, 2014/15 и 2015/16 финансовых годах Индия купила у Ирана соответственно 11 млн, 10,95 млн и 12,7 млн тонн нефти. В 2016/17 финансовом году закупки Индии составили 27,2 млн тонн, Иран стал третьим поставщиком нефти в Индию. На Индию и Китай в 2017 г. пришлось 43% всего иранского экспорта нефти²², то есть Нью-Дели был вторым (после Пекина) главным покупателем иранской нефти.

Маловероятным представляется пока реальный запуск трубопровода Иран–Пакистан–Индия стоимостью 7 млрд долларов (как и газопровода ТАПИ–Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), поскольку Индия опасается попасть в зависимость от Пакистана. Строительство прямых нефте- и газопроводов из Ирана в Индию по морскому дну пока нерентабельно.

5

После заключения СВПД в отношении с Индией Тегеран позиционировал себя в качестве надёжного стратегического партнёра. В иранских СМИ широко освещались встречи с руководством Индии президента и руководителей ряда министерств Ирана (иностранных дел, обороны, экономики и финансов, дорог и городского строительства, здравоохранения и медицинского образования, культуры и исламской ориентации), межпарламентские встречи.

При этом подчёркивалась значимость новых форматов участия иранских предпринимателей и компаний в экономической жизни Индии (Экономический форум в Хайдарабаде, сотрудничество между торговыми палатами и др.), новое качество взаимодействия в сфере культуры (межконфессиональный диалог), высокий уровень совместных дискуссий по глобальным и региональным аспектам международных отношений²³.

Во время визита в Индию 17–18 февраля 2018 г. на встрече с премьер-министром Индии Н. Модии Х. Рухани были обсуждены вопросы в области безопасности, обороны, торговли, связи и энергетики²⁴. В пресс-релизе по итогам встречи стороны подтвердили приверженность курсу на развитие сотрудничества во всех сферах, включая проект транспортного коридора через Чабахар, отметили свою приверженность борьбе с терроризмом во всех его формах и выразили надежду на то, что «преимущества суверенного состояния мира и стабильности в регионе могут послужить сильному, единому, демократическому, независимому, процветающему и плюралистическому Афганистану». Специально была подчёркнута важность укрепления трёхсторонних отношений Иран–Индия–Афганистан²⁵.

Тем не менее конкретных результатов визит не принёс. Было подписано 11 мало-значимых соглашений (преимущественно меморандумы о взаимопонимании) о сотрудничестве в различных сферах, таких как торговля, сельское хозяйство, здравоохранение и почтовая деятельность, избе-

²² Country Analysis Brief: Iran. 09.04.2018, p. 8 // The U.S. Energy Information Administration (EIA). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ieee.es/en/Galerias/fichero/OtrasPublicaciones/Internacional/2018/EIA_Iran_9abr2018.pdf (accessed: 12.11.2020).

²³ Доктор Рухани: максимально использовать ресурсы региона на благо двум нациям. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.ir/fa/103069> (in Persian) (дата обращения: 08.11.2020).

²⁴ Индия и Иран подписали 9 пактов в ключевых областях двустороннего сотрудничества. 17.02.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://indiadaily.ru/sobytiya/indiyu-posetil-prezident-irana-xasan-ruhani/> (дата обращения: 26.05.2021).

²⁵ Highlights: In joint statement with PM Modi, Hassan Rouhani says ties between India and Iran historical. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/live-iran-president-hassan-rouhani-holds-bilateral-talks-with-pm-narendra-modi-in-delhi/story-LvmHYbvEjc1ec90JFdX G4L.html> (accessed: 26.05.2021).

жание двойного налогообложения и выдача преступников. Единственным знаковым решением было решение передать Индии на полтора года оперативный контроль над терминалом Шахид Бехешти в Чабахаре²⁶.

Из-за действий Вашингтона энергетические связи с Ираном прошли в 2018 г. настоящую проверку на прочность. Поскольку президент США Д. Трамп вывел Соединённые Штаты из соглашения по урегулированию иранской ядерной программы, которое заключил его предшественник на этом посту Б. Обама, Вашингтон объявил о введении санкций в отношении импорта сырой нефти из Ирана, что предусматривало запрет другим странам на заключение новых контрактов и прекращение к 4 ноября выполнения ранее согласованных закупок.

После анонсирования санкций индийские государственные компании резко снизили свою активность в Иране. К сентябрю закупку иранской нефти прекратили государственная *Hindustan Petroleum Corp.* и несколько других нефтяных компаний, а *Chennai Petroleum* сообщила об остановке переработки иранской нефти на принадлежащих ей нефтеперерабатывающих заводах. Страховые компании отказались обслуживать операции, связанные с нефтью из Ирана. Нью-Дели также объявил о решении существенно сократить закупки иранской нефти²⁷. При этом, как ни парадоксально, экспорт из Ирана рос: за первую половину 2018 г. он составил в среднем

585 тыс. баррелей в сутки, а в июле – 768 тыс. Индия стала пользоваться услугами Национальной иранской танкерной компании, а Иран предоставил Индии большие льготы²⁸. В ходе индийско-американских переговоров 6 сентября в Нью-Дели в формате 2+2 (министры иностранных дел и министры обороны) Вашингтону не удалось убедить индийскую сторону прекратить закупки иранской нефти или уменьшить их объём. Индия ссылаясь на прогноз, согласно которому к 2040 г. её доля в мировом спросе на нефть составит около четверти, а рост цен на нефть на 10 долларов за баррель снижает валовой внутренний продукт страны на 0,3%²⁹. Безрезультатным оказался и визит в Индию в октябре специального представителя по Ирану Б. Хука³⁰. Одновременно Министерство финансов Индии и Резервный банк Индии разработали схему, позволяющую индийским нефтеперерабатывающим заводам оплачивать иранскую нефть рупиями.

В итоге Вашингтон включил Индию в число восьми стран, которым американский регулятор разрешал покупать иранскую нефть после 4 ноября без санкционных последствий. При этом объём импортируемой Индией иранской нефти американская сторона ограничила 1,25 млн тонн в месяц³¹, и, если в целом за январь – ноябрь 2018 г. Индия ввезла иранской нефти на 18,4% больше, чем за аналогичный период 2017 года, то за ноябрь 2018 г. она импортировала на 40% меньше, чем за ноябрь 2017-го³². Тем не менее Нью-Дели

²⁶ India, Iran sign pact on leasing port during Hassan Rouhani visit // Business Standard (New Delhi), 17.02.2018.

²⁷ Fickling D. Why India can't join Iran's sanctions busters // The Economic Times, 27.09.2018.

²⁸ Нефть примеряет паранджу: что спасёт Иран от санкций // Рамблер, 17.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/40806800-neft-primeryaet-parandzhu-chto-spaset-iran-ot-sanktsiy/> (дата обращения: 12.11.2020).

²⁹ Indian Oil sees India's oil demand surging to 500 mn tonnes per year by 2040 // The Business Standard (New Delhi), 25.09.2018.

³⁰ Raj Y. "Not helpful", says US on India's plans to buy Iran oil, Russia's S-400 air missiles // The Hindustan Times (New Delhi), 12.10.2018.

³¹ Choudhary S. US agrees to grant India waiver from Iran sanctions // The Economic Times, 01.11.2018.

³² Tan F., Obayashi Y. Asia's Iran crude imports hit more than 5-year low in November as sanctions bite // Reuters, 28. 12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://af.reuters.com/article/energyOilNews/idAFL3N1YX23L> (accessed: 12.11.2020).

жёстко отстаивал свои национальные интересы, и его действия составили контраст по отношению к шагам Японии и Южной Кореи, не говоря уже о крайне боязливом подходе Франции. В 2018/19 фин. г. иранский экспорт в Индию составил 13,3 млрд долларов, в том числе углеводородов на 12,4 млрд долларов, а импорт – 1,6 млрд долларов³³.

Реализации проекта по развитию порта Чабахар способствовала положительная реакция Вашингтона на развитие индийско-афганских связей. Представитель США в ООН Н. Хейли в ходе визита в Индию в июне 2018 г. сообщила, что Вашингтон выводит данный проект из-под своих санкций (в качестве предварительного условия к Индии было выдвинуто требование резко сократить импорт нефти из Ирана) [Лунёв, Юртаев 2019: 39]. Это подтвердил и государственный секретарь США М. Помпео в ноябре 2018 года³⁴.

В 2018 г. Индия, оставляя в прошлом политику лавирования и балансирования [Лунёв 2018: 70–76], всё активнее отстаивала свои национальные интересы, что выражалось не только в развитии отношений с Ираном, но и в укреплении военнополитических связей с Россией (например, закупка российских С-400 вызвала явное неудовольствие Вашингтона³⁵). И всё же в 2019 г. Индия уступила давлению США. Она приостановила выполнение ряда проектов и прекратила импорт нефти из Ирана, который покрывал около 10% её потребностей (Иран находился на третьем месте по объёму экспорта нефти в Индию,

уступая лишь Саудовской Аравии и Ираку). Индия практически потеряла открытое компанией ONGC Videsh Ltd. гигантское газовое месторождение Фарзад Б в Персидском заливе (оценочные запасы – 362 млрд куб. м), в разработку которого *Indian Oil Corporation* и *Oil India Ltd.* намеревались вложить до 11 млрд долларов. Переговоры о совместном освоении Фарзад Б Индия и Иран вели с 2016 года. Летом 2020 г. министр нефти Ирана Б. Зангане объявил, что разрабатывать месторождение будут иранские компании³⁶.

Индия отстранилась от участия в развитии порта Чабахар, и, после некоторых неудачных дипломатических попыток повлиять на Нью-Дели, Тегеран стал склоняться в сторону Пекина. В конце мая – середине июня 2020 г. МИД ИРИ подготовил окончательную редакцию 25-летней Программы всестороннего сотрудничества Ирана и Китая³⁷. В этом документе говорится, что «две древних азиатских цивилизации выступают близкими партнёрами в таких сферах, как торговля, экономика, политика, культура, безопасность»³⁸. Упомянута возможность привлечения китайских инвестиций для электрификации скоростных железных дорог по маршрутам Исфахан–Шираз, Тегеран–Мешхед, Тегеран–Тебриз, а также для строительства автобанов на трассе Тегеран–Север³⁹. Указано также, что Китай будет постоянным импортёром иранской нефти. Иран намерен активнее участвовать в реализации китайской инициативы «Пояса и пути», расширится сотрудничество двух

³³ The Government of India. Department of Commerce. Export Import Data Bank. [Электронный ресурс]. // URL: <https://commerce-app.gov.in/> (accessed: 12.11.2020).

³⁴ US exempts India from certain sanctions for development of Chabahar port in Iran // The Times of India (New Delhi), 07.11.2018.

³⁵ *Lakshman S.* U.S. Senator asks Lloyd Austin to raise concerns about eroding democratic values during visit to India // The Hindu, 18.03.2021.

³⁶ India set to lose Farzad-B gas field in Iran: Sources // The Times of India, 18.10.2020.

³⁷ *Saleh A., Yazdanshenas Z.* Iran's Pact with China is Bad News for the West // The Foreign Policy, 09.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/08/09/irans-pact-with-china-is-bad-news-for-the-west/> (accessed: 08.11.2020).

³⁸ Программа всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Иран. Высший исполнительный секретариат всестороннего стратегического партнёрства Ирана и Китая. Министерство иностранных дел. 2019. [Б.м.]: 18 (in Persian).

³⁹ Там же: 12.

стран в банковской сфере и страховании, возрастут китайские инвестиции в различные отрасли экономики (нефть, нефтехимия, тяжёлая промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, электроэнергетика, наукоёмкое производство, связь, услуги, туризм), в сферу совместного инновационного производства, в строительство, модернизацию и обустройство портов. Документ предусматривает расширение сотрудничества в оборонной сфере, включая подготовку военных специалистов.

Приоритетный интерес для ИРИ представляет проект развития региона Мекран (Иран), где располагается и порт Чабахар. Китайская сторона приглашена участвовать в развитии порта Джашк, в строительстве промышленного города, нефтеперерабатывающего завода, нефтехимического, сталелитейного и алюминиевого производства, центров туризма и др. В целом решается «вопрос о соединении «братских» портов: пакистанского Гвадара, построенного Китаем, и иранского Чабахара, рассматриваемого Нью-Дели как контрпункт региональному влиянию Китая»⁴⁰.

ИРИ расширяет сотрудничество с Индией и Китаем, Россией, опираясь и на механизмы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (подробнее см.: [Юртаев, Рогов 2017]) и альтернативное включение в проекты Шёлкового пути, инициируемые под эгидой КНР и США, практически завершив к 2020 г. создание многовекторной системы обеспечения международного транзита и торговли с соседними странами.

Принципиально изменился подход Тегерана к индийско-пакистанским противоречиям. В 1995 г. в ходе заседания комиссии ООН по правам человека Иран воздержался от голосования по резолюции, осуждавшей Индию за нарушения в Кашмире, и пытался сгладить негативное отношение к республике Организации исламского сотрудничества. В марте 2020 г. после погромов в Нью-Дели районов, где живут мусульмане, духовный лидер Ирана Хомейни призвал Индию «противостоять экстремистски настроенным индусам и их партиям и остановить массовые убийства мусульман, чтобы предотвратить изоляцию Индии от мира ислама»⁴¹. Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф также осудил «волну организованного насилия в отношении индийских мусульман» и призвал правительство Н. Модии «не позволять торжествовать бессмысленному бандитизму»⁴².

Активность Ирана на пакистанском направлении резко возросла. Из-за опасений, что Индия сократит поставки басмати (особые сорта риса), Иран переориентировался на его закупки в Пакистане (на долю Ирана приходилось 34% индийского экспорта басмати)⁴³. М. Зариф в 2019–2020 годах 4 раза посещал Исламабад. По имеющейся информации, основное внимание стороны уделили обсуждению вопросов ослабления напряжённости в регионе, строительства транспортного коридора между иранским портом Чабахар и пакистанским портом Гвадар, что открывает доступ к китайско-пакистанскому экономическому коридору (СРЕС). Как отмечалось в прессе, «если

⁴⁰ Иран как следует встряхнул Индию, чтобы активировать лазейку в американских санкциях // Яндекс, 26.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nationalpriorities/iran-kak-sleduet-vstriaahnul-indiiu-chtoby-aktivirovat-lazeiku-v-amerikanskih-sankciiah-5f1d9b28a922791e53fc86db> (дата обращения: 08.11.2020).

⁴¹ Аятолла Хаменеи ополчился на Индию: Одумайтесь, не то мы вас изолируем. 06.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2020/03/06/ayatolla-hamenei-opolchilsya-na-indiyu-odumaytes-ne-to-my-vas-izoliruem> (дата обращения: 08.11.2020).

⁴² Basu N. Oil, Chabahar, 'violence against Muslims' — why India-Iran ties are going into free fall // The Print, 06.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://theprint.in/diplomacy/oil-chabahar-violence-against-muslims-why-india-iran-ties-are-going-into-free-fall/376836/> (accessed: 08.11.2020).

⁴³ Maini T.S. Chabahar Port and the India-Iran relationship // Modern diplomacy, 09.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2020/10/09/chabahar-port-and-the-india-iran-relationship/> (accessed: 08.11.2020).

будет построен транспортный коридор между Чабахаром и Гвадаром, Индии придётся отказаться от двух своих главных целей: уравнивание присутствия Китая в регионе и обеспечение эксклюзивного маршрута в Афганистан и Центральную Азию в обход Пакистана»⁴⁴. Проектная составляющая ирано-пакистанских отношений в рамках уже заявленных инициатив Шёлкового пути может дополниться геополитической в случае реализации заявленной Тегераном идеи формирования регионального альянса с участием России, Сирии, Пакистана и Ирака⁴⁵.

Тегеран постоянно заявляет, что Нью-Дели – его надёжный партнёр, и выражает надежду, что Индия выстоит под нажимом США, вернувшись к прежней политике. Иран рассчитывает, например, что Индия поставит оборудование (краны, рельсы, стрелочные переводы, локомотивы) для прокладки железнодорожной линии от порта Чабахар до афганской границы и предоставит кредиты в размере 150 млн долларов для их оплаты⁴⁶.

Нью-Дели, в свою очередь, стремится к решению появившихся проблем, о чём говорят визиты в Иран в октябре 2020 г. министра обороны Раджнатха Сингха и министраноиностранных дел С. Джаишанкара (в своей монографии последний специально выделил проект развития порта Чабахар⁴⁷). В бюджетном плане на 2021–2022 годы правительство Индии удвоило финансирование данного проекта до 1 млрд рупий (более 14 млн долларов).

Б

Для России важно развитие отношений с Индией и Ираном. Трёхсторонний диалог

«Индия–Иран–Россия» сформировался во второй половине 2010-х годов. В 2017–2018 годах в двустороннем формате прошли значимые саммиты с участием Индии, Ирана и России, что свидетельствовало о возникновении де-факто российско-индийско-иранского стратегического треугольника [Налимовская 2018]. Сближению Москвы, Нью-Дели и Тегерана способствовали геополитические и институциональные перемены на евразийском пространстве.

Во-первых, проявляется общность исторических судеб Индии, Ирана и России как государств центральной части Евразии, относящихся к континентальным цивилизациям. С геополитической точки зрения треугольник Москва–Нью-Дели–Тегеран, объединяя потенциал трёх из шести ведущих евразийских цивилизаций, занимает осевое пространство в Евразии и формирует срединную зону геополитического влияния. *Во-вторых*, Россия и Индия входят в важные международные организации: ШОС и БРИКС (Иран занимает позицию страны-наблюдателя в ШОС и регулярно приглашался на саммиты БРИКС), которые действуют как международные объединения нового типа и выступают как значимый инструмент развёртывания процесса глобализации в мире.

Тегеран и Москва имеют опыт взаимодействия в сфере обеспечения безопасности в Афганистане, Центральной Азии, в Каспийском регионе, на Южном Кавказе и Среднем Востоке. В частности, посредничество России и Ирана помогло положить конец гражданской войне в Таджикистане в 1996 году. Тогда же Иран и Россия начали сотрудничать в борьбе с движением

⁴⁴ Влияние Ирана в рамках пакистано-индийского переговорного процесса растёт // Investfuture.ru, 07.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://investfuture.ru/news/id/vliyanie-irana-v-ramkah-paksitano-indijskogo-peregovornogo-processa-rastet> (дата обращения: 08.11.2020).

⁴⁵ СМИ: В Иране предлагают создать региональный антиамериканский альянс с участием России // RT, 24.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/473691-iran-antiamerikanskii-alyans> (дата обращения: 08.11.2020).

⁴⁶ *Haidar S.* Months after starting Chabahar rail project without India, Iran seeks equipment // The Hindu, November 8, 2020.

⁴⁷ *Jaishankar S.* (2020). *The India Way: Strategies for an Uncertain World* Hardcover. – Delhi: Harper Collins India: 240 p.

«Талибан» в Афганистане. Российско-иранские экономические отношения развиваются в энергетике, нефте- и газоразведке, в военно-технической области, железнодорожном строительстве, электрификации и модернизации иранских железных дорог; в сельском хозяйстве, исследованиях космоса, медицине, науке, образовании и культуре.

Россия и Индия в 2000 г. стали стратегическими партнёрами⁴⁸ (во время визита президента России Д.А. Медведева в Индию в декабре 2010 года, этот статус был поднят до «особо привилегированного стратегического партнёрства»⁴⁹). Основой взаимоотношений служит взаимодействие в области энергетики и военно-техническое сотрудничество. В сфере энергетики Россия и Индия реализуют значимые проекты в атомной энергетике (строительство АЭС «Куданкулам») и газификации (поставки СПГ по линии «Газпрома»). Расширяется сотрудничество в машиностроении, химической и горнорудной промышленности, фармацевтике, медицине, в области нано- и биотехнологий. Деловому сотрудничеству и созданию совместных предприятий на территории Индии благоприятствует реализуемая в этой стране программа «Сделано в Индии».

В настоящее время действует трёхсторонняя российско-индийско-иранская комиссия по таможенным вопросам, которая организует экспертные консультации по вопросам безопасности и противодействия нетрадиционным угрозам, афганской проблематике, проблемам нераспространения ядерного оружия. Многообещающим представляется сотрудничество в области своп-поставок газа, мирного атома, нефтехимии, медицины и фармацевтики, высоких технологий, в разработке программного обеспечения. Энергетический сектор Ирана и России может послужить

укреплению экономической безопасности крупнейших держав Азии, в том числе и Индии, и выступить в роли барометра регионального сотрудничества и взаимодействия.

В Азии минимальна возможность образования в обозримом будущем общего политического интеграционного пространства. При этом существует тенденция к торможению сотрудничества в сфере безопасности, прежде всего, на двусторонней основе. Структура и характер угроз и вызовов, идущих с Юга, многообразны. Терроризм, наркоторговля и миграция населения – такие угрозы исходят прежде всего от Большого Ближнего Востока, но не от Большой Восточной Азии, кроме (в перспективе) демографического давления. В этом отношении Индия и Иран, находящиеся на стыке двух мегарегионов Азии, являются важнейшими партнёрами России в деле стабилизации ситуации в Евразии.

* * *

Анализ геополитических и геоэкономических процессов в Центральной Евразии с участием Исламской Республики Иран и Республики Индия показал, что дальнейшая реализация выдвинутых Китаем, Россией, США и Японией, Турцией международных инициатив по обустройству евразийского транспортно-коммуникационного пространства может привести к формированию в Евразии и в Индо-Тихоокеанском мегарегионе ситуации новой биполярности. Можно предположить, что отличительной чертой складывающейся системы международных отношений станет полицентричная в своей основе биполярность, в которой Индия и Иран стремятся занять пограничное положение, с большим тяготением к США и России, Китаю и России соответственно. Дальнейшая кристаллизация ситуации в регио-

⁴⁸ Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21593>

⁴⁹ Сайт посольства Индии в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/bilateral-relations-india-russia.php>

не будет определяться эффективностью продвижения заявленных проектов по возрождению «Великого Шёлкового пути», где ключевой становится проблема урегулирования ситуации в Афганистане. Индия и Иран находятся на перекрестке критических линий, образующих с древности матрицу Шёлкового пути, и во многом определяют особенности новой сборки этой глобальной ячейки мирового хозяйства.

Заявленный в конце 2010-х годов курс на стратегическое партнёрство между тяготеющим к Хартленду Ираном и «страной Римленда» Индией отвечает долгосрочным устремлениям обеих стран, обеспечивая для каждой из них возможность сохранения своей цивилизационной идентичности и независимости. При этом Нью-Дели и

Тегеран сохранили курс на формирование под своим лидерством геополитических, цивилизационных, этнокультурных, экономических и военно-стратегических альянсов и союзов. Комплексный характер происходящих изменений требует поиска новых путей сотрудничества, преодоления тупика военно-политического подхода, в результате применения которого Афганистан оказался в эпицентре деятельности международного терроризма и главным источником поставки наркотиков на мировой рынок. Одним из важных направлений сотрудничества в рамках треугольника «Индия–Иран–Россия» может стать выработка общей политики в отношении Афганистана, нацеленная на достижение урегулирования конфликтной ситуации в этой стране.

Список литературы

- Караваяев А., Тишехьяр М. Международный транспортный коридор «Север–Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (июнь 2019 г.). М., 2019. 32 с.
- Лунёв С.И. Балансирование Индии между США, Китаем и Россией // Запад–Восток–Россия 2017. Ежегодник. – Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 70–76.
- Лунёв С.И., Юртаев В.И. Индийско-иранские отношения в 2018 г. // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 37–41.
- Михайличенко В.В. Развитие ирано-индийских отношений на современном этапе. 19.05.2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3655> (дата обращения: 26.05.2021).
- Налимовская Е. Треугольник Москва–Дели–Тегеран: миф или реальность? // РСМД, 28.04.2018 // URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/eugenia-nalimova/34142/>
- Фёдорова И.Е. Перспективы развития взаимодействия в треугольнике «Россия–Иран–Индия» // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15: Россия и Иран: пять веков сотрудничества. М.: ИВ РАН, 2018. С. 359–366.
- Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). М.: РУДН, 2012. 385 с.
- Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018. 160 с.
- Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.
- 40 лет Исламской Республике Иран / Отв. ред. М.С. Каменева, И.Е. Фёдорова. М.: ИВ РАН, 2020. 358 с.
- Erhan I., Petre S. Iran and India between regional governance and global challenges // Challenges of the knowledge society. Administrative and political sciences. 2018. Vol. 12. P. 1038–1049.
- Joshi Sh. India and the Middle East // Royal Society for Asian Affairs Asian Affairs. 2015. 46 (2). P. 251–269.
- Pant H.V. India-Iran Cooperation at Chabahar Port: Choppy Waters. CSIS Briefs. 2018, April. P. 1–4.
- Pethiyagoda K. India's Pursuit of Strategic and Economic Interests in Iran. Brookings Doha Center Analysis Paper. Number 23, September 2018. 35 p.

PROSPECTS FOR ESTABLISHING PARTNERSHIP RELATIONS BETWEEN INDIA AND IRAN (SIGNIFICANCE FOR RUSSIA)

SERGEY LUNEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, 107031, Russia

VLADIMIR YURTAEV

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russia

Abstract

The article is dedicated to the features and potential of the emerging strategic partnership relations between India and Iran. The relevance of the study is determined primarily by the necessity of understanding the new challenges and trends that have emerged in Asia as a result of the formation of India as a great power and a sharp increase in the role of Iran in the megaregion. Analysis of the main approaches of India and Iran to the creation of a new paradigm of international relations in Asia is given with respect to the inclusion of the issue in the strategies of the leading powers of the continent. The role of project diplomacy in the energy and transport spheres in the formation of a trusted connection in the Middle East and Central Asia, including the settlement of the situation in Afghanistan, is shown.

It was noted that the exceptional continuity which is one of the basic features of India's development, found its expression in the balancing behavior, including in South-West Asia, where Iran is one of the key players which is under US sanctions, and which foreign policy has retained its commitment to the goals of the Islamic revolution and dominance in the region. At the same time, over the past 2 years, negative trends have emerged in India's foreign policy, indicating that the positions of pro-American forces have significantly strengthened, which can undermine the general consensus on foreign policy that has existed for more than half a century. The focus is on the problems of the participation of India and Iran in the implementation of the international initiatives Belt and Road and the International North-South Transport Corridor (Southeast Asia – India – Iran – Russia – Europe). The study of cooperation in the field of energy (identification of the Iranian potential; supply of hydrocarbons to India; the possibility of buying liquefied gas by India; construction of a strategic gas pipeline from Iran to India, including the sea route, and possible participation of Russia in this project) and prospects for the growth of the Indian-Iranian trade turnover and changes in its structure are also crucial tasks in the analysis of Indian-Iranian economic relations.

Keywords:

India; Iran; Greater Middle East; Central and South Asia; Persian Gulf; transport; energy; sanctions; international terrorism; balancing behavior.

References

- Erhan I., Petre S. (2018). Iran and India between regional governance and global challenges. *Challenges of the knowledge society*. Administrative and political sciences. Vol. 12: 1038–1049.
- Fedorova I. E. (2018). Perspektivy razvitiya vzaimodejstviya v treugol'nike "Rossiya – Iran – Indiya" [Prospects for the development of interaction in the triangle "Russia-Iran-India"]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. Vyp. 15: Rossiya i Iran: pyat' vekov sotrudnichestva [Proceedings of The Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 15: Russia and Iran: five centuries of cooperation]. Moscow: IVAN RAN: 359–366.

- Joshi Sh. (2015). India and the Middle East. *Royal Society for Asian Affairs Asian Affairs*. Vol. 46. No. 2. P. 251–269.
- Kameneva M.S., Fedorov I.E. (eds) (2020). *40 years of the Islamic Republic of Iran*. Moscow: IV RAN. 358 p.
- Karavaev A., Tishekh'yar M. (2019). *Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever – YUg» i scenario transregional'noj integratsii*. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» [The North – South international transport corridor and trans-regional integration scenarios: report of the Valdai international discussion club]. 32 p. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/27685/> (accessed: 26.03.2021).
- Lunev S.I. (2018). Balansirovanie Indii mezhdru SShA, Kitaem i Rossiej [Balancing India between the US, China and Russia]. In: D.B. Malysheva, V.G. Horos (eds.). *Zapad – Vostok – Rossiya 2017. Ezhegodnik* [West – East – Russia 2017. Yearbook]. Moscow: IMEMO RAN: 70–76.
- Lunev S.I., Yurtaev V.I. (2019). Indijsko-iranske otnosheniya v 2018 g. [Indo-Iranian relations in 2018]. In: A. S. Prozorovsky, V. G. Khoros (eds.). *Zapad–Vostok–Rossiya 2018. Ezhegodnik* [West – East – Russia 2018. Yearbook]. Moscow: IMEMO RAN: 37–41.
- Mikhailichenko V.V. (2005). *Development of Iranian-Indian relations at the present stage* [Electronic resource]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3655> (accessed: 26.05.2021).
- Nalimovskaya E. (2018). Treugol'nik Moskva – Deli – Tegeran: mif ili real'nost'? [Moscow – Delhi – Tehran triangle: myth or reality?]. Moscow: *RCWA*, 28.04.2018. Available at: URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/eugenia-nalimova/34142/> (accessed: 26.03.2021).
- Pant H.V. (2018). India-Iran Cooperation at Chabahar Port: Choppy Waters. *CSIS Briefs*. Center for Strategic and International Studies (Washington): 1-4. Available at: <https://www.csis.org/analysis/india-iran-cooperation-chabahar-port-choppy-waters> (accessed: 26.03.2021).
- Pethiyagoda K. (2018). India's Pursuit of Strategic and Economic Interests in Iran. *Brookings Doha Center Analysis Paper*. Number 23. September: 35 p.
- Yurtaev V.I. (2012). *Features and implementation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran (1979–2010)*. Moscow: RUDN University, 2012. 385 p.
- Yurtaev V.I. (2018). *Islamization as a factor in Iranian foreign policy*. Moscow: Aspect Press. 160 p.
- Yurtaev V.I., Rogov A.S. (2017). ShOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v protsesse evrazijskoj integratsii [SCO and BRICS: Specifics of Participation in the Process of the Eurasian Integration]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 17. No. 3. P. 469–482.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КОНЕЦ ОПТИМИЗМА

СЕРГЕЙ ШОХИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ЕКАТЕРИНА КУДРЯШОВА

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

АННА ШАШКОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Быстроразвивающаяся цифровая экономика оказывает серьёзное влияние на налоговые системы стран мира. В конце XX века к налогообложению цифровой экономики государства подходили весьма оптимистично. Считалось, что нет необходимости вводить новые налоги и что традиционные концепции международного налогового права смогут устоять перед вызовами времени. Тогда утверждали, что налогообложение даже с приходом новых технологий должно оставаться простым, ясным и определённым. Цифровую экономику стремились поощрять и освобождать от обложения сборами. Со временем ситуация изменилась. На начало 2020-х годов преобладает пессимизм по поводу налогообложения цифровой экономики. Рассматривается вопрос о введении специальных налогов на отдельные цифровые услуги, и такие налоги уже введены в ряде стран. Вместе с тем тенденция к ужесточению налогообложения может повлечь за собой дискриминацию новых технологий по отношению к тем, которые уже укрепились на рынке. Значимую роль здесь играют противоречия между технологическим центром и периферией. Присоединиться к тенденции налогового пессимизма для технологической периферии означает в том числе ограничить возможности развития собственных технологических компаний и углубить противоречия, поскольку дискриминация в налоговой сфере иностранных компаний не допускается. Регуляторный маятник, качающийся от самого оптимистичного к крайнему пессимистичному подходу, вплоть до отчаянных протекционистских мер, должен постепенно уравновеситься. Панические настроения налоговых ведомств по поводу перспектив налогообложения цифровой экономики должны смягчиться, и следует ожидать конструктивных предложений без излишней фискальной направленности.

Ключевые слова:

международное налогообложение; цифровая экономика; налог; налоговые стимулы.

Широкое внедрение цифровых технологий в производственной и сбытовой инфраструктуре многократно расширяет возможности экономической деятельности, создаёт условия для её ускоренного роста.

Цифровизация современной жизни сопровождается трансформацией различных её институтов.

Цифровая экономика разрастается и приобретает сложную структуру. В доку-

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2020

Дата принятия к публикации: 29.03.2021

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: doctorsos07@rambler.ru

ev_kudryashova@inbox.ru

a.shashkova@inno.mgimo.ru

ментах Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) выделены несколько секторов цифровой экономики: транспортный (базируется на автоматизированных транспортных средствах); розничный; образование и здравоохранение (открытое образование, телемедицина и электронный документооборот); социализация (общение и межличностные отношения) [OECD 2015].

В начале и в середине XX века, когда формировались основные концепции и подходы к налогообложению как внутри государств, так и в международной практике, условия были принципиально иными. Например, концепция постоянного представительства, играющая ключевую роль в своде международных правил налогообложения, сложилась в то время, когда практически единственным мобильным бизнесом был транспорт. Самую мобильную отрасль выделили в отдельную категорию, и распределение доходов транспортных предприятий было вынесено в специальные правила международного налогообложения [OECD 2018]. Критерии присутствия – экономическая привязка (*lexus*) других видов предпринимательства на территории той или иной страны – не вызывали затруднений.

К началу третьего десятилетия XXI века ситуация кардинально изменилась. Возможно, что в ближайшее время цифровая экономика сделает пережитком прошлого некогда самый мобильный сектор экономики – транспорт. 3D-технологии могут серьёзно сократить товарные потоки. Производить нужный товар можно будет в месте его потребления, получив по Интернету инструкции для 3D-печати, которая сегодня стремительно развивается¹.

Скорее, исключением из правила можно считать те виды деятельности, которые прочно связаны с одним государством. К ним теперь относят компании, которые не стремятся посредством цифровых тех-

нологий распространить своё присутствие в других странах мира. В цифровом пространстве меняются субъекты, подлежащие налогообложению, и критерии их присутствия.

Впечатляющий рост цифровой экономики побудил к пересмотру классических положений теории налогового права. В литературе нескольких последних лет цифровая экономика рассматривается как вызов [Boccia, Leonardi, 2019; Haslehner, Kofler, Pantazatou 2019; OECD 2018] или как переломный этап, фактор революционных изменений в налогообложении [Valente 2018]. Проводятся исследования отдельных проблем, с которыми государства сталкиваются в условиях цифровой экономики. В настоящей статье мы ставим своей целью продемонстрировать, как поменялся общий подход к налогообложению, и обозначить некоторые причины этого процесса.

Цифровая экономика имеет черты глобального явления, и для её изучения особое значение имеет сравнительный метод. В связи с тем что цифровая экономика относится к разряду новых и быстроразвивающихся социальных явлений, многие подходы сначала возникают в процессе решения узкой задачи или конкретных разногласий, основанных на определённом наборе фактов: исходя из этого представляется логичным использовать в исследовании метод от частного к общему. Найденное таким способом частное решение в дальнейшем может стать унифицированным подходом. Метод от частного к общему задействован и в нашем исследовании.

Несмотря на то что цифровая экономика появилась сравнительно недавно, при её исследовании можно применить также историко-критический метод, в первую очередь для анализа документов 1990-х годов о налогообложении интернет-коммерции. Исторический метод познания позволяет проследить тенденции в развитии подхо-

¹ 3D Printing: A Threat to Global Trade? World Bank Group. 2019. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/152701569432061451/pdf/Is-3D-Printing-a-Threat-to-Global-Trade-The-Trade-Effects-You-Didnt-Hear-About.pdf> (accessed: 15.03.2021).

дов к налогообложению цифровой экономики. С помощью этого метода мы покажем смену общих подходов в налогообложении цифровой экономики.

1

Количественные показатели роста цифровой экономики за последние десятилетия производят глубокое впечатление. В 2000 г. объём электронной коммерции, которая впоследствии стала одним из секторов цифровой экономики, по разным оценкам, составлял от 278 до 354 млрд долларов США, а к 2001 году – уже от 474 до 615 млрд долларов США [UNCTAD 2002]. В 2017 г. объём электронной коммерции достиг 29 трлн долларов [UNCTAD, 2019].

По данным ОЭСР, в 1998 г. в мире насчитывалось чуть более 80 млн пользователей сети Интернет, и около 31 млн пользователей Интернета приобрели товары или услуги с его помощью [OECD 1999]. В последующие годы интернет-трафик увеличивался в среднем на 20% в год, и количество пользователей сети Интернет к 2015 г. выросло до 2,9 трлн человек [OECD 2015]. В 2019 г. количество пользователей Интернета достигло 4,1 трлн человек [ITU 2019]. При этом исследователи полагают, что цифровая экономика ещё не полностью раскрыла свой потенциал.

Количественные достижения впечатляют, но гораздо важнее представляются качественные характеристики цифровой экономики как нового явления и их влияние на трансформацию общественных взаимоотношений, в том числе на налогообложение.

Появление термина «цифровая экономика» относят к 1990-м годам. Изначально он применялся в исследованиях информационно-коммуникационных технологий, информатизации второго поколения и формировании шестого технологического уклада [Kurpishina 2018]. Позже сформировался спектр определений цифровой

экономики. Высказывалась даже позиция, что сама по себе экономика изначально является цифровой, поскольку экономический обмен во все времена опирался на данные, выраженные в тех или иных числах, и цифровая экономика вообще не является новым явлением [Юдина 2016].

В 1990-х – 2000-х годах в исследованиях и докладах международных организаций, затрагивающих вопросы проведения торговых операций в сети Интернет, широкое распространение получил термин «электронная коммерция». В настоящее время оно поглощено понятием «цифровая экономика». Большинство исследователей рассматривают электронную коммерцию как ядро цифровой экономики, связывая её с торговлей товарами и услугами при помощи Интернета и других новых технологий [Kenney, Zysman 2020]. При этом общепризнанного определения понятий «электронная коммерция» и «цифровая экономика» пока не выработано, и они используются в публикациях довольно произвольно.

В академических кругах также появилось понятие «цифровой капитализм», которое смещает акценты на новые явления в образовании прибыли и во взаимоотношениях между владельцами средств производства и наёмными работниками [Schiller 1999]. Концепция цифрового капитализма продолжает развиваться в рамках академической дискуссии. В отличие от концепции цифровой экономики, она не попадает в официальные документы регуляторов. Понятие «цифровая экономика», напротив, получило широкое распространение, именно оно применяется в официальных документах государств и международных организаций².

Ввиду наличия нового ресурса – цифровой информации, новых форм обмена посредством цифровых технологий и новых форм потребления цифровых информационных благ – понятие «цифровая экономика» с известной долей условности про-

² Например, термин «цифровая экономика» используется в стратегических документах России, Казахстана, а также в документах ОЭСР, на некоторые из которых мы ссылаемся в этой статье.

тивопоставляется [Юдина 2016] понятию аналоговой, или традиционной, экономики. Представляется, что такое обособление не вполне оправданно. С технологической точки зрения развитие цифровой экономики определяется развитием глобальных социальных сетей (Twitter, YouTube и так далее), а также мобильных технологий, бизнес-аналитики, облачных вычислений и средств массовой коммуникации [Goldfarb, Tucker 2017]. Упомянутые технологии пронизывают все экономические отношения в современном мире.

Следует признать, что с развитием цифровой экономики глобальное экономическое неравенство дополнилось неравенством информационным и технологическим: углубляется разрыв в уровнях развития разных государств мира и регионов, появились понятия «технологический центр» и «технологическая периферия»³. Углубление противоречий между ними технологического развития связывают с несколькими принципиально важными факторами.

Во-первых, в 2015 г. более 70% оборота высокотехнологичных компаний – это зарубежные продажи, в то время как лишь 41% активов находились за рубежом. У компаний традиционного бизнеса обороты от зарубежных продаж 65% соответствовали доле зарубежных активов 64% [Peitz, Waldfoegel 2012; Сергеев 2018; UNCTAD 2017]. Другими словами, высокотехнологичные компании, штаб-квартиры которых сконцентрированы в центрах технологического развития, осваивают зарубежные рынки экстерриториально. Они пользуются возможностью отказаться от вложения в производственные активы за рубежом и установки оборудования для промышленной сборки, а значит, не несут

риски, вызванные местным регулированием стран, обладающих дешёвой рабочей силой и другими ресурсами.

Во-вторых, высококвалифицированная рабочая сила, способная решать творческие задачи как из технологической, так и из сферы «превратного сектора» (финансы, маркетинг, СМИ и консалтинг), может массово воспроизводиться только в странах центра за счёт накопленного потенциала образования и инфраструктуры, а также высокого уровня жизни. Страны технологического центра усугубляют ситуацию, активно привлекая высококвалифицированные кадры из стран технологической периферии, тем самым консервируя научно-техническую отсталость последних [Terzi 2015; Kasatkin, Avatkov 2014].

В-третьих, наблюдаются рост технологических стартапов и видимость снижения уровня монополизации мировой экономики. Между тем инвестиции, бизнес-инкубаторы, инновационные центры связаны с крупнейшими корпорациями, которые выступают и инвесторами, и основными потребителями результатов деятельности стартапов. По сути, происходит вынесение подразделений научной разработки за пределы транснациональных корпораций. Таким образом, продолжается монополизация научно-технического потенциала и концентрация интеллектуальной собственности в руках компаний, принадлежащих центрам технологического развития [Sergeev 2018].

Информационное и технологическое неравенство в глобальном мире имеет большое значение для развития налоговых систем. На заре развития Интернета не последнюю роль в укреплении позиций стран-технологических центров сыграли налоговые льготы. В 1990-х годах элек-

³ Проблема модели «центр–периферия» разрабатывалась, начиная с 1940 года. Изначально «центром» называли страны с более развитыми технологиями, производящие средства производства. «Периферией» называли страны, осуществляющие добычу сырья и производство продовольствия (см. подробнее, например, статью «Теория периферийной экономики» // Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 1997). Позже этой терминологией и моделью «центр–периферия» стали пользоваться, рассматривая вопросы цифровой экономики. Отчасти содержание понятий сохранилось: центр – страны, разрабатывающие технологии, являющиеся местом головных офисов ведущих цифровых гигантов, периферия – страны, пользующиеся технологиями.

тронная коммерция рассматривалась как прогрессивная мобильная форма предпринимательства, и государства, установившие самые льготные условия налогообложения, смогли многократно увеличить свои налоговые поступления за счёт привлечения технологических стартапов и зрелых компаний. Например, в конце 1990-х годов. США предоставляли разнообразные льготы для всего, что было связано с Интернетом. Льготы по налогам для интернет-бизнеса в США были закреплены в так называемом *Акте о свободе Интернета от налогов 1997 года*⁴.

Государства технологической периферии обратились к поддержке собственных технологических компаний с опозданием. Теперь этим странам остаётся только предпринимать административные меры с тем, чтобы ограничить проникновение цифровых технологий извне, что в конечном итоге ведёт к усугублению глобального разрыва в технологическом развитии. Именно в цифровую эпоху всерьёз стали обсуждать идею передачи части суверенитета как актива, в том числе ради сохранения налоговой базы [Weidemaier 2017]. В контексте цифровой экономики поднят вопрос о фактической утрате фискального суверенитета в части взимания налогов из-за неэффективности национального государства в условиях глобализации и налоговой конкуренции государств — как добросовестной, так и недобросовестной [Vossia 2019].

Обеспечение хотя бы на прежнем уровне налоговых доходов государственного бюджета — одна из целей противодействия внедрению цифровой экономики в странах технологической периферии, реализация которой во многом спровоцировала волну протекционизма, включая создание разнообразных экономических и политических барьеров для прихода цифровых гигантов [Queralt 2017].

К середине 2010-х годов Европейский Союз выделил ещё несколько ключевых

характеристик цифровой экономики, которые важны непосредственно для целей налогообложения [European Union 2014], как-то: сетевые эффекты, мобильность и использование данных.

Сетевая составляющая включает в себя удешевление производства, появление платформенного и распределённого бизнеса. Новые цифровые технологии внедряются на всех стадиях производства и ужесточают конкуренцию, ограничивая использование ценовых приёмов за счёт стремительного распространения информации. Цифровые технологии расширяют рынки сбыта и размывают их границы.

Мобильность предполагает усиление роли нематериальных активов — по определению, легко перемещаемых. Данные становятся фактором производства, и появляются недоступные ранее возможности маркетинга, аналитики и воздействия на потребителя.

Повышается мобильность факторов производства в первую очередь трудовых ресурсов, меняется соотношение факторов производства под влиянием роботизации: растёт значение капитала, позволяющего развивать высокие технологии. Усиливается значение центров управления бизнесом и производством с одновременным уменьшением значения территориального расположения этих центров. Кардинально изменяется алгоритм взаимоотношений между производителем и потребителем за счёт платформенных решений.

2

Расцвет цифровых гигантов и цифровой экономики принёс странам, относящимся к технологическим центрам, налоговые доходы. Вместе с тем развитие технологий принесло возможности, позволяющие законными способами сокращать налоговые платежи и даже откровенно уклоняться от уплаты налогов. Эта проблема возникла в самом начале массового распространения Интернета.

⁴ The Internet Tax Freedom Act 1997, вступивший в силу в США в 1998 г., объявил о трёхгодичном моратории на введение федеральных и местных налогов на электронную коммерцию.

Приведём пример из 2000 года, касающийся одной из популярных тогда антивирусных программ. Продажи антивирусной программы серьёзно выросли из-за стремительного заражения компьютеров по всему миру вирусом “I love you” из Интернета. Антивирусное программное обеспечение продавалось в магазинах в Германии на носителе за 69 немецких марок за единицу, а в Интернете то же программное обеспечение можно было загрузить на личный компьютер за 59 марок. Никто не скрывал, что эта разница представляет собой сумму налогов на добавленную стоимость, не доплаченных в бюджеты нескольких государств⁵. Со временем технологические компании превратились в гиганты, объёмы интернет-рынка существенно возросли, и недополученные доходы бюджетов стали измеряться миллиардами долларов США.

США, которые очевидно относятся к технологическому центру, некогда поощрявшие налоговыми льготами развитие бизнеса в Интернете, в начале 2010-х годов объявили о своём недовольстве недостаточностью объёмов налоговых поступлений от технологических гигантов *Microsoft*, *Hewlett-Packard*⁶ и *Apple*⁷. В 2012–2013 годах подкомитет Сената США провёл расследование относительно соблюдения налогового законодательства и способов уменьшения налоговых платежей этими компаниями, по результатам которого выяснилось, что бюджет США получает меньше, чем мог бы, за счёт нераспределённой прибыли за рубежом. В частности, компания *Apple*, используя различные полужурегальные или нелегальные способы

манипуляций с налоговой базой, в 2009–2012 годах сократила свои налоговые платежи на 44 млрд долларов [Dharmapala, Riedel 2013; Kysar 2018].

Парламент Великобритании в 2013 г. провёл слушания по деятельности транснациональной компании *Google*, которая в 2012 г. выплатила в казну королевства налоги на сумму 11,6 млн фунтов стерлингов, получив в том же году прибыль более 3,4 млрд фунтов стерлингов. Сократить налоговые платежи удалось с помощью перераспределения прибыли между филиалами⁸.

Приведённые примеры иллюстрируют проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается налоговое администрирование доходов от цифровой экономики: осуществление коммерческой деятельности в той или иной стране посредством «цифрового присутствия», то есть без образования постоянного представительства; манипуляции с себестоимостью и ценой цифровых товаров и услуг для целей налогообложения; манипуляции с местом получения дохода и, соответственно, с юрисдикцией, где взимается налог при трансграничной торговле цифровыми товарами и услугами [Sheleпов 2016].

По подсчётам некоторых экспертов, на начало 2019 г. рост прибылей цифровых компаний в год составлял около 14% по сравнению с 0,2–3% роста в других секторах. Согласно тому же источнику, эффективная ставка, по которой уплачивают налог цифровые компании, составляет около 9,5% против 23,2% для традиционного бизнеса [Oki 2019].

Показательна ситуация в Европейском Союзе вокруг компании *Apple* в 2016–

⁵ Reiermann C., Schumann H. Steueroase Internet. Der Spiegel, 12.06.2000. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-16659103.html> (accessed: 17.03.2021).

⁶ Press-release. U.S. Senate. <https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/091912%20-%20PRESS%20RELEASE%20ON%20ON%20OFFSHORE%20PROFIT%20SHIFTING%20Hrg%20%209-125.pdf> (accessed: 17.03.2021).

⁷ Press-release. U.S. Senate. [https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/PRESS%20RELEASE%20ON%20OFFSHORE%20PROFIT%20SHIFTING%20HEARING%20\(APPLE\)%205-20-13.pdf](https://www.hsgac.senate.gov/imo/media/doc/PRESS%20RELEASE%20ON%20OFFSHORE%20PROFIT%20SHIFTING%20HEARING%20(APPLE)%205-20-13.pdf) (accessed: 17.03.2021).

⁸ Tax Avoidance – Google. Ninth Report of Session 2013-14. House of Commons Committee of Public Accounts. <https://publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmselect/cmpubacc/112/112.pdf> (accessed: 15.09.2019).

2018 годах. Ирландия в течение нескольких десятилетий создавала высокотехнологичным компаниям из США возможности сокращать налоговые платежи. В среде налоговых консультантов этот налоговый режим назывался Double Irish [Blair-Stanek 2015]. После того как этот режим ОЭСР признала не соответствующим документам о размывании налоговой базы и выводе прибыли из-под налогообложения [OECD 2013], ирландская налоговая служба представила двум компаниям из группы *Apple* специальные разъяснения о перераспределении налоговой базы, позволившие им сократить налоговые платежи в бюджет ЕС. Толкование налогового законодательства налоговой службой Ирландии позволило компаниям группы *Apple*, зарегистрированным в Ирландии, платить налоги по эффективной ставке 1% в 2003 г. и 0,005% в 2014 г. (эффективная налоговая ставка в Ирландии составляет 14,69 %).

В 2016 г. Еврокомиссия вынесла решение о том, что налоговый режим Ирландии в отношении компании *Apple* не соответствует законодательству Европейского Союза⁹. Ирландия не выполняла постановление о необходимости внесения изменений более года — до тех пор, пока Европейская комиссия не подготовила в Европейский суд иск к Ирландии. В сентябре 2018 г. Ирландия взыскала с компании *Apple* 14,3 млрд евро недополученных ЕС доходов. Европейская комиссия пришла к выводу, что Ирландия предоставила компании *Apple* государственное содействие в виде так называемой «операционной помощи». Она предполагает, что организация получает перманентное финансирование от государства.

Решение Европейской комиссии было оспорено, когда в июле 2020 г. Европейский

суд вынес вердикт об отмене решения Комиссии, однако Брюссель объявил, что продолжит свою кампанию против агрессивного использования налогового законодательства компанией *Apple*¹⁰. Помимо прочего, приведённый пример показывает, что конкуренция за налоговые доходы существует как между странами центра и периферии технологического развития, так и между центрами технологического развития [Shokhin, Kudryashova 2019].

В попытке сохранить свои налоговые поступления и не дожидаясь решения проблемы на наднациональном уровне, европейские государства начали вводить специальные налоги на цифровые услуги. Такого рода сборы были введены в Венгрии (0 и 5,3%), Франции (3%), Италии (3%), Австрии (5%), аналогичные инициативы рассматриваются в Бельгии и Испании. На уровне ЕС с 2018 г. обсуждается директива о налогообложении отдельных цифровых услуг по единой для всех стран ЕС ставке 3% [Szczeranski 2020].

Таким образом, по всему миру ищут пути взыскивать налоги с технологических гигантов, операций в Интернете и зафиксировать налоговую базу. Современный жёсткий подход контрастирует с тем, который господствовал в начале развития цифровой экономики или электронной коммерции.

Выше упоминался *Акт о налоговых привилегиях для Интернета в США 1997 г.* Для иллюстрации подходов в Европейском Союзе сошлёмся на основные выводы одного из первых докладов Европейской комиссии, посвящённых применению налога на добавленную стоимость к операциям, связанным с Интернетом, который был опубликован 3 апреля 1998 года¹¹. В нём просматривался крайне осторожный подход и стремление не погубить новый вид

⁹ Press-release. European Commission. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_16_2923

¹⁰ Apple and Ireland win appeal against European Commission's €13 billion tax ruling. The Journal.ie. 15.07.2020. URL: <https://www.thejournal.ie/apple-tax-fine-gael-fianna-fail-government-eu-5149993-Jul2020/> (accessed: 17.03.2021).

¹¹ Interim Report on the Electronic Commerce for VAT and Customs, XX1/98/0359, published on 3 April 1998.

рынков и предпринимательства: говорилось об отказе от введения специальных налогов на операции, связанные с Интернетом; рекомендовалось максимально упростить процедуры по соблюдению налогового законодательства налогоплательщиками (субъектами), не принадлежащими ЕС в налоговых целях.

На международном уровне также преваляровал осторожный подход и поощрительные принципы к налогообложению интернет-технологий. В 1997 г. под эгидой ОЭСР состоялась конференция, посвящённая вопросам налогообложения интернет-коммерции. По её итогам был составлен список основных проблем. В 1998 г. Комитет по финансовым вопросам ОЭСР опубликовал доклад «О структуре и условиях налогообложения электронной коммерции» [OECD 1998]. В нём были зафиксированы весьма либеральные положения:

– следует сохранять нейтральность налогообложения, придерживаясь единого подхода к налогообложению как для электронной коммерции, так и для традиционных форм реализации товаров, работ и услуг; налогообложение должно быть простым, ясным и определённым: налогоплательщик должен знать, когда, где и как ему надлежит уплачивать налог;

– затраты на сбор налогов нужно оптимизировать;

– налогообложение должно быть справедливым и эффективным, при этом надо стремиться минимизировать возможности законно уходить от налогов;

– налогообложение должно быть готово к нововведениям в области техники и предпринимательстве, а значит – гибким и применимым к новому.

Спустя двадцать лет подход к развитию цифровой экономики сменился поиском жёстких фискальных мер. Постепенное перемещение хозяйственной активности в виртуальную сферу создаёт государствам серьёзные препятствия для осуществления налогового контроля и поддержания налоговой базы. Появляются сомнения у специалистов и налоговых ведомств в возмож-

ности найти эффективные решения для справедливого и нейтрального налогообложения цифровой экономики. США и ЕС предпринимают попытки удержать налоговую базу и увеличить доходную часть своих бюджетов, получая налоговые поступления от технологических гигантов, чтобы преуспеть в глобальной конкуренции.

* * *

Неотъемлемым качеством новых технологий является их стремительный рост и распространение. Авторы данной статьи полагают, что возникновение цифровой экономики – самое значительное изменение в экономическом укладе после промышленной революции. Тем не менее до настоящего времени в науке отсутствует консенсус по формулировке определения цифровой экономики. Одна из причин состоит в том, что цифровая экономика не обособлена и не может рассматриваться ни как подсистема, ни как одна из отраслей экономики.

В современных реалиях принципиально меняются взаимоотношения между хозяйствующими субъектами, прежде всего компаниями, с одной стороны, и государствами – с другой. Эта общая тенденция включает и перемену подходов в налогообложении, как в одном из важнейших аспектов взаимоотношений частных субъектов с государством.

В начале развития электронной коммерции, которая со временем переросла в более масштабное явление – цифровую экономику, государства приняли целую волну поощрительных мер для развития новых технологий и способов ведения бизнеса [Makeeva, Mikhaleva 2019; Shashkova, Verlaina, 2020]. Как минимум, государства придерживались консервативного подхода, стараясь хотя бы не создавать препятствий для развития новой индустрии.

Осторожный, взвешенный и оптимистичный подход нашёл отражение в документах отдельных государств, регионов и международных организаций конца XX века. Просматривалась тенденция к гибкости и адаптивности налоговых систем в услови-

ях цифровизации. Правительства склонялись к поиску простых и ясных способов регулирования. В документах ОЭСР со всей определённостью указывалось, что новых специальных налогов не будет ни создаваться, ни вводиться; устоявшиеся принципы налогообложения и структуры налоговых систем рассматривались как адекватные и достаточные для применения к электронной коммерции и цифровым технологиям.

Технологические стартапы, пользовавшиеся широкими льготами и налоговыми преференциями, за несколько десятилетий стали многонациональными гигантами. Ко второму десятилетию XXI века в разных странах мира были подсчитаны налоговые потери, понесённые в результате использования такими гигантами агрессивных приёмов налоговой оптимизации. Учитывая их масштабы, от предоставления льгот и преференций государства, обратившись к политическим и юридическим механизмам, перешли к требованию возместить недополученные налоговые доходы. Теперь речь ведётся о жёстких мерах, которые были бы направлены на предотвращение уклонения от уплаты налогов с помощью цифровых технологий, о противодействии перераспределению налоговой базы, а также о введении специальных новых налогов, облагающих цифровую экономику, или специальных налогов, взимаемых с высокотехнологичных транснациональных компаний.

Не последнюю роль в ужесточении национальных подходов к налогообложению цифровой экономики сыграл рост глобального нового цифрового неравенства. Долгое время страны, завоевавшие преимущества технологических центров, активно использовали налоговое стимулирование технологических компаний и тем самым развивали налоговую конкуренцию. Стал складываться разрыв между технологическими центрами и технологической периферией мировой экономики с углублением разрыва в экономическом развитии государств, принадлежащих к этим полюсам. Страны технологической периферии теряли нало-

говые доходы, вступая в глобальную цифровую экономику.

Проблема усугубилась в связи с тем, что глобальная цифровая экономика, включая её финансовую составляющую, повлияла на общую эффективность национальных государств и проблему суверенитета в информационном и цифровом пространстве. Приведённые выше примеры свидетельствуют, что проблемы налогообложения цифровой экономики необходимо решать совместно с проблемами глобального технологического и информационного неравенства.

В результате поощрительного подхода государств технологического центра к новым технологиям постепенно выросло направление налоговой конкуренции государств по привлечению доходов технологических компаний и предоставлению возможностей по перераспределению их доходов таким образом, чтобы получить налоговые доходы от их прибылей. Налоговая конкуренция государств приобрела самые изощрённые формы. Новые технологии принесли не только положительный эффект, но и позволили транснациональным компаниям сократить абсолютные налоговые выплаты в глобальном масштабе.

Регуляторный маятник, качающийся от самого оптимистичного к крайнему пессимистичному подходу, вплоть до отчаянных протекционистских мер, должен со временем уравниваться. Панический настрой насыщенных революционной риторикой публикаций о перспективах налогообложения цифровой экономики, как мы ожидаем, смягчится и начнут поступать конструктивные предложения без излишней фискальной направленности: попыток найти любые основания для взыскания справедливой по мнению государств доли налоговых доходов.

Следует задуматься над тем, что жёсткие меры в налоговой сфере, если они будут приняты, станут подвергать дискриминации цифровые технологии, которые начали развиваться в период налогового пессимизма, по отношению к цифровым тех-

нологиям, которые развивались в период налогового оптимизма. Научно-технический прогресс может серьёзно проиграть из-за резкой смены общих подходов к налогообложению цифровой экономики. Налогообложение начинает вторгаться в само развитие цифровой экономики, создавая искусственный отбор для тех, кто

успел, и тех, кто не успел к распределению налоговых льгот и преференций. Государства технологической периферии снова потеряют, если присоединятся к налоговому пессимизму технологических центров. Разрыв между технологическими центрами и технологической периферией может углубиться.

Список литературы

- Сергеев Г.С.* Строительство цифровой экономики в России: геополитический аспект // Экономическое возрождение России. 2018. Т. 3 (57). С. 92–102.
- Юдина Т.М.* Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12–16.
- Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting. OECD. 2013. URL: <http://www.oecd.org/ctp/bepsactionplan.pdf> (accessed: 15.03.2021).
- Blair-Stanek A.* Intellectual Property Law Solutions to Tax Avoidance // UCLA Law Review. 2015. No. 2. P. 4–72.
- Boccia F., Leonardi R.* The challenge of the digital economy: markets, taxation and appropriate economic models. Palgrave Macmillan, 2016. P. 148.
- Dharmapala D., Riedel N.* Earnings Shocks and Tax-Motivated Income-Shifting: Evidence from European Multinationals // Journal of Public Economic. 2013. No. 97. P. 96.
- Digital Economy Outlook. Paris: OECD Publishing, 2015. 280 p.
- Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries. UNCTAD, 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (accessed: 15.03.2021).
- E-commerce and development report. UNCTAD. UN. New York and Geneva, 2002. URL: https://unctad.org/en/Docs/ecdr2002p1_en.pdf (accessed: 01.03.2021).
- Electronic commerce: taxation framework conditions. Report of Committee on Fiscal Affairs. OECD, 1998. 7 p.
- Goldfarb A., Tucker C.* Digital economics // Journal of Economic Literature. 2019. Vol. 57. No. 1. P. 3–43.
- Measuring digital development. Facts and figures 2019. The International Telecommunication Union (ITU) UN. 2019. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2019_r1.pdf (accessed: 15.03.2021).
- Kasatkin P.I., Avatkov V.A.* The soft power of migration—a hard task for the European union // Defense and Security Analysis. 2014. Vol. 30. No. 4. P. 311–322.
- Kenney M., Zysman J.* The platform economy: restructuring the space of capitalist accumulation // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 55–76.
- Kysar R.* Tax Law and the Eroding Budget Process // Law and Contemporary Problems. 2018. Vol. 81. No. 2. P. 61–98.
- Kupchishina E.V.* Digital Economy as Neo-Economy Phenomenon: Evolution of Concepts // Gosudarstvennoye upravlenie. Electronnyi Vestnik. 2018. No. 68. P. 426–444.
- Makeeva E., Mikhaleva I.* Taxation regulation of the BRICS' innovative Companies. // BRICS Law Journal. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 41–62.
- Shashkova A., Verlaine M.* Change of tax policy model as a base for innovation development while transferring from the pre-industrial to the industrial society // Post-industrial Society / ed. by J. Kovalchik. Cham: Palgrave Macmillan. 2020. P. 137–147. DOI: 10.1007/978-3-030-59739_9_12.
- Shokhin S., Kudryashova E.* Macroeconomic Coordination in the Eurasian Economic Union: Strategic Aspects // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 38–52.
- Oki N.* The Digital Economy and Our Vanishing Tax Base. 2019. URL <https://www.tkfd.or.jp/en/research/detail.php?id=666> (accessed: 01.09.2019).
- Report of the Commission Expert Group on Taxation of the Digital Economy. Brussels: European Union, 2014. 78 p.
- Queralt D.* Protection Not for Sale, But for Tax Compliance // International Studies Quarterly. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 631–641.
- Schiller D.* Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. 294 p.

- Shelepov A.* BEPS Action Plan: Global Tax Cooperation // *International Organizations Research Journal*. 2016. Vol. 11. No. 4. P. 36–59.
- Szczepanski M.* Digital taxation. State of play and way forward. European Parliament. 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI\(2020\)649340_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI(2020)649340_EN.pdf) (accessed: 20.10.2020).
- Tax and the digital economy: challenges and proposals for reform / ed. by W.C. Haslehner, G.W. Kofler, K. Pantazatou. Kluwer Law International, 2019. 583 p.
- Taxation and electronic commerce. Progress report, prepared by Secretariat OECD. OECD, 1999. 236 p.
- Tax challenges arising from digitalization – interim report 2018: inclusive framework on BEPS. Paris. OECD, 2018. 243 p.
- Terzi A.* Global Trends in Brain Drain and Likely Scenario in the Coming Years // *The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation* / ed. by D. Archibugi, A. Filippetti. John Wiley & Sons, 2015. P. 407–417.
- The Oxford Handbook of the Digital Economy* / ed. by M. Peitz, J. Waldfoegel. Oxford University Press, 2012. 624 p.
- Valente P.* Digital Revolution. Tax Revolution? // *Bulletin for International Taxation*. 2018. Vol. 72. No. 4a. P. 9–13.
- Weidemaier C.* A (very thin) market for sovereign control // *Duke Law Journal*. 2017. Vol. 66. P. 67–77.
- World investments report. UNCTAD. 2017. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed 20.10.2020).

TAXING DIGITAL ECONOMY

THE END OF OPTIMISM

SERGEY SHOKHIN

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

EKATERINA KUDRYASHOVA

Institute of legislation and comparative law, Moscow, 117218, Russia

ANNA SHASHKOVA

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The rapidly developing digital economy seriously affects the tax systems of different countries. At the end of XX century there was an optimistic approach to the taxation of digital economy. It was considered that there is no need for the new taxes, new tax regimes and the traditional concepts of international taxation were expected to sustain the new challenges. It was also considered that even with implementation of new technologies tax rules should keep on being clear and simple with high level of certainty, so that taxpayers could anticipate the tax consequences in advance. The digital economy was supported and exempt from taxation. Nowadays the possibility of imposing the new special taxes on digital economy is considered and some countries already introduced those taxes. The pessimism in respect of digital economy is now prevailing in the tax systems. However, the tightening trend in the tax regimes may entail the discrimination of the new technologies against those, which were developed before and already entered into the markets. The controversies between the technological center and periphery play certain role here. For the countries of technology periphery to join the tightening trend means to curb development of their domestic high-tech industry as discrimination in taxation of foreign countries is still considered unacceptable. It is obvious that the regulatory pendulum: from the most optimistic to the extreme pessimistic approach, until the desperate protectionist measures, should be balanced with the time. The panic in the publications

about the prospective of the digital economy taxation shall subside and turn to the constructive suggestions without unnecessary fiscal focus.

Keywords:

international taxation; digital economy; tax incentives; Internet commerce; technological divide; USA; EU.

References

- Blair-Stanek A. (2015) Intellectual Property Law Solutions to Tax Avoidance. *UCLA Law Review*. 2015. No. 2. P. 4–72.
- Boccia F., Leonardi R. (2016) *The challenge of the digital economy: markets, taxation and appropriate economic models*. Palgrave Macmillan. 148 p.
- BCG. (2012). *The Connected World. The Internet Economy in the G-20. The \$ 4.2 Trillion Growth Opportunity*. Report. The Boston Consulting Group. 53 p.
- Dharmapala D., Riedel N. (2013). Earnings Shocks and Tax-Motivated Income-Shifting: Evidence from European Multinationals. *Journal of Public Economic*. 2013. No. 97. P. 96.
- Kenney M., Zysman J. (2020). The platform economy: restructuring the space of capitalist accumulation. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 13. No. 1. P. 55–76.
- EU (2014). *Report of the Commission Expert Group on Taxation of the Digital Economy*. Brussels: European Union. 78 p.
- Goldfarb A., Tucker C. (2019). Digital economics. *Journal of Economic Literature*. Vol. 57. No. 1. P. 3–43.
- Haslechner W.C., Kofler G.W., Pantazatou K. (eds) (2019). *Tax and the digital economy: challenges and proposals for reform*. Kluwer Law International. 583 p.
- ITU (2019) Measuring digital development. Facts and figures 2019. The International Telecommunication Union (ITU) UN. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2019_r1.pdf (accessed: 15.03.2021).
- Kasatkin, P.I., Avatkov, V.A. (2014). The soft power of migration-a hard task for the European union. *Defense and Security Analysis*. Vol. 30. No. 4. P. 311–322.
- Kysar R. (2018). Tax Law and the Eroding Budget Process. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 81. No. 2. P. 61–98.
- Kupchishina E.V. (2018). Digital Economy as Neo-Economy Phenomenon: Evolution of Concepts. *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyi Vestnik*. No. 68. P. 426–444.
- Makeeva E., Mikhaleva I. (2019). Taxation regulation of the BRiCs' innovative Companies. *BRICS Law Journal*. Vol. 6. No. 1. P. 41–62.
- Shashkova A., Verlaine M. (2020) "Change of tax policy model as a base for innovation development while transferring from the pre-industrial to the industrial society", In Kovalchik J. (ed) *Post-industrial Society*. P. 137–147. Palgrave Macmillan. Cham. DOI 10.1007/978-3-030-59739_9_12.
- Shokhin S., Kudryashova E. (2019). Macroeconomic Coordination in the Eurasian Economic Union: Strategic Aspects. *Russian Law Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 38–52.
- OECD (1998). *Electronic commerce: taxation framework conditions*. Report of Committee on Fiscal Affairs. 7 p.
- OECD (1999). *Taxation and electronic commerce*. Progress report, prepared by Secretariat OECD. 236 p.
- OECD (2013). Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting. URL: <http://www.oecd.org/ctp/bepsactionplan.pdf> (accessed: 15.03.2021).
- OECD (2015). *Digital Economy Outlook*. OECD Publishing. Paris. 280 p.
- OECD (2018). *Tax challenges arising from digitalization – interim report 2018: inclusive framework on BEPS*. Paris. 243 p.
- Oki N. (2019). *The Digital Economy and Our Vanishing Tax Base*. URL <https://www.tkfd.or.jp/en/research/detail.php?id=666> (accessed 01.09.2019).
- Peitz M., Waldfogel J. (eds) (2012). *The Oxford Handbook of the Digital Economy*. Oxford University Press. 624 p.
- Queralto D. (2017). Protection Not for Sale, But for Tax Compliance. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. Issue 3. P. 631–641.
- Schiller D. (1999). *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 294 p.
- Sergeev G.S. (2018) Stroitelstvo tsifrovoy ekonomiki v Rossii: geopoliticheskiy aspekt. *Economicheskoye vrozozhdenie Rossii*. Vol. 3 (57). P. 92–102.

- Shelepov A. (2016) BEPS Action Plan: Global Tax Cooperation. *International Organizations Research Journal*. Vol. 11. No. 4. P. 36–59.
- Szczepanski M. (2020) *Digital taxation. State of play and way forward*. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI\(2020\)649340_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/649340/EPRS_BRI(2020)649340_EN.pdf) (accessed: 20.10.2020).
- Terzi A. (2015) Global Trends in Brain Drain and Likely Scenario in the Coming Years. In Archibugi D., Filippetti A. (eds.) *The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation*. John Wiley & Sons. P. 407–417.
- UNCTAD (2002). *E-commerce and development report*. UNCTAD. UN. New York and Geneva 2002. URL: https://unctad.org/en/Docs/ecdr2002p1_en.pdf (accessed: 01.03.2021).
- UNCTAD (2017). *World investments report*. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2017_en.pdf (accessed: 20.10.2020).
- UNCTAD (2019). *Digital economy report 2019. Value creation and capture: implications for developing countries*. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (accessed: 15.03.2021).
- Valente P. (2018) Digital Revolution. Tax Revolution? *Bulletin for International Taxation*. Vol. 72. No. 4a. P. 9–13.
- Weidemaier C. (2017). A (very thin) market for sovereign control. *Duke Law Journal*. Vol. 66. P. 67–77.
- Yudina T.M. (2016). Osmyslenie tsifrovoy ekonomiki. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 3. P. 12–16.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ И ПРОГНОЗЫ

ЭЛИНА СИДОРЕНКО

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В работе проведён системный анализ цифровой валюты центральных банков (ЦВЦБ) как нового финансового инструмента. Основной целью работы стало исследование экономических сценариев развития ЦВЦБ внутри страны и за её пределами на основе оценки основных признаков, преимуществ и рисков внедрения этого финансового инструмента в современную монетарную политику. ЦВЦБ рассмотрена в работе в трёх основных качествах: как инструмент внутрисударственных расчётов, как единая расчётная единица межгосударственных блоков и как универсальная международная цифровая валюта. Каждая из этих моделей рассматривалась автором в плоскости мотивации участников рынка, степени готовности проекта и совместимости с существующей финансовой системой.

Дифференциация моделей в зависимости от архитектуры расчётов, технологических параметров и масштабов реализации позволила заключить, что в настоящее время отсутствует единое понимание природы и экономических преимуществ ЦВЦБ как на уровне отдельных стран, так и международного сообщества в целом. Обращая внимание на технологические плюсы цифровизации финансовой системы, государства не готовы ответить на вопрос о масштабах внедрения ЦВЦБ. Будет ли это заменой наличности в стране или станет единым средством расчёта между разными странами? И готовы ли сегодня государства рассматривать такую возможность?

В заключении работы автор обосновывает мысль о том, что в ближайшие 3–5 лет интерес к ЦВЦБ будет расти преимущественно в развивающихся странах, добивающихся качественного скачка в развитии сектора цифровых финансовых услуг. Что же касается развитых стран, то они ни объективно, ни субъективно не готовы изменить уже выстроенную и хорошо зарекомендовавшую себя финансовую систему, а потому, с учётом их слабой заинтересованности в смене парадигм, цифровая валюта в ближайшие 10 лет не сможет составить альтернативу доллару США как единицы международных расчётов. Вместе с тем велика вероятность развития ЦВЦБ как средства расчётов между странами в рамках межгосударственных блоков при условии единства целей участников этих блоков.

Ключевые слова:

цифровая валюта центральных банков; криптовалюта; экономические сценарии; монетарная политика; валютные отношения.

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.03.2021

Дата принятия к публикации: 13.05.2021

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: 12011979@list.ru

Возросший с конца 2010-х годов интерес государств к цифровым валютам центральных банков (ЦВЦБ) объясняется, с одной стороны, политическими вызовами (поиском альтернативы доллару США как средству расчётов, преодоления санкций и расширения возможностей внешней торговли), а с другой – исключительно инструментальными задачами по созданию более мобильной и прозрачной системы расчётов и банковского обслуживания. Несмотря на принципиальную заинтересованность государств в этом финансовом инструменте, разработчики пока не приступили к детальному обсуждению его параметров. В частности, не ясно, смогут ли цифровые деньги заменить наличность, должно ли каждое государство иметь ЦВЦБ, каковы экономические и юридические риски введения новой валюты и целесообразна ли разработка единого финансового инструмента для межгосударственных расчётов.

Впервые о возможности расширения концепции денег за счёт нового инструмента – ЦВЦБ – заговорили в 2017 году, на пике интереса больших финансовых игроков к криптовалюте. Согласно данным Банка международных расчётов (Bank for International Settlements, BIS), такой интерес проявляли более 60% опрошенных центральных банков¹. К 2020 г. количество заинтересованных респондентов возросло на 20%: более 50 финансовых регуляторов выказали готовность проработать вопрос о возможности внедрения ЦВЦБ.

Актуальность темы многократно возросла после заявления Фейсбука о намерении выпустить собственную цифровую валюту *Libra*. Кроме того, с резким ростом платёжных платформ *Alipay* и *WeChat Pay* на цифровые платформы ушло значительное количество наличных платежей [Fernández-Villaverde et al 2020]. Возник риск появления новых денег на нефинансовом рынке с потенциально большим охватом потребителей при отсутствии у регулятора возможности контролировать финансовые потоки.

Важность проблеме ЦВЦБ придаёт и тот факт, что в настоящее время существенно возросло количество безналичных платежей [Киселёв 2019], а переход в период пандемии к «дистанционной» экономике заставил искать принципиально новые модели взаиморасчётов при одновременном сохранении государственного контроля за монетарной политикой.

Следует принять во внимание и тот факт, что в условиях цифровизации государственных услуг влияние публичных институтов на производственные и финансовые процессы заметно увеличивается. Финансовая система, будучи одним из ключевых элементов экономики со значительным государственным влиянием, зачастую выступает единственно приемлемой для публичной власти точкой входа для инновационных цифровых практик.

С появлением цифровой валюты, условно называемой «частными деньгами» [Жуков, Копытин, Масленников 2019] (в частности, *Bitcoin*, *Ethereum*, *Tether*, *Litecoin*, *Bitcoin Cash*, *Zcash*), вопрос о сохранении в финансовой сфере лидирующих позиций государства приобретает особую остроту и побуждает его к поиску новых – государственно ориентированных – моделей цифровой трансформации денег. Проблема заключается в том, что, несмотря на значительное количество теоретических и прикладных работ по цифровой валюте, государства не могут приступить к полномасштабному её внедрению ввиду отсутствия понимания того, как может развиваться ЦВЦБ в контексте существующего и потенциального ландшафта финансовых услуг.

В этих условиях в качестве цели настоящего исследования мы обозначаем анализ объективных и субъективных факторов готовности государств и международных организаций к внедрению ЦВЦБ, равно как и оценку перспектив развития концепции цифровых денег центральных банков в контексте трёх основных сценариев:

¹ BIS innovation hub to expand to new locations in Europe and North America. Bank for International Settlements. 2020. URL: <https://www.bis.org/press/p200630a.htm> (accessed: 10.12.2020).

ЦВЦБ (1) как инструмент внутрисударственных расчётов, (2) как единая расчётная единица межгосударственных блоков и (3) как универсальная международная цифровая валюта. По итогам проведённого анализа предполагается выделить и оценить возможные прогнозы внедрения ЦВЦБ в среднесрочной перспективе.

1

В 2020 г. Банк международных расчётов с участием регуляторов экономически развитых стран (Великобритании, Японии, Швеции, Швейцарии, Канады и США) отметил универсальные экономические преимущества ЦВЦБ: постоянный доступ к деньгам центрального банка; устойчивость денежной системы; увеличение разнообразия способов платежей; поощрение финансовой доступности; улучшение трансграничных платежей; поддержка общественной конфиденциальности и содействие фискальным переводам².

В докладе от 27 января 2021 г. аналитики BIS подтвердили эти выводы и провели ранжирование стран в зависимости от уровня их мотивационной вовлечённости в развитие ЦВЦБ по следующим основным параметрам: финансовая стабильность, реализация денежно-кредитной политики и финансовая доступность, эффективность и безопасность платежей [Boar, Wehrli 2021]. Исследование выявило существенные различия в интересах развитых и развивающихся стран. Государства с развивающейся экономикой рассматривают в первую очередь на то, что ЦВЦБ расширит доступ населения к финансовой системе и увеличит эффективность внутренних платежей. В таких странах ЦВЦБ поможет продвигнуть финансовую оцифровку, развить финансовую систему, снизить эмиссионные и транзакционные издержки денежной базы [Fernández-Villaverde et al 2020]. Для развитых стран, напротив, ключевым экономическим преимуществом выступает безопасность расчётов.

Таким образом, несмотря на широкий разброс в ответах относительно значимости ЦВЦБ для отдельных государств, в целом экономическая мотивация развитых стран в части внедрения таких валют значительно слабее, чем ожидания развивающихся обществ. В этой связи в ближайшее время вряд ли можно прогнозировать стремительный рост новой цифровой валюты в качестве общемирового расчётного инструмента – альтернативы доллару США.

Как отмечают исследователи, «создание ЦВЦБ (и получение преимуществ от их использования) легче осуществить государствам с малой экономикой и населением, поскольку им легче ввести ЦВЦБ. Использование такой возможности развивающимися странами сделает их экономически сильнее и независимее и тем самым сократит экономическое и геополитическое неравенство между различными державами» [Negadekatti, Kartik 2016]. Первая часть представленного вывода частично подтверждается на практике: первую ЦВЦБ запустили Багамы с населением 393 тыс. человек.

Вместе с тем, несмотря на некоторые различия, и развитые, и развивающиеся страны признают некоторые преимущества ЦВЦБ. В частности, Международный валютный фонд, обобщив экономические мотивы государств, выделил следующие возможные преимущества цифровой валюты:

1) усиление конкуренции, повышение эффективности и устойчивости платёжных систем против растущей концентрации финансовой власти в руках нескольких очень крупных компаний;

2) поддержка финансовой цифровизации, снижение затрат, связанных с выпуском наличных денег и управлением ими, а также повышение финансовой доступности, особенно в странах с неразвитыми финансовыми системами и множеством не охваченных банковским сектором граждан;

3) повышение эффективности денежно-кредитной политики, получение государ-

² BIS innovation hub to expand to new locations in Europe and North America. Bank for International Settlements. 2020. URL: <https://www.bis.org/press/p200630a.htm> (accessed:10.12.2020).

ственными институтами детальных данных о потоках платежей для улучшения макроэкономических прогнозов;

4) в случае установления процентной ставки большая эффективность денежно-кредитной политики за счёт реакции экономики на изменения учётной ставки ЦВЦБ;

5) сокращение или предотвращение использования частных криптовалют, которые трудно контролировать и регулировать, а потому они могут угрожать денежному суверенитету и финансовой стабильности государств;

6) увеличение притока национальной валюты и удержание её в стране в качестве платёжного средства в государствах, пытающихся снизить долларизацию;

7) совершенствование распределения налогово-бюджетных стимулов среди небанковских и других получателей [New Forms of Digital Money... 2020].

Европейский Центральный банк также подтвердил наличие общей экономической мотивации государств на развитие ЦВЦБ, назвав общепризнанные достоинства валюты:

– всеобщая доступность эффективных, безопасных и современных денег центрального банка;

– повышение устойчивости и доступности розничных платежей;

– более эффективный контроль над незаконными платежами и сбережениями, борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма;

– усиление денежно-кредитной политики;

– упрощение безвозмездного предоставления денег гражданам;

– повышение финансовой стабильности и снижение морального риска банков за счёт уменьшения роли банковской системы в создании денег;

– увеличение дохода от сеньоража для государства (и граждан), поскольку государство забирает деньги у банков [Bindseil 2020].

Заметно более скептическую позицию занимают национальные банки отдельных

стран. В частности, эксперты Банка Литвы заявляют, что сегодня роль ЦВЦБ в международной политике рассматривается очень предвзято, тенденциозно и ситуативно; в отдельных случаях (Венесуэла, Иран) – исключительно как инструмент для обхода санкций. В этой связи развитие большинства проектов ЦВЦБ лишено фундаментального концептуального обоснования. Иначе говоря, государства не видят веской причины развивать свои ЦВЦБ. Вместе с тем и Банк Литвы признаёт экономические преимущества цифровой валюты: как средство удовлетворения потребностей граждан в безопасном, надёжном и экономичном инструменте для трансграничных платежей, безопасное средство платежа, ответ на изменения в обществе и постепенный отказ от наличности.

Банк Израиля дополняет перечень экономических преимуществ ЦВЦБ указанием на обеспечение доступа к обязательствам центрального банка, повышение эффективности платежей [Report of the team... 2018]. Великобритания видит в ЦВЦБ исключительно инструментальную роль – обеспечение быстрых, эффективных и надёжных платежей и получение выгоды от устойчивой, инклюзивной, инновационной и конкурентоспособной платёжной системы [Central Bank Digital Currency Opportunities... 2020]. Этот подход разделяет Центральный банк Канады [Central Bank Digital Currency (CBDC)... 2020].

Как следует из представленного обзора, вопрос об экономических преимуществах цифровой валюты связан с мотивацией стран в расширении цифрового рынка финансовых услуг. Для стран с развитой системой финансовых услуг экономические преимущества новой цифровой валюты сконцентрированы на решении инструментальных задач: обеспечение скорости и безопасности транзакций. Развивающиеся страны рассматривают концепцию цифровой валюты центральных банков как триггер для запуска трансформации финансовой системы и оживления национальной экономики.

Исключение составляет Китай. Будучи одним из флагманов цифровизации финансов, он не разделяет мотивацию развитых стран, а рассматривает ЦВЦБ как мощный ресурс для расширения своего торгового оборота. Китайская политика в отношении цифровой юаня следует модели «тройного коня»: китайские туристы могут заметно увеличить покупательскую способность новой валюты не только и не столько в КНР, сколько за её пределами. В этой связи эксперты европейской аналитической группы dGen [Kinoti 2020] прогнозируют, что в 2025 г. цифровой юань вытеснит обычный евро, если Европейский Союз не создаст цифровой евро. При этом цифровой юань не сможет в краткосрочной перспективе вытеснить доллар США, поскольку небольшим странам будет тяжело отказаться от привычной системы международных расчётов.

Согласно отчёту *Goldman Sachs*, на цифровой юань, планируемую национальную виртуальную валюту Китая, будет приходиться 15% общих потребительских платежей через 10 лет внутри страны, что поможет коммерческим банкам получить больше предпочтений со стороны финтех-компаний [Goldman Sachs 2020].

2

Описанные противоречия в подходах объясняются преимущественно отсутствием единства участников дискуссии в понимании функций цифровой валюты центрального банка и целесообразности выделения нескольких видов этой валюты.

В зависимости от архитектуры расчётов можно выделить три модели ЦВЦБ.

1. *Прямой расчёт* (модель квазикоммерческого банка). Центральный банк эмитирует и управляет ЦВЦБ. Регулятор вступает в прямые отношения с экономическими агентами (физическими и юридическими лицами), обслуживает розничные платежи и ведёт реестр всех транзакций, то есть выполняет расчётные функции коммерческого банка.

2. *Гибридное обслуживание*. Коммерческий банк обслуживает розничные плате-

жи, центральный банк ведёт реестр транзакций и обеспечивает техническую безопасность проведения платежей. При таком подходе двухуровневая финансовая система страдает меньше, но возникает вопрос, в каких случаях кошельки потребителей ведёт центральный, а в каких случаях — коммерческий банк.

3. *Посредническая модель*, или *модель квазибезналичного расчёта*. В данном случае цифровая валюта центральных банков рассматривается как средство транспортировки денег, своеобразная альтернатива безналичным платежам. За коммерческими банками сохраняются преимущества безналичных денежных средств: механизм трансфера через реестры коммерческого банка и возможность отслеживания платежей. Привязка валюты к центральному банку носит скорее маркетинговый характер и направлена на увеличение доверия населения к новому платёжному инструменту.

В зависимости от характеристик пользователей выделяют два варианта реализации ЦВЦБ [Auer et al 2020]:

- розничная (Retail) ЦВЦБ – валюта, доступная широкому кругу пользователей, в том числе в розничной продаже;

- оптовая (Wholesale) – валюта, доступная ограниченному кругу пользователей (профессиональным участникам рынка и кредитным организациям).

Как показали результаты исследования Ауэра и др., большинство стран склоняются к модели *Retail*, расширяющей инструментальные возможности платёжных систем и безопасность переводов.

Существующие модели государственной валюты могут быть рассмотрены и с позиции её инфраструктуры. Условно можно выделить модель, построенную на централизованной базе данных и на технологии распределённого реестра (блокчейн). Существенное значение имеет анализ таких параметров, как механизм допуска пользователей и маркетинговая составляющая модели. Важно понимать, как будет идентифицироваться транзакция: через учётную запись пользователя или с помощью циф-

рового токена и его проведения в реестре [Sidorenko 2020; Kiff et al. 2020].

При оценке экономических последствий введения ЦВЦБ надо понимать, о какой архитектуре и маркетинговой составляющей идёт речь, а также открыто ответить на вопрос, предназначена ли ЦВЦБ исключительно для внутреннего рынка — от этого зависят экономические и геополитические риски, связанные с перестройкой регулирования внешнеэкономической деятельности. Высказывается мнение, что «выпуск ЦВЦБ одним государством окажет влияние не только на экономику выпускающей страны, но и на международную экономику в целом. В частности, потрясения в экономике страны-эмитента окажут большее воздействие на экономику стран, с которыми страна-эмитент наиболее связана через её ЦВЦБ. Валюта, проникающая в денежный оборот других стран, вызовет сокращение экономической свободы финансовых регуляторов этих стран. В результате местным властям нужно будет в два раза активнее реагировать на инфляцию и другие процессы в стране [Ferrari, Stracca 2020].

В этой связи при разработке архитектуры ЦВЦБ важно оценивать не только возможности улучшения финансовых услуг в стране, но и некоторые мирополитические и экономические риски в связи с использованием иностранной ЦВЦБ во внутригосударственных расчётах.

З

Обратимся к прогнозам развития ЦВЦБ. Большинство исследователей очень осторожно подходят к этому вопросу, тем более в глобальном масштабе. Экономисты и политологи выделяют несколько сценариев, которые условно можно разделить на три основных блока.

А) *Сценарий единой цифровой валюты для международных расчётов*. Ключевую роль в его реализации играет вопрос о том, сможет ли такая валюта составить альтернативу доллару США. Бреттон-Вудская система возникла потому, что Соединённые Штаты предложили странам новые экономиче-

ские стандарты и убедили их принять разработанные правила игры. Сегодня ЦВЦБ имеет все шансы полностью перевернуть мировую экономику и политику, но ни одна из стран, включая США, не предлагает новых стандартов мировой цифровой экономики, способных сменить Ямайскую валютную систему. Вполне возможно, что государство, которое отстоит своё видение мирового стандарта ЦВЦБ, станет новым экономическим гегемоном на десятилетия вперёд.

Исследователи видят два основных препятствия реализации сценария единой цифровой валюты расчётов:

– отсутствие мирового финансового мегарегулятора. Возможным решением проблемы могло бы стать создание международного клирингового центра, который бы контролировал объём всех ЦВЦБ, имел право выпускать и уничтожать новые единицы ЦВЦБ, поддерживая баланс мировой ликвидности [Christian 2020];

– отсутствие гаранта ценности валюты. Не ясно, будет ли её гарантировать выпускающий субъект, или цена будет определяться на основе показателей потребительской уверенности участников рынка. В случае поиска приемлемой для всех цены валюты возникнет риск политических манипуляций: стоимость ЦВЦБ будет во многом зависеть от заинтересованности развитых стран, которые пока не видят в ней ничего, кроме безопасности платежей. Кроме того, при развитии данного сценария будут нивелированы интересы развивающихся государств, не способных самостоятельно выстроить архитектуру цифровой валюты для международных расчётов.

Б) *Сценарий цифровых валютных блоков*. По мнению заместителя директора-распорядителя МВФ Тао Чжан, «в ближайшем будущем возможно формирование новых “валютных блоков”, в которых страны-участницы договорятся использовать одну ЦВЦБ во внутренних расчётах и в торговле между собой. Такой сценарий возможен прежде всего в условиях мирного сосуществования нескольких крупных ЦВЦБ, например цифровых юаня, доллара и евро»

[New Forms of Digital Money.. 2020]. Для прочих государств, особенно со слабой экономикой, появятся риски вытеснения национальной валюты иностранной ЦВЦБ. С экономической точки зрения этот процесс подобен «долларизации экономики», причём в силу качественно более простого способа использования ЦВЦБ имеет шанс вытеснить местную валюту гораздо быстрее. Экономика таких стран станет менее контролируемой и устойчивой.

В основу данного сценария закладывается предположение, согласно которому цифровая валюта может привести к возникновению принципиально новой экономики, имеющей несколько точек притяжения, каковыми могут стать не только и не столько экономические факторы, сколько распространённость, техническая доступность и безопасность цифровой валюты. В силу новизны этого инструмента все государства находятся в равном положении, поэтому есть вероятность, что внутри отдельных международных организаций или в отдельных геополитических зонах ЦВЦБ будут выполнять функции резервной валюты.

В ходе развития ЦВЦБ межгосударственные объединения имеют шанс повысить свою значимость в международной политике и принять активное участие в создании ЦВЦБ вместе с государствами. В то же время международные организации имеют шанс стать международными площадками, на которых финансовые регуляторы смогут обмениваться опытом и сотрудничать в развитии ЦВЦБ и её международных стандартов [Wang, Gao 2016]. Следует тем не менее оговориться, что сценарий цифровых валютных блоков возможен только в условиях открытости стран внутри этих блоков в части формирования и реализации экономических и политических задач ЦВЦБ.

Наличие ЦВЦБ существенно усилит международные вторичные шоки (когда экономический кризис в одной стране вызывает кризисы в других странах), тем самым укрепляя международные связи. В то же время силы этих вторичных шоков за-

висят от конструкции ЦВЦБ и договорённостей государств-партнёров. Изначально выпуск цифровой валюты на внутреннем рынке увеличивает асимметрию международной валютной системы из-за сокращения автономии денежно-кредитной политики отдельных государств и в итоге может привести к выбору одной валюты для расчётов между постоянными партнёрами [Ferrari et al. 2020].

В) Сценарий ЦВЦБ как внутригосударственного расчётного инструмента. В этом сценарии ключевая задача ЦВЦБ состоит в замене наличности и оживлении рынка финансовых услуг внутри страны.

Один из способов оживить стагнирующую экономику состоит в том, чтобы раздать деньги населению (модель «вертолётных денег» — helicopter money), оно начнёт их тратить, и денежные потоки возобновятся. В обычной денежной системе, где государство может действовать только через банки-посредники, такая денежная раздача обязательно пройдёт неэффективно. В системе, где действует ЦВЦБ, эти риски исключены, так как каждый гражданин имеет счёт в Центробанке, на который сами власти начисляют деньги. Тем не менее такое преимущество цифровой валюты выглядит сомнительным в свете существующих оценок самой стратегии «вертолётных денег». Ещё в 1969 г. Милтон Фридман [Friedman 1969] убедительно показал, что при сохранении основных экономических показателей (человеческих и природных ресурсов, технологий, рынка, капиталов, кредитной политики и пр.) свободная раздача денег не приведёт к реальному росту экономики. Это означает, что делать основную ставку на ЦВЦБ как на эффективный инструмент оздоровления финансовой и экономической политики вряд ли стоит.

Важно понимать, что сегодня основная задача государства состоит не в изменении двухуровневой финансовой системы, а в совершенствовании существующих механизмов. В этой части ЦВЦБ призвана стать катализатором государственно-частного партнёрства [Zetzsche et al 2020] внутри

страны при сохранении существующей финансовой политики. В обоснование данного сценария эксперты ссылаются на опыт Китая, Канады и Швеции, где мегарегулятор намерен сохранить наличность, дополнив её своей ЦВЦБ [Auer et al 2020]. Независимость Центробанка будет заметнее, если в экономике страны будет присутствовать ЦВЦБ, поскольку ЦВЦБ позволит Центробанку получать часть доходов самостоятельно, не прибегая к поддержке казначейства [Niepelt 2020].

Следует принять во внимание и такую составляющую ЦВЦБ, как эффективность налогообложения. Если центральный банк сам контролирует оборот своей цифровой валюты, он может эффективно контролировать сборы [Kwon et al 2020; Koziuk 2021], а точнее, обеспечивать прозрачную цифровую среду для контроля налоговых органов над денежными потоками и борьбы с теневой экономикой.

Некоторые авторы полагают, что, если государства не успеют ввести национальную цифровую наличность, финансовая устойчивость страны может быть подорвана частными валютами [Chigume 2018]. С такой позицией можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, отказ от введения ЦВЦБ закономерно приведёт к поиску альтернативных цифровых инструментов. С другой – велика вероятность того, что таким инструментом станет не частная валюта, а ЦВЦБ другого государства, что заметно осложнит валютное регулирование и может привести к более сложным последствиям, в первую очередь во внешнеэкономической деятельности.

Сценарий ЦВЦБ как внутригосударственного расчётного инструмента имеет свои преимущества только при условии качественной проработки архитектуры цифровой валюты, подчёркивается в работе [Barresi, Zatti 2020]. Государство, разрабатывая собственную концепцию, должно оценивать привлекательность цифровой валюты для конечных пользователей и прогнозировать риски её использования для внутригосударственных и внешних расчётов.

Создавая ЦВЦБ, финансовый регулятор должен решить для себя, хочет ли он новую денежную единицу или новую платёжную систему [Zetzsche et al 2020] и какие задачи он считает для себя приоритетными. При этом ответы на данные вопросы должны носить конкретный характер и быть нацелены на долгосрочную (более 10 лет) перспективу.

К сожалению, заявив о разработке цифрового рубля, Центральный банк Российской Федерации занял несколько осторожную и потому недостаточно конкретную позицию относительно целей своей деятельности. В специальном отчёте он рассмотрел четыре универсальные модели цифровой валюты центральных банков.

– *Модель А* соответствует традиционной двухуровневой финансовой модели. Центральный банк выпускает цифровой рубль, открывает кошельки банкам для осуществления межбанковских расчётов и операций. Поскольку данная модель не позволяет рассматривать ЦВЦБ как розничный инструмент и не даёт дополнительных преимуществ банкам и пользователям, её отклоняет большинство стран мира.

– *Модель В* подразумевает, что центральный банк открывает и ведёт электронные кошельки пользователей (компаний и физических лиц). Помимо контроля за безопасностью кошельков, регулятор берёт на себя осуществление контрольно-кассового обслуживания по запросу пользователей. Эта система исключает из расчётов коммерческие банки и увеличивает нагрузку на мегарегулятора в части обслуживания кошельков физических лиц. Преимущество модели заключается в том, что большинство расчётов между физическими лицами будут проводиться под жёстким контролем банка, а оперативно вводимая поддержка цифровой валюты (например, посредством начисления процента за пользование и др.) позволит обеспечить контролируемый баланс цифровой наличности и безналичных денежных средств.

– *Модель С*: посредниками между центральным банком-эмитентом и пользова-

телями выступают коммерческие банки. Именно они инициируют открытие электронных кошельков клиентами и осуществление по ним расчётов. Проблема заключается в том, что в этой модели предполагается детальное и полное разграничение компетенций и ответственности центрального банка и коммерческих банков за открытие и ведение счетов, обеспечение безопасности расчётов, контроля ПОД/ФТ (противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма).

– *Модель Д* предполагает, что центральный банк создаёт и ведёт кошельки коммерческих банков, а банки открывают кошельки клиентов и осуществляют по ним расчёты. В этом случае именно коммерческие банки несут ответственность за безопасность платежей, соблюдение требований ПОД/ФТ, качество работы платёжных приложений и др. Данная модель существенно выгоднее для банков, чем Модель С, поскольку на них возлагаются более ясные и прозрачные функции контроля над пользователями. Тем не менее введение этой системы неизбежно вызовет кардинальное перераспределение сил на финансовом рынке: небольшие и средние банки не выдержат конкуренции с технологически сильными кредитными организациями в борьбе за рынок цифровых кошельков и с центральным банком – за рынок розничных платежей в безналичном расчёте. В итоге многократно возрастает риск того, что цифровые кошельки вытеснят с рынка депозитные счета и поставят под угрозу существование кредитных организаций [Sigitus 2019].

Сотрудники Банка Англии вывели систему правил, при которой эти риски могли бы быть нивелированы:

– ЦВЦБ выплачивает регулируемую процентную ставку (эту опцию в настоящее время категорически отвергает Банк России).

– ЦВЦБ и резервы различны и не конвертируются друг в друга.

– Отсутствие гарантированной конвертируемости банковских депозитов в ЦВЦБ по требованию (через обязательство ком-

мерческих банков или центрального банка гарантировать конвертируемость).

– Центральный банк выпускает ЦВЦБ только под приемлемые ценные бумаги (в основном государственные) [Kumhof, Clare 2018].

С этим выводом [Kumhof] соглашаются и другие исследователи, проводящие аналогию между цифровой валютой и государственными облигациями [Bjerg 2018; Chiu et al. 2019].

4

Успех каждого из перечисленных выше сценариев зависит от качества проработки матрицы эффектов ЦВЦБ на индустрию финансовых услуг. Интересная модель оценки цифровых валют сквозь призму двух изменений – продукта и инфраструктуры – предложена в работе [Bech, Garratt 2017]. Рассмотрение ЦВЦБ как продукта предполагает, что он создаётся для решения какой-либо частной проблемы (безопасность платежей, облегчение системы расчётов и др.). ЦВЦБ в инфраструктурном срезе означает, что введение цифровой валюты затрагивает различные сегменты финансовых услуг: депозиты и кредитование, страхование, хеджирование, управление инвестициями, фондирование, брокеридж и трейдинг. В свою очередь, продуктовая и инфраструктурная составляющие могут быть градированы в зависимости от глубины изменений и разделены на три группы: изменения в системе отсутствуют; эволюционные изменения; кардинальные (революционные) изменения.

В зависимости от сочетания этих параметров исследователи Сколково [Кривошея и др. 2017] предложили девять возможных моделей ЦВЦБ (табл. 1).

Каждую из предложенных моделей целесообразно проанализировать сквозь призму ранее рассмотренных предпосылок внедрения ЦВЦБ:

- 1) мотивация стран-разработчиков;
- 2) степень готовности проекта;
- 3) востребованность ЦВЦБ потенциальными клиентами;

Таблица 1
Дизайн ЦВЦБ

Продукт ЦВЦБ	Инфраструктура ЦВЦБ			
	Изменения отсутствуют	Эволюционные изменения	Революционные изменения	
Изменения отсутствуют	Сценарий 1 ЦВЦБ в текущей парадигме	Сценарий 2 ЦВЦБ для внутренней эффективности	Сценарий 3 ЦВЦБ для доступа к национальной инфраструктуре	
Эволюционные изменения	Сценарий 4 ЦВЦБ для дополнения продуктовой линейки финансовых услуг	Сценарий 5 Ремонт существующей индустрии финансовых услуг	Сценарий 6 ЦВЦБ как доступ к новым рельсам для продуктов	
Революционные изменения	Сценарий 7 ЦВЦБ как альтернатива существующим финансовым услугам	Сценарий 8 ЦВЦБ для масштабной цифровой трансформации финансовых услуг	Сценарий 9 ЦВЦБ как доступ к новой экономике	

Источник: [Кривошея и др. 2017].

Таблица 2
Дизайн ЦВЦБ и парадигмы её внедрения

Продукт ЦВЦБ	Инфраструктура ЦВЦБ		
	Изменения отсутствуют	Эволюционные изменения	Революционные изменения
Изменения отсутствуют	парадигма А, парадигма В, парадигма С	парадигма А, парадигма С	парадигма В
Эволюционные изменения	парадигма В, парадигма С	парадигма А	парадигма С
Революционные изменения	парадигма В	парадигма С	?

Источник: данные автора.

4) совместимость с существующей финансовой системой.

Рассматривая предложенные выше сценарии ЦВЦБ в рамках заданных методологических границ и с учётом существующих данных о разрабатываемых проектах ЦВЦБ, можно сделать следующие выводы (табл. 2):

А) парадигма единой цифровой валюты:
– по мотивации участников – 5-й сценарий;

– по степени готовности проекта – 1-й сценарий;

– по востребованности клиентами – 2-й сценарий;

– по совместимости с существующей финансовой системой – 2-й сценарий;

Б) парадигма цифровых валютных блоков:

– по мотивации участников – 7-й сценарий;

– по степени готовности проекта – 1-й сценарий;

– по востребованности клиентами – 3-й сценарий;

– по совместимости с существующей финансовой системой – 4-й сценарий;

В) парадигма национальной цифровой валюты:

– по мотивации участников: для развитых стран – 2-й сценарий, для развивающихся – 8-й сценарий;

– по степени готовности проекта – 4-й сценарий;

– по востребованности клиентами – 6-й сценарий;

– по совместимости с существующей финансовой системой – 1-й сценарий.

Проведённый анализ позволяет заключить, что, вопреки амбициозным заявлениям разработчиков, ни один из предложенных сценариев не рассматривает ЦВЦБ

как качественный инфраструктурный перелом финансовой системы.

Слабая экономическая заинтересованность финансового регулятора в крупномасштабном внедрении ЦВЦБ выражается в том, что все три сценария нацелены преимущественно на использование цифровой валюты для решения отдельных инструментальных задач, а не на создание качественно новой финансовой модели.

В этой связи несколько смелым выглядит Сценарий 2, допускающий заметные эволюционные изменения по параметрам «продукт – инфраструктура», что объясняется во многом поиском конкурентных преимуществ одной национальной цифровой валюты перед другой при выборе единицы расчётов.

Изложенные выше обстоятельства дают основание для вывода, что в ближайшие 3–5 лет интерес к ЦВЦБ будет расти преимущественно в развивающихся странах, добивающихся качественного скачка в развитии сектора цифровых финансовых услуг.

Успех введения ЦВЦБ в рамках Сценариев 2 и 3 будет определяться не уровнем амбициозности поставленных задач, а степенью их готовности к бесшовному сращиванию с уже существующими финансовыми продуктами и инфраструктурой.

В Сценарии 1 ключевыми игроками станут развитые страны, объективно и субъективно не готовые изменить уже выстроенную и хорошо зарекомендовавшую себя финансовую систему, а потому, с учётом их слабой заинтересованности в смене парадигм, цифровая валюта в ближайшие 10 лет не сможет составить альтернативу доллару США как единицы международных расчётов.

В Сценарии 1 велика вероятность выхода на первый план развивающихся стран, готовых предложить качественно новую

финансовую модель. Международно-политическая и макроэкономическая заинтересованность стран, объединяющихся в валютные цифровые блоки, может пересилить их настороженность и стимулировать межгосударственные объединения на поиск новых моделей продуктов и инфраструктуры финансового рынка. Этот процесс может быть активизирован как внутренней конкуренцией стран–участниц блока, так и внешним соперничеством с другими блоками.

* * *

Цифровая валюта центральных банков (ЦВЦБ) только начинает оформляться как самостоятельный финансовый инструмент, объект научного поиска и практического внедрения. Вместе с тем в изучении её возможной архитектуры уже намечается три различных тренда развития: разработка ЦВЦБ как потенциального общемирового средства расчётов, внедрение цифровой валюты межгосударственных блоков или международных организаций и замена наличности в рамках внутрисударственных расчётов. При этом в силу новизны данного инструмента и отсутствия практики его внедрения большинство стран демонстрируют сдержанность позиций относительно выхода ЦВЦБ за пределы внутренних расчётов. Основными препятствиями для этого является слабая мотивация участников и отсутствие совместимости с существующими финансовыми системами. Таким образом, потенциал ЦВЦБ в контексте парадигмы международной финансовой единицы и системы расчётов оказывается в настоящее время недооценённым. Однако в ближайшие 3–5 лет эти парадигмы начнут активно разрабатываться на фоне положительного опыта внедрения модели ЦВЦБ как национальной цифровой валюты.

Список литературы

- Цифровой рубль: Доклад для общественных консультаций 2020. Банк России, Москва. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble (дата обращения: 10.12.2020).
- Киселёв А. Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? М.: Банк России, 2019. 59 с.

- Кривошея Е., Семерикова Е., Королёв А., Тарусова Е.* Безналичная экономика в России 2030: сценарии для рынка и отрасли. Сколково, 2017. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO
- Жуков С.В., Копытин И.А., Масленников А.О.* Экосистема финтеха: крупнейшие частные крипто-системы // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 1. С. 22–37.
- Auer R., Cornelli G., Frost J.* Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies. CESifo Working Paper No. 8655. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3724070> (accessed: 10.12.2020).
- Barresi R. G., Zatti F.* The Importance of Where Central Bank Digital Currencies Are Custodied: Exploring the Need of a Universal Access Device. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3691263> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3691263> (accessed: 10.12.2020).
- Bech M., Garratt R.* Central Bank Cryptocurrencies. BIS Quarterly Review. September 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=3041906> (accessed: 10.12.2020).
- Bjerg O.* Breaking the Gilt Standard – The Problem of Parity in Kumhof and Noone's Design Principles for Central Bank Digital Currencies. CBS Working Paper. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3230625> (accessed: 10.12.2020).
- Bindseil U.* Tiered CBDC and the financial system. European Central Bank (ECB). 2020. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2351~c8c18bbd60.en.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Boar C., Wehrli A.* Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency. BIS Papers No 114. January 2021. URL: <https://www.bis.org/pub/bppdf/bispap114.pdf> (accessed: 10.02.2021).
- Central Bank Digital Currency (CBDC): Retail Considerations. Bank of Canada. Working Paper. 2020. URL: https://www.payments.ca/sites/default/files/paymentscanada_centralbankdigitalcurrency_retail_considerations_2021.pdf (accessed: 10.12.2020).
- Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design. A Discussion Paper. Bank of England. 2020. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design.pdf?la=en&hash=DFAD18646A77C00772AF1C5B18E63E71F68E4593> (accessed: 10.12.2020).
- Chirume A.T.* Financial Technology, Digital Currency and Monetary Policy in Zimbabwe. 2018I. URL: <https://ssrn.com/abstract=3180100> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3180100> (accessed: 10.12.2020).
- Chiu J., Davoodalhosseini S.M., Hua Jiang J., Zhu Y.* Bank Market Power and Central Bank Digital Currency: Theory and Quantitative Assessment. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3331135> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3331135> (accessed: 10.12.2020).
- Christian G.* The Emerging Revolution of Digital Currencies: a Technological Opportunity for Rebalancing the International Monetary System. 2020. URL: http://www.triffininternational.eu/images/RTI/articles_papers/RTI-CSF_Ghymsers_Digital-Currencies-and-IMS_July2020.pdf (accessed: 10.12.2020).
- Kinoti E.* CBDCs: Geopolitical Ramifications of a Major Digital Currency. 2020. URL: <https://www.dgen.org/dgen-reports/cbdc-geopolitical-ramifications> (accessed: 10.12.2020).
- Fernández-Villaverde J., Sanches D., Schilling L., Uhlig H.* Central bank digital currency: Central banking for all? // Review of Economic Dynamics. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1094202520301150?via%3Dihub> (accessed: 10.12.2020).
- Ferrari M.M., Mehl A., Stracca L.* Central bank digital currency in an open economy. ECB Working Paper No. 20202488. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3733463> (accessed: 10.12.2020).
- Friedman M.* The Optimum Quantity of Money and Other Essays. Chicago: Adline Publishing Company, 1969. 208 p.
- Goldman Sachs.* What's in store for the dollar. Goldman Sachs Global. 2020. Issue 94. URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/whats-in-store-for-the-dollar/report.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Hegadekatti K.* Governance and Geopolitics in the Age of Blockchains and Cryptocurrencies. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2889314> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2889314> (accessed: 10.12.2020).
- Kiff J., Alwazir J., Davidovic S., Farias A., Khan A., Khiaonarong T., Malaika M., Monroe H., Sugimoto N., Tourpe H., Zhou P.* A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/06/26/A-Survey-of-Research-on-Retail-Central-Bank-Digital-Currency-49517> (accessed: 10.12.2020).
- Kozziuk V.* Confidence in digital money: Are central banks more trusted than age is matter? // Investment Management and Financial Innovations. 2021. Vol. 18. No. 1. P. 17–23.
- Kumhof M., Clare N.* Central Bank Digital Currencies – Design Principles and Balance Sheet Implications. 725. Staff Working Paper. Bank of England. 2018. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/>

- boe/files/working-paper/2018/central-bank-digital-currencies-design-principles-and-balance-sheet-implications (accessed: 10.12.2020).
- Kwon O., Lee S., Park J.* Central Bank Digital Currency, Inflation Tax, and Central Bank Independence. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3581294> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3581294> (accessed: 10.12.2020).
- New Forms of Digital Money: Implications for Monetary and Financial Stability. IMF. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/30/sp103020-new-forms-of-digital-money> (accessed: 10.12.2020).
- Niepelt D.* Monetary Policy with Reserves and CBDC: Optimality, Equivalence, and Politics. CESifo Working Paper No. 8712. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3740324> (accessed: 10.12.2020).
- Report of the team to examine the issue of Central Bank Digital Currencies. Bank of Israel. 2018. URL: <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Documents/Digital%20currency.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Sidorenko E.L.* Stablecoin as a new financial instrument // Digital Age: Chances, Challenges and Future / ed. by S. Ashmarina, M. Vochozka, V. Mantulenko. Cham: Springer, 2019. P. 630–638. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_75.
- Sigitas S.* Digital Currencies and Central Banking: A Sense of Déjà Vu. Bank of Lithuania Occasional Paper Series 26. Vilnius: Bank of Lithuania: 2019. URL: http://zbw.eu/econis-archiv/bitstream/11159/3434/1/22608_3457e6b4dcd5faa511ce6aa75a30d93c.pdf (accessed: 15.06.2021).
- Wang H., Gao S.* The Future of the International Financial System: A CBDC Network and Regulatory Outlook. CBDC. 2016. DOI: 10.13140/RG.2.2.34579.09766.
- Zetzsche D.A., Buckley R., Arner D., Didenko A., van Romburg L.* Sovereign Digital Currencies: The Future of Money and Payments? University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2020/053. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3714386> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3714386> (accessed: 10.12.2020).

DIGITAL CURRENCY OF CENTRAL BANKS

ECONOMIC SCENARIOS AND FORECASTS

ELINA SIDORENKO

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The study provides a systematic analysis of central banks digital currencies (CBDC) as a new financial instrument. The main goal of the study was to review the CBDC economic development scenarios both domestically and internationally based on the assessment of the main features, advantages and risks of introducing this financial instrument into the modern monetary policy. The study considers the following three main characteristics of CBDC: a tool for domestic settlements, a single unit of account for the economic bloc of countries and a universal international digital currency. Each of these models was considered by the author in terms of the motivation of market participants, degree of readiness of the project and its compatibility with the existing financial system. Differentiation of models, depending on the payment architecture, the technological parameters and the implementation scale, allowed to

The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development. (Agreement № 075-15-2020-783).

conclude that currently there is no common understanding of the CBDC nature and economic advantages neither for individual countries nor for the international community as a whole. Noting the technological advantages of digitalization of the financial system, states are yet to answer the question of the CBDC implementation scale. Will it replace cash domestically or will it become a single international payment instrument? And are states ready today to consider such a possibility? The author concludes the study by substantiating the idea that in the next 3-5 years interest in the digital financial services sector will grow mainly in developing countries looking for a qualitative leap in the development of the digital financial services. As for the developed countries, those are neither objectively nor subjectively ready to change the already built and well-proven financial system, and therefore, given their weak interest in paradigm shifts, digital currency in the next 10 years will not be able to provide an alternative to the US dollar as a unit of international settlements. At the same time, there is a high probability of the CBDC development as a means of payment within the economic bloc of countries provided the unity of purpose of its participants.

Keywords:

central bank digital currency; cryptocurrency; economic scenarios; monetary policy; currency relations.

References

- Auer R., Cornelli G., Frost J. (2020). *Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies*. CESifo Working Paper No. 8655, Available at: <https://ssrn.com/abstract=3724070> (accessed: 10.12.2020).
- Bank of Canada. (2020). *Central Bank Digital Currency (CBDC): Retail Considerations*. Bank of Canada Working Paper. Available at: https://www.payments.ca/sites/default/files/paymentscanada_centralbankdigitalcurrency_retail_considerations_2021.pdf (accessed: 10.12.2020).
- Bank of England. (2020). *Central Bank Digital Currency. Opportunities, challenges and design. A Discussion Paper*. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design.pdf?la=en&hash=DFAD18646A77C00772AF1C5B18E63E71F68E4593> (accessed: 10.12.2020).
- Bank of Israel. (2018). *Report of the team to examine the issue of Central Bank Digital Currencies*. Available at: <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Documents/Digital%20currency.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Bank of Russia. (2020). *Tsifrovoj rubl': Doklad dlya obshchestvennykh konsultatsij 2020*. [The Digital Ruble: A Public Consultation Report]. Bank Rossii, Moscow. Available at: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble (accessed: 10.12.2020).
- Barresi R.G., Zatti F. (2020). *The Importance of Where Central Bank Digital Currencies Are Custodied: Exploring the Need of a Universal Access Device*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3691263> (accessed: 10.12.2020).
- Bech M.L., Garratt R. (2017). *Central Bank Cryptocurrencies*. *BIS Quarterly Review*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3041906> (accessed: 10.12.2020).
- Bindseil U. (2020). *Tiered CBDC and the financial system*. *European Central Bank (ECB)*. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2351~c8c18bbd60.en.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Bjerg O. (2018). *Breaking the Gilt Standard – The Problem of Parity in Kumhof and Noone's Design Principles for Central Bank Digital Currencies*. CBS Working Paper, Available at: <https://ssrn.com/abstract=3230625> (accessed: 10.12.2020).
- Boar C., Wehrli A. (2020). *Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency*. BIS Papers No 114. Available at: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap114.pdf> (accessed: 10.02.2021).
- Chirume A.T. (2018). *Financial Technology, Digital Currency and Monetary Policy in Zimbabwe*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3180100> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3180100> (accessed: 10.12.2020).
- Chiu J., Davoodalhosseini S.M., Hua Jiang J., Zhu Yu. (2019). *Bank Market Power and Central Bank Digital Currency: Theory and Quantitative Assessment*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3331135> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3331135> (accessed: 10.12.2020).
- Christian G. (2020). *The Emerging Revolution of Digital Currencies: a Technological Opportunity for Rebalancing the International Monetary System*. Available at: http://www.triffininternational.eu/images/RTI/articles_papers/RTI-CSF_Ghymsers_Digital-Currencies-and-IMS_July2020.pdf (accessed: 10.12.2020).

- Fernández-Villaverde J., Sanches D., Schilling L., Uhlig H. (2020). Central bank digital currency: Central banking for all? *Review of Economic Dynamics*. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1094202520301150?via%3Dihub> (accessed: 10.12.2020).
- Ferrari M.M., Mehl A., Stracca L. (2020). *Central bank digital currency in an open economy*. ECB Working Paper No. 20202488. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3733463> (accessed: 10.12.2020).
- Friedman M. (1969). *The Optimum Quantity of Money and Other Essays*. Chicago: Adline Publishing Company. 1969. 208 p.
- Goldman Sachs. (2020). *What's in store for the dollar*. Goldman Sachs Global. Issue 94. Available at: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/whats-in-store-for-the-dollar/report.pdf> (accessed: 10.12.2020).
- Hegadekatti K. (2016). *Governance and Geopolitics in the Age of Blockchains and Cryptocurrencies*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2889314> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2889314> (accessed: 10.12.2020)
- IMF (2020). *New Forms of Digital Money: Implications for Monetary and Financial Stability*. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/30/sp103020-new-forms-of-digital-money> (accessed: 10.12.2020).
- Kiff J., Alwazir J., Davidovic S., Farias A., Khan A., Khiaonarong T., Malaika M., Monroe H., Sugimoto N., Tourpe H., Zhou P. (2020). *A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/06/26/A-Survey-of-Research-on-Retail-Central-Bank-Digital-Currency-49517> (accessed: 10.12.2020).
- Kinoti E. (2020). *CBDCs: Geopolitical Ramifications of a Major Digital Currency*. Available at: <https://www.dgen.org/dgen-reports/cbdcs-geopolitical-ramifications> (accessed: 10.12.2020).
- Kiselev A. (2019). *Is there a future for central bank digital currencies?* Moscow: Bank of Russia. 59 p.
- Koziuk V. (2021). Confidence in digital money: Are central banks more trusted than age is matter? *Investment Management and Financial Innovations*. 2021. Vol. 18. No. 1. P. 17–23.
- Krivosheya Ye., Semerikova E., Korolev A., Tarusova Ye. (2017). *Beznalichnaya ekonomika v Rossii 2030: stsennii dlya rynka i otrasli* [Cashless Economy in Russia 2030: Scenarios for the Market and the Economic Sector]. Skolkovo. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_2017_001_ru.pdf
- Kumhof M., Noone C. (2018). *Central Bank Digital Currencies – Design Principles and Balance Sheet Implications*. 725. Staff Working Paper. Bank of England. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2018/central-bank-digital-currencies-design-principles-and-balance-sheet-implications> (accessed: 10.12.2020).
- Kwon O., Lee S., Park J. (2020). *Central Bank Digital Currency, Inflation Tax, and Central Bank Independence*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3581294> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3581294> (accessed: 10.12.2020).
- Niepelt D. (2020). *Monetary Policy with Reserves and CBDC: Optimality, Equivalence, and Politics*. CESifo Working Paper No. 8712. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3740324> (accessed: 10.12.2020).
- Sidorenko E.L. (2019). Stablecoin as a new financial instrument. In: Ashmarina S., Vochozka M., Mantulenko V. (eds) *Digital Age: Chances, Challenges and Future*. Cham: Springer. P. 630–638. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_75. (accessed: 10.12.2020).
- Sigitas S. (2019). *Digital Currencies and Central Banking: A Sense of Déjà Vu*. Bank of Lithuania Occasional Paper Series 26, Bank of Lithuania. Available at: http://zbw.eu/econis-archiv/bitstream/11159/3434/1/22608_3457e6b4dcd5faa511ce6aa75a30d93c.pdf (accessed: 15.06.2021).
- Wang H., Gao S. (2021). *The Future of the International Financial System: A CBDC Network and Regulatory Outlook*. DOI: 10.13140/RG.2.2.34579.09766.
- Zetzsche D.A., Buckley R.P., Arner D.W., Didenko A., van Romburg L. (2020). *Sovereign Digital Currencies: The Future of Money and Payments?* University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2020/053. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3714386> (accessed: 10.12.2020).
- Zhukov S.V., Kopytin I.A., Maslennikov A.O. (2019). Fintech ecosystem: the largest private cryptosystems. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 1. P. 22–37.

Наши авторы

- Беличенко Ангелина Александровна** – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ «Высшая школа экономики»
- Вавилов Андрей Николаевич** – кандидат политических наук
- Васильев Алексей Михайлович** – академик РАН, почетный президент Института Африки РАН, заведующий Кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов
- Виноградов Андрей Владимирович** – доктор политических наук, профессор Кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН
- Кирдянкина Полина Эдуардовна** – стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ «Высшая школа экономики»
- Кортаев Андрей Витальевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института Африки РАН
- Кудряшова Екатерина Валерьевна** – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
- Ланко Дмитрий Александрович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета
- Лунёв Сергей Иванович** – доктор исторических наук, профессор Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, профессор Департамента зарубежного регионоведения НИУ «Высшая школа экономики»
- Миршаймер Джон** – PhD (Political Science), заслуженный профессор Чикагского университета (США)
- Нечипорук Дмитрий Михайлович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета
- Сидоренко Элина Леонидовна** – доктор юридических наук, доцент, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, профессор Кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России
- Трунов Филипп Олегович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН
- Хохлов Никита Валерьевич** – стажер-исследователь Международного центра исследований институтов и развития НИУ «Высшая школа экономики», аспирант Дублинского университета
- Шашкова Анна Владиславовна** – доктор политических наук, профессор Кафедры конституционного права МГИМО МИД России
- Шохин Сергей Олегович** – доктор юридических наук, профессор, профессор Кафедры административного и финансового права, профессор Кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России
- Юртаев Владимир Иванович** – доктор исторических наук, профессор Кафедры теории и истории международных отношений Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Our authors

- Ms Angelina Belichenko** – Research Intern, Laboratory for Monitoring of the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University
- Ms Polina Kirdyankina** – Research Assistant, Laboratory for Monitoring of the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University
- Prof. Dr Andrey Korotayev** – Head, Laboratory for Monitoring of the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Leading Research Fellow, Saint Petersburg State University; Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
- Mr Nikita Khokhlov** – Research Assistant, International Center for Study of Institutions and Development, HSE University
- Prof. Dr Ekaterina Kudryashova** – Leading Research Fellow, Department of Financial, Tax and Budget Law, Institute of Legislation and Comparative Law
- Dr Dmitry Lanko** – Associate Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University
- Prof. Dr Sergey Lunev** – Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University
- Prof. Dr John J. Mearsheimer** – R. Wendell Harrison Distinguished Service Professor of Political Science, University of Chicago
- Prof. Dr Dmitry Nechiporuk** – Senior Research Fellow, Network Research Centre "Human, Environment, Technology" (HumaNET), Tyumen State University
- Prof. Dr Anna Shashkova** – Professor, Department of Constitutional Law, MGIMO University
- Prof. Dr Sergey Shokhin** – Professor, Department of Administrative and Financial Law, Department of Private International and Civil Law, MGIMO University
- Prof. Dr Elina Sidorenko** – Director, Center for Digital Economy and Financial Innovation; Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO University
- Dr Phillip Trunov** – Senior Research Fellow, Department for Europe and America, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Alexey Vasiliev** – Full Member of the Russian Academy of Sciences; Honorary President, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; Chair, Department of African and Arab Studies, RUDN University
- Dr Andrey Vavilov** – PhD in Political Science
- Prof. Dr Andrey Vinogradov** – Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Head Research Fellow, Department of China Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Vladimir Yurtaev** – Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. К столетию дисциплины
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в мироточной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контур мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

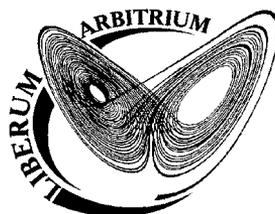
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, поглощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

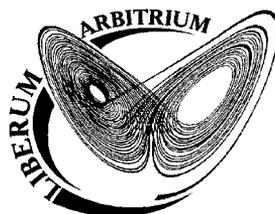
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля – только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу **submissions@intertrends.ru** в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подготавливаемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы – должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-днных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / *IFRI. Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).

Издательство

АСПЕКТ ПРЕСС

Учебная литература для вузов

**Новый
интернет-магазин**

shop.aspectpress.ru

Издательство «Аспект Пресс»
представляет

Торкунов А.В., Рязанцев С.В., Левашов В.К. (Под ред.). Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие. Научное издание. 2021 г. 248 с.

Печатнов В.О., Стрельцов Д.В. (Под ред.). Страны и регионы мира в мировой политике: В двух томах. Учебник. Гриф ФУМО. 2021 г.

Том 1: Европа и Америка. 416 с.

Том 2: Азия и Африка. 368с.

Кавешников Н. Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность: Учебник. Гриф ФУМО. 2021 г. 368 с.

Мартынов Б. Ф., Борзова А. Ю. История внешней политики и дипломатии Бразилии. Учебник. Гриф ФУМО. 2021 г. 288 с.